ВЕСТНИК
О-ВА РЕВНИТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ
3

М 127/24
1916

№ 124/24

Не копировать

Не копировать

333-2-6
П 127/24
Д 259/5

17361

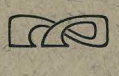
ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ

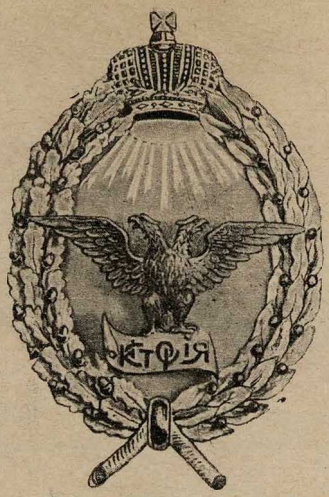
ВЫПУСКЪ III

Подъ редакціей Замѣстителя Предсѣдателя
М. К. СОКОЛОВСКАГО



Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12
1916

14621
3
333-2-6
259
5



ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ

ВЫПУСКЪ III

17051

Подъ редакціей Замѣстителя Предсѣдателя
М. К. СОКОЛОВСКАГО

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12
1916

Ф.33-5228

ПУБЛ. БИБЛ.
КИЕВ
В. И.
ЛЕНИНА
С. С. С. Р.

2014058306

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
К. К. Агаѳоновъ. Изъ переписки Императора Александра II съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Старшимъ) передъ Русско-Турецкой войной 1877—78 гг.	1
В. Е. Боковъ. Мы, Нѣмцы, поставили себѣ цѣлью Россію	19
А. Н. Витмеръ. Дарданеллы и Босфоръ	29
И. И. Зекъ. Итальянская политика Англіи, Франціи и Россіи съ начала XIX вѣка.	34
Онъ же. Изъ исторіи австрійскаго владычества въ Италіи	48
Онъ же. Европейскій концертъ и война 1859 г.	57
В. Я. Курбатовъ. Памятники искусства въ разоренныхъ войною мѣстностяхъ.	73
В. А. Лугаковскій. Старая Варшава	76
Н. Н. Мамантовъ. При шести министрахъ. (По личнымъ воспоминаніямъ).	80
С. Г. Рункевичъ. На Новый годъ	98
Т. О. Соколовская. Историческое призваніе Россіи въ мнѣніяхъ русскихъ поэтовъ	102
Она же. Владиміръ Красное Солнышко въ русской поэзіи	112
Она же. Русская женщина Двѣнадцатаго года.	121
М. К. Соколовскій. Мелкія рѣчи.	128
С. К. Хитрово. Историческое значеніе названій городскихъ улицъ	152
А. И. Шустровъ. Самозванецъ ли «2-й Лжедимитрій»?	159
А. Д. Шеманскій. «Грюнвальдъ» съ русской точки зрѣнія	175
С. Р. Языковъ. Къ вопросу объ архивномъ законодательствѣ	180
П. Ф. Іордановъ. Записка о домикѣ Императора Александра I въ Таганрогѣ.	192
М. Е. Акацатовъ. Письмо Севастопольца. (Сообщеніе)	196
Краткія свѣдѣнія объ Императорскомъ Обществѣ Ревнителей Исторіи.	198

Во избѣжаніе недоразумѣній Редакторъ считаетъ долгомъ предварить читателей, мало ознакомленныхъ съ дѣятельностью Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи, что въ настоящемъ выпускѣ напечатана лишь очень небольшая часть докладовъ, прочитанныхъ въ обществѣ.

Изъ переписки Императора Александра II съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Старшимъ) передъ Русско-Турецкой войной 1877-78 гг.

Съ тѣхъ поръ, какъ Восточный вопросъ сталъ обще-европейскимъ, Россія заняла въ немъ самое видное мѣсто. Одной изъ попытокъ найти отвѣтъ на этотъ жгучій историческій вопросъ является Русско-Турецкая война 1877—78 годовъ.

Я не буду касаться сущности и исторіи вопроса, а попробую представить нѣсколько данныхъ, извлеченныхъ изъ личной переписки Императора Александра II съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Старщимъ), Главнокомандующимъ дѣйствовавшей арміей на Балканскомъ полуостровѣ во время Русско-Турецкой войны.

Эти интересныя письма мало кому извѣстны; пятнадцать лѣтъ тому назадъ они были изданы въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не подлежащихъ оглашенію, съ оригиналовъ, хранящихся въ секретномъ отдѣленіи одного изъ нашихъ военныхъ архивовъ [1]).

Изъ писемъ я взялъ только тѣ мѣста, кои относятся ко времени, непосредственно предшествовавшему объявленію войны.

Письма представляютъ большой историческій интересъ, они проливаютъ свѣтъ на духовную сторону двухъ царственныхъ братьевъ и на красоту ихъ сердецъ. Въ извлеченіяхъ, которыя я приведу ниже, ясно вырисовываются штрихи, оттѣняющіе положенія, считающіяся до сихъ поръ спорными.

Еще не дальше, какъ въ прошломъ нашемъ Собраніи высказывались различные взгляды по поводу русско-балканскихъ отношеній.

Желала ли Россія войны? Скорбѣла ли она дѣйствительно объ угнетенныхъ братьяхъ Балканскаго полуострова или же все это было одинъ лишь предлогъ?

---

[1]) Изданіе этихъ писемъ лежало на моей обязанности, какъ члена Военно-Исторической Комиссіи по описанію Русско-Турецкой войны 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ генерала Михаила Алексѣевича Домонтовича.

Изъ писемъ вы увидите стремленіе разрѣшить дѣло мирнымъ путемъ; увидите, что положеніе балканскихъ христіанъ для Россіи далеко не было безразличнымъ.

Несомнѣнно, что Россія всегда видѣла указующій перстъ Великаго Петра на проливы, помнила «персональный» проектъ, какъ его называлъ великолѣпный князь Тавриды. Россія не забыла, конечно, и Севастопольскихъ ранъ. Однако, духовная сторона шага, о которомъ идетъ рѣчь, преобладала надъ иными сторонами его.

Наконецъ, въ письмахъ мы найдемъ неясныя, какъ бы пророческія предвидѣнія, не чуждыя теперешнимъ кровавымъ событіямъ [1]).

Мобилизація въ Россіи была объявлена 2-го ноября 1876 года. Въ двадцатыхъ числахъ ноября Великій Князь Главнокомандующій отправился въ Кишиневъ, гдѣ находился полевой штабъ арміи; отсюда Великій Князь послалъ первое письмо Императору Александру II.

I.

Кишиневъ. 27 ноября 1876 г.

Любезный Саша! Тебѣ, вѣроятно, Саша и Владиміръ [2]) уже разсказали о томъ, какъ меня войска и Петербургъ проводили въ путь. Я былъ растроганъ до слезъ тѣмъ горячимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ войскѣ и народѣ. Сколько теплыхъ пожеланій довелось мнѣ слышать отъ простаго народа, сколько получилъ я благословеній, и почти всѣ при проѣздѣ моемъ, кланяясь, крестились. Ура было самое дружное, громкое и въ то же время торжественное.

Такіе же проводы встрѣчалъ я всюду, гдѣ проѣзжалъ—въ Москвѣ, Троицкой Лаврѣ, Тулѣ, Орлѣ, Курскѣ. Въ Кіевѣ проводы были какъ-то особенно блистательны.

Прибылъ я въ Кишиневъ утромъ 23 числа, въ прекрасную теплую погоду; несмотря на раннее время и темноту, весь Кишиневъ былъ на ногахъ.

Изъ подробнаго журнала, при семъ Тебѣ посылаемаго, Ты увидишь, въ какомъ положеніи находится моя армія. Войскъ я видѣлъ еще немного, но вообще всѣ видѣнныя мною части въ удовлетворительномъ состояніи, кромѣ одной казачьей батареи, которой командиръ за то будетъ мною отданъ подъ судъ. Духъ въ войскѣ отличный, бодрый и пока здоровіе въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось. Движеніе войскъ затруднено, и въ особенности обозовъ, ужасною непролазною грязью; но со вчерашняго дня, благодаря наступившимъ морозамъ, движеніе немного облегчилось.

---

[1]) Настоящій докладъ состоялся въ январѣ 1915 г., т. е. въ разгаръ великой борьбы славянства съ германизмомъ.

[2]) Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

О Нелидовѣ не имѣю никакихъ извѣстій, и вообще, со дня отъѣзда изъ Петербурга, мы о политикѣ ничего не слыхали до сей минуты. По слухамъ, сюда дошедшимъ, подтверждается, что Турки усиленно занимаются усиленіемъ крѣпостей возводимыми вновь отдѣльными укрѣпленіями. Гарнизоны крѣпостей также усиливаются, въ Шумлѣ устраивается укрѣпленный лагерь. О числѣ собираемаго войска ничего неизвѣстно. Мною приняты мѣры все это подробно узнать. Вотъ пока и все, что есть Тебѣ сообщить; интереснаго пока ничего.

Живу я въ томъ же домѣ, гдѣ жили съ Мишей въ 1854 году.

По интендантской части всѣ мои старанія направлены, чтобы обезпечить армію провіантомъ и фуражемъ на четыре мѣсяца. Когда это окончится, то буду спокоенъ.

На первый разъ кончаю, буду писать тогда, когда будетъ что интереснаго сообщить и нужное испросить. Обнимаю Тебя и Мари отъ всего сердца.

Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

II.

С.-Петербургъ. 7/19 декабря 1876 г.

Благодарю тебя, любезный Низи, за первое письмо твое, изъ Кишинева отъ 28 ноября. Вполнѣ понимаю какъ ты долженъ былъ быть тронутъ проводами здѣсь и по всему твоему пути. Самыя искреннія молитвы и пожеланія тебѣ сопутствуютъ. Да поможетъ тебѣ Богъ оправдать надежды, которыя я и вся Россія на тебя возлагаютъ.

Первый журналъ твой, о всѣхъ распоряженіяхъ, по ввѣренной тебѣ Арміи, я прочелъ съ большимъ любопытствомъ и могу сказать съ удовольствіемъ. Дай Богъ, чтобы здоровіе въ войскахъ поддерживалось въ столь же удовлетворительномъ состояніи какъ доселѣ и увѣренъ что ты обратишь на это все должное вниманіе.

Изъ всего того, что Горчаковъ тебѣ сообщаетъ и того, что ты прямо получаешь отъ Стуарта и Карцева, ты получишь ясную картину настоящаго политическаго положенія. Ты увидишь что, на предварительныхъ конференціяхъ, въ Константинополѣ, мы сдѣлали всѣ возможныя уступки, *для мирнаго*[1]) исхода конференцій, которыя совмѣстимы съ нашимъ достоинствомъ, и для достиженія согласія съ прочими державами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ согласіе это достигнуто, хотя и не безъ труда.

Въ четвергъ или въ субботу условія наши должны быть объявлены Портѣ, въ видѣ ultimatum. Если она ихъ приметъ, что весьма неправдоподобно, то дѣло разрѣшится мирнымъ путемъ, *что разумѣется было бы самымъ лучшимъ результатомъ*[1]). Въ противномъ же случаѣ намъ придется

[1]) Курсивъ нашъ. *К. А.*

не медля начать военныя дѣйствія, съ надеждою что Англія не будетъ намъ препятствовать, такъ какъ она связана будетъ, вмѣстѣ съ прочими державами, общею подписью представленныхъ Портѣ условій. Тогда придется приводить съ возможною быстротою, въ дѣйствіе тотъ планъ кампаніи, о которомъ мы условились здѣсь передъ твоимъ отъѣздомъ. Со стороны Румыніи, какъ кажется, не будетъ сдѣлано никакихъ препятствій къ движенію нашихъ войскъ, но на дѣйствительную помощь Сербіи разсчитывать вовсе нельзя, что явствуетъ изъ послѣднихъ донесеній и Карцева, и Зеленаго, которыя вѣроятно подтверждены будутъ генераломъ Никитинымъ, посланнымъ тобою на мѣсто, и придется отдѣлить тебѣ можетъ быть цѣлый корпусъ, дабы воспрепятствовать туркамъ окончательно разгромить Сербію и угрожать нашему правому флангу.

Въ предвидѣніи этого я приказалъ сформировать еще два корпуса, изъ войскъ Кіевскаго Округа, которые останутся покуда на мѣстѣ, но готовы будутъ при первомъ востребованіи поступить въ полное твое распоряженіе. О подробностяхъ сообщаетъ тебѣ Военный Министръ.

Болѣе писать тебѣ не имѣю возможности, ибо я заваленъ дѣлами.

Вчера, въ 1 часу дня, была сдѣлана глупѣйшая попытка нашихъ нигилистовъ къ уличнымъ безпорядкамъ, передъ Казанскимъ Соборомъ, но сама публика помогла полиціи разогнать толпу и арестовать главныхъ зачинщиковъ, всего около 40 чел. и въ томъ числѣ до 10 женщинъ. Слѣдствіе производится и вѣроятно обнаружитъ сношенія съ нашими заграничными революціонерами.

Мы всѣ здоровы и обнимаемъ тебя отъ души.

Да хранитъ и благословитъ тебя Богъ.

Искренно тебя любящій братъ и другъ Александръ.

III.

Кишиневъ. 5 декабря 1876 г.

Любезный Саша. Сегодня былъ у меня генералъ Черняевъ [1]). Я долго съ нимъ говорилъ и распрашивалъ о Сербіи и положеніи ея арміи. Долженъ начать съ того, что его нашелъ, въ чемъ я никогда и не сомнѣвался, вполнѣ готовымъ исполнить все, что я ни пожелаю ему поручить или приказать сдѣлать. При этомъ мною были ему переданы многія причины, которыя возбудили Твое къ нему неудовольствіе, но что Ты, не-

[1]) Всѣмъ извѣстно, какую популярность пріобрѣлъ ген. М. Г. Черняевъ, въ особенности военными успѣхами въ Туркестанѣ. Въ 1876 г. онъ находился въ отставкѣ и издавалъ газету «Русскій Міръ». По совѣту и при содѣйствіи извѣстнаго слависта И. С. Аксакова онъ въ 1876 г. уѣхалъ въ Сербію, гдѣ принялъ командованіе сербскими войсками. За самовольный отъѣздъ ген. Черняевъ лишенъ былъ правъ русскаго подданства, съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію. Въ концѣ года, однако, ему было разрѣшено прибыть въ Кишиневъ въ Главную Квартиру. *К. А.*

смотря на это, вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ, кавалеръ ордена Св. Георгія и бывшій русскій генералъ, безпрекословно повинуется всѣмъ требованіямъ Твоего Главнокомандующаго. Вообще я нашелъ его совершенно сдержаннымъ въ своихъ выраженіяхъ и во всемъ, что онъ ни говорилъ; требованій никакихъ не предъявлялъ, а повергаетъ себя полному Твоему милосердію, какъ неизмѣнный Твой вѣрноподданный, стремящійся доказать то на дѣлѣ при первомъ случаѣ.

Все, что онъ разсказываетъ про Сербовъ и ихъ армію, весьма грустно. Армія, по его словамъ, подтверждаемымъ слухами, до насъ доходящими, почти что не существуетъ, и сколько войска можетъ быть собрано къ концу перемирія, теперь опредѣлить невозможно, и то, что соберется, рѣшится ли драться? Одни, которые еще будутъ драться и вполнѣ надежное войско, это Русскіе (добровольцы), Черногорцы, Болгары, Албанцы, Австрійскіе Сербы, да еще нѣсколько волонтеровъ, да всѣхъ ихъ вмѣстѣ едва ли будетъ тысячъ пять, много шесть.

Генералъ Никитинъ, вчера пріѣхавъ въ Кишиневъ и узнавъ, что Черняевъ тоже пріѣхалъ вчера же вечеромъ, нарочно остался здѣсь на одинъ день, чтобы съ нимъ видѣться и разузнать про различныя личности какъ Сербовъ, такъ равно и Русскихъ, тамъ оставшихся. Черняевъ самъ сознаетъ, что ему въ главной Сербской арміи оставаться теперь положительно невозможно, потому, говоритъ онъ, теперь армія не только его не послушаетъ, но многіе самого князя Милана приказанія не исполнятъ.

Съ генераломъ Никитинымъ я пока рѣшилъ слѣдующее: по пріѣздѣ въ Бѣлградъ осмотрѣться, узнать какое тамъ настроеніе къ Черняеву и если возможно дать ему какое нибудь отдѣльное командованіе на юго-западной границѣ Сербіи, напр: для соединенія съ Черногорцами, для совокупнаго съ ними дѣйствія, то тогда вызвать его въ Сербію для устройства этого отряда, если же этого нельзя будетъ сдѣлать, то ему придется выждать, пока не найду другаго какого нибудь для него дѣла, потому что онъ просилъ, чтобы я ему далъ хоть самое отчаянное порученіе, онъ съ радостью постарается его исполнить. Пока же будетъ ждать приказаній въ томъ мѣстѣ, въ которомъ ему дозволено будетъ жить съ семействомъ.

Въ газетахъ прочелъ я, что будто, если будетъ рѣшено военное занятіе Болгаріи, то только дозволено будетъ дойти до Балканъ. Если это вѣрно, то для насъ весьма важно, чтобы южный скатъ горъ и всѣ проходы и перевалы были за нами, какъ-то: города Софія, Слатица, Казанлыкъ, Сливно и Карнабатъ, потому что при могущемъ случиться разрывѣ во время окупаціи, всѣ важные и трудные перевалы были бы въ нашихъ рукахъ, что значительно облегчило бы наши дѣйствія.

Живемъ мы здѣсь тихо, занятій много, и пока все идетъ ладно и всѣми доволенъ. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось. Употреблю всѣ силы, чтобы былъ доволенъ нами. Сердечно обнимаю Тебя и Мари.

Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

IV.

С.-Петербургъ. 18/30 января 1877 г.

Любезный Низи. Пока ты былъ такъ слабъ я не хотѣлъ утомлять тебя моими письмами, но ты знаешь, какое живое участіе мы принимали въ твоей болѣзни и вмѣстѣ съ нами вся Армія и могу сказать вся Россія. Подобное общее настроеніе не можетъ не быть для тебя утѣшеніемъ. Слава Богу, что послѣдніе дни болѣзнь твоя наконецъ уступила леченію и что силы твои начинаютъ возвращаться. Но ради Бога береги себя и одѣвайся теплѣе и держи въ особенности ноги теплѣе.

Изъ сообщаемыхъ тебѣ депешъ и изъ писемъ Военнаго Министра къ Непокойчицкому, ты долженъ уже знать о постыдномъ исходѣ Константинопольскихъ конференцій, равно и о томъ, что прежде чѣмъ рѣшиться на военныя дѣйствія, я хочу обратиться съ вопросомъ къ прочимъ 5 державамъ, что онѣ намѣрены дѣлать, такъ какъ обида нанесена имъ Турціею наравнѣ съ нами. Большаго результата я признаюсь не ожидаю, такъ какъ мы одни серіозно желали достичь того, что прочіе добивались мнимо на конференціяхъ. Тѣмъ не менѣе считаю это логичнымъ и для насъ выгоднымъ, такъ какъ начинать военныя дѣйствія прежде конца марта для насъ не мыслимо.

Турки между тѣмъ стараются заключить теперь же миръ съ Сербіею и Черногоріею, чему я не вижу причины противиться, такъ какъ на содѣйствіе первой намъ нечего разсчитывать, а послѣдняя въ случаѣ войны, не смотря на миръ, всетаки пристанетъ къ намъ. Одна невыгода для насъ заключается въ томъ, что Турки еще усилятъ оборонительныя мѣры, а расходы наши, такъ сказать непроизводительные, поневолѣ придется продолжать. Да намъ ничего другаго не остается дѣлать. Да поможетъ намъ Богъ съ достоинствомъ выйти изъ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствъ. Военная конвенція съ Австріею уже заключена и теперь дѣло остановилось изъ за политической, которая съ замѣчаніями нашими послана обратно въ Вѣну, гдѣ обѣ должны быть ратифицированы одновременно. Но грустно то, что тѣ двѣ державы, на которыя мы вправѣ были всего болѣе разсчитывать, всего менѣе поддерживали насъ во время конференцій, а именно Австрія и Германія. Напротивъ того Салисбюри дѣйствовалъ самымъ благороднымъ образомъ. Остается желать, чтобы по возвращеніи въ Лондонъ ему бы удалось образумить прочихъ членовъ Кабинета. Дѣло это должно разъясниться на будущей недѣли и тогда рѣшу что намъ дѣлать.

Слава Богу, что санитарное положеніе въ твоей Арміи продолжаетъ поддерживаться. Здѣсь въ войскахъ больныхъ такъ же менѣе чѣмъ обыкновенно. Новое укомплектованіе отличное. Владиміра [1]) я посылалъ, какъ тебѣ извѣстно, въ Берлинъ, на похороны жены Д. Карла, онъ воротился

[1]) Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

въ пятницу. Костя [1]) отправился въ воскресенье къ бѣдной Вѣрѣ [2]), лишившейся мужа, послѣ двухъ дней болѣзни. Похороны его должны быть завтра въ Штуттгартѣ.

Жена и я здоровы и мы обнимаемъ тебя и Николашу [3]), отъ всего сердца. Да хранитъ васъ Богъ!

Искренно тебя любящій братъ и другъ Александръ.

V.

Кишиневъ. 20 января 1877 г.

Любезный Саша. Берусь въ первый разъ за перо, чтобы отъ всей души благодарить Тебя и Императрицу за все выраженное ко мнѣ вниманіе и заботы во время моей тяжкой болѣзни. Да! я перенесъ страшныя страданія. Все, что со мною происходило въ первую половину болѣзни, я хорошенько не помню, и не могу себѣ дать яснаго понятія о томъ, что со мною было, но за то вторую половину я былъ въ полномъ сознаніи. Страданія и мученія, которыя я въ этотъ разъ испыталъ, были ужасны! Такъ что ихъ нельзя ни перомъ описать, ни языкомъ разсказать. Страданія были сверхъ человѣческихъ силъ, невыносимы. Но благодаря милости Божіей и стараніямъ медиковъ, въ особенности почтеннѣйшаго Пирогова, мнѣ теперь положительно легче и начинаю поправляться. Пироговъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, денно и нощно меня не покидалъ и различными способами облегчалъ мои страданія. По истинѣ долженъ сознаться, что я ему въ особенности обязанъ, что я началъ поправляться. Умоляю Тебя дать почтенному старцу награду. Ты мнѣ этимъ сдѣлаешь огромное удовольствіе. Есть еще одно обстоятельство, которое меня очень безпокоитъ и мучаетъ, именно, что между многими ходящими въ Петербургѣ сплетнями разсказываютъ, что будто бы я хочу проситься изъ арміи прочь. Надѣюсь, что Ты этому не вѣришь, зная какъ я отношусь къ службѣ. Вѣрь мнѣ, что такая мысль мнѣ и въ голову ни минуты не приходила. Я свою армію, мнѣ Тобою ввѣренную, и поста своего не покину до послѣдняго издыханія, несмотря на все, что могло бы со мною случиться.

Въ Арміи у меня все состоитъ совершенно благополучно, все идетъ ладно, тихо, спокойно, никакихъ сплетень и споровъ и непріятностей нѣтъ и помину, всѣ живемъ, если можно такъ выразиться, просто одною семейною жизнью. Больше писать не въ силахъ, усталъ и голова начинаетъ кружиться.

Еще разъ благодарю Тебя и Императрицу за Ваши ко мнѣ милости и обнимаю Васъ обоихъ крѣпко.

Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

---

[1]) Великій Князь Константинъ Николаевичъ.
[2]) Великая Княгиня Вѣра Константиновна.
[3]) Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

P. S. На предложеніе докторовъ съѣздить въ Одессу я единственно согласился потому, что Одесскій округъ мнѣ подчиненъ по хозяйственной части, стало быть я не выѣду изъ подчиненнаго мнѣ раіона.

VI.

Кишиневъ. 23 января 1877 г.

Любезный Саша. Искренно благодарю Тебя за Твое милѣйшее и добрѣйшее письмо, привезенное Орловымъ. Оно доставило мнѣ большое удовольствіе. Дѣйствительно, то участіе, которое высказали мнѣ всѣ и именно вся Россія, глубоко меня тронуло и обрадовало. Я дѣйствительно получилъ телеграммы съ самыми теплыми выраженіями, положительно со всѣхъ концовъ нашей огромной матушки Россіи и отъ всѣхъ сословій. Постараюсь всѣми силами впередъ заслужить ту любовь и надежду на успѣхъ, которыя выразились во всѣхъ полученныхъ мною телеграммахъ. Да поможетъ мнѣ Господь!

Ты говоришь, чтобы я берегъ себя. Буду стараться все исполнить, что только медики предпишутъ, елико возможно. Мнѣ, благодаря Бога, лучше съ каждымъ днемъ, но все еще слабъ, чтобы долго сразу заняться серьознымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе утомляюсь писать, когда долженъ сосредоточить все вниманіе, потому прости, если что не выходитъ гладко. На счетъ движенія впередъ арміи и начатія военныхъ дѣйствій, положительно нѣтъ никакой возможности ранѣе конца марта. Какъ кажется по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Бухареста, Румынія намъ не только не будетъ препятствовать, какъ одно время увѣряли, но готова помочь елико возможно. Выражаетъ она это очень осторожно и подъ большимъ секретомъ. Грустно, что Германія такъ мало выказываетъ намъ сочувствія, неужели она забыла то, что Тобою было для нее сдѣлано въ 1870 и 71 годахъ? Было бы, мнѣ кажется, недурно въ то время, когда мы откроемъ наши военныя дѣйствія, если бы Англія своимъ флотомъ одновременно угрожала бы Константинополю, со стороны моря, въ такомъ случаѣ мы не были бы одни въ этомъ дѣлѣ, и державамъ не было бы причины на насъ нападать за наше движеніе впередъ.

Сегодня принималъ Донъ-Карлоса. Онъ мнѣ очень понравился, въ душѣ военный, молодецъ собой, рослый, красивое лицо, на всѣхъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе, интересуется всѣмъ, что касается военнаго дѣла. Ему показывали госпитали, пекарни, заѣзжалъ въ конвой смотрѣть лошадей, а завтра будетъ парадъ гарнизону. Онъ очень жалѣетъ, что долженъ показываться вездѣ въ гражданскомъ платьѣ и не можетъ надѣть мундира.

Во вторникъ я переѣзжаю въ Одессу. Надѣюсь, что слова медиковъ исполнятся, что для меня необходима перемѣна мѣста и воздуха для скорѣйшаго поправленія и возстановленія силъ, которыя пока очень медленно возвращаются.

Болѣе писать не могу, силы измѣняютъ, утомился. Позволь еще Тебя и Императрицу отъ всего сердца благодарить за всѣ Ваши милости ко мнѣ. Надѣюсь на дѣлѣ доказать, что я умѣю ихъ цѣнить. Обнимаю Васъ обоихъ отъ всего сердца.

Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

VII.

С.-Петербургъ. 2|14 февраля 1877 г.

Искренно благодарю тебя, любезный Низи. за письма твои, отъ 20 и 23 января. Изъ телеграммъ моихъ ты уже знаешь какъ мы радовались, что здоровіе твое видимо поправлялось и что ты хорошо перенесъ переѣздъ въ Одессу. Тѣмъ болѣе намъ было грустно узнать, что въ прошлую субботу боли твои опять возобновились и заставили тебя пролежать два дня въ постели. Слава Богу, что со вчерашняго дня тебѣ стало лучше и что ты могъ встать. По всему кажется, что мнѣніе Боткина оправдывается и что страданія твои происходятъ отъ желчныхъ камней, которые не могутъ еще выйти изъ печени. Чтоже касается глупыхъ слуховъ, что ты хотѣлъ теперь же покинуть твое мѣсто, то не стоитъ обращать на нихъ вниманія и, зная тебя, я впередъ былъ увѣренъ, какой ты дашь на это отвѣтъ. Да подкрѣпитъ тебя Богъ выйти съ достоинствомъ, и если можно, *мирно*[1]) изъ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствъ. Удовлетворительное санитарное состояніе твоей Арміи вновь было мнѣ подтверждено воротившимся изъ Кишинева Абазою и нельзя не радоваться всѣмъ хорошимъ впечатлѣніямъ, которыя онъ оттуда вывезъ, и тому благородному направленію, которое ты умѣлъ внушить твоимъ подчиненнымъ. За это сердечное спасибо тебѣ и твоимъ главнымъ помощникамъ.

Я вполнѣ понимаю, какъ первый привѣтъ войскъ, послѣ твоей болѣзни, долженъ былъ тебя порадовать и тронуть, равно какъ и молодецкая военная прогулка части кавалеріи изъ Кишенева въ Одессу. Съ Божьею помощью, съ такими отличными войсками, воодушевленными подобнымъ духомъ и такою любовью къ своему Начальнику, можно сдѣлать чудеса. Остается желать, чтобы частные начальники съумѣли ихъ вести, если обстоятельства того потребуютъ.

Въ прошедшее воскресенье, послѣ отличнѣйшаго Сапернаго развода, познакомился я съ Д. Карлосомъ, который и на насъ всѣхъ сдѣлалъ самое пріятное впечатлѣніе. Въ понедѣльникъ онъ у насъ обѣдалъ и былъ вечеромъ на балѣ у Владиміра. Въ четвергъ будетъ балъ у насъ въ концертной, а въ пятницу у Саши.

Наша Мари воротилась благополучно изъ Аѳинъ въ Мальту, куда она ожидала на-дняхъ мужа. Со вторника у насъ опять стало очень холодно, но можно надѣяться, что это будетъ непродолжительно. Жена чув-

[1]) Курсивъ нашъ. *К. А.*

ствуетъ себя, благодаря Бога, хорошо и обнимаетъ, вмѣстѣ со мною, тебя и Николашу, отъ глубины сердца. Да хранитъ васъ Богъ!

Искренно тебя любящій братъ и другъ Александръ.

VIII.

Одесса. 12 февраля 1877 г.

Любезный Саша! Отъ всей души благодарю Тебя за Твое добрѣйшее письмо, присланное съ Дерфельденомъ, и за Твое спасибо мнѣ и моимъ помощникамъ, которое насъ всѣхъ осчастливило въ высшей степени. Да поможетъ намъ Господь и далѣе оправдать Твое къ намъ довѣріе и исполнить все по Твоему желанію. Войска время не теряютъ. Ученія и прогулки цѣлыми отрядами продолжаются. Артиллерія занимается практическою стрѣльбою и довольно удачно. Только станетъ немного теплѣе я прикажу и пѣхотѣ начать курсъ стрѣльбы, къ чему князь Масальскій готовитъ по моему приказанію патроны; равно и кавалерія. Я нахожу, что это принесетъ намъ большую пользу. Теперь, по всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ изъ частей, началась распутица и грязь такая, что положительно двигаться нельзя; но при недѣлѣ солнечной, сухой погоды все можетъ высохнуть. Здоровіе войскъ, благодареніе Богу, продолжаетъ быть по прежнему въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Не знаю, что окажется при таяніи и грязи.

Я себя чувствую положительно лучше, воздухъ Одессы и въ особенности морскія теплыя ванны мнѣ приносятъ видимую пользу. Доктора желали бы, чтобы я принялъ ихъ 15-ть разъ. По окончаніи ихъ и смотря по моимъ силамъ, я намѣренъ, выѣхавъ изъ Одессы и до возвращенія въ Кишиневъ, осмотрѣть всѣ войска, расположенныя вдоль и не подалеку желѣзныхъ дорогъ. Нахожу необходимымъ на нихъ посмотрѣть и себя показать, а то мы другъ друга не знаемъ, а знать ихъ необходимо, чтобы смѣлѣе и вѣрнѣе вести ихъ въ дѣло. Жизнь въ Одессѣ веду самую монотонную, однообразную и скучную, сижу все дома, разъ въ день выѣзжаю въ колескѣ, завтракаю и обѣдаю все еще одинъ. Дня три, что по вечерамъ началъ въ карты играть, и собираются по нѣсколько разъ въ день мои господа, болтаемъ и читаемъ. Съ будущей недѣли, надѣюсь, если будетъ тепло, буду гулять пѣшкомъ. Дня два, что аппетитъ имѣю хорошій, и повернуло какъ кажется на положительную поправку. Силы возвращаются, хотя ноги еще слабы.

На этой недѣлѣ изъ окна я смотрѣлъ пѣхотныя части Одесскаго гарнизона. Юнкерское училище въ большомъ порядкѣ и шли молодцами. Замосцкій полкъ отличный. Люблинскаго полка одинъ баталіонъ я только видѣлъ—хорошъ; а мѣстный Одесскій полкъ великолѣпный. Вообще составъ отпускныхъ, вступившій въ части, молодецъ къ молодцу. Три батареи 15-й артиллерійской бригады въ отличномъ состояніи. Вотъ пока и все, что

имѣю сказать. Отъ всего сердца благодарю еще разъ за полученное отъ Тебя спасибо, которое меня положительно осчастливило.

Обнимаю Тебя и Императрицу отъ всей любящей души. Николаша благодаритъ за память и цѣлуетъ Ваши руки.

Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

IX и X.

С.-Петербургъ. 8/20 марта 1877 г.

Надобно сознаться, любезный Низи, что грустное время переживаемъ мы здѣсь! Вчера мы едва схоронили бѣднаго старшаго сына Владимира, а сегодня ожидаемъ ежеминутно извѣстіе о смерти брата жены Пр. Карла, у котораго послѣ воспаленія въ горлѣ сдѣлалась рожа на головѣ. Не сѣтуй на меня, что я отправилъ сегодня утромъ твоего Николашу въ Берлинъ, для поздравленія Императора съ его 80-лѣтнимъ днемъ рожденія, но мнѣ рѣшительно некого было послать въ настоящую минуту, и нельзя было этого не сдѣлать, такъ какъ и Австрійцы посылаютъ туда одного изъ Ерцъ-Герцоговъ. Я придалъ ему Тотлебена и его же Ласковскаго и увѣренъ, что онъ произведетъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе своею скромностью и тактомъ. Прощаясь съ нимъ, я ему сказалъ, чтобы онъ воздерживался отъ всякихъ политическихъ разговоровъ. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ такъ и намѣренъ былъ дѣлать и присовокупилъ: а если меня будутъ спрашивать про духъ нашей дѣйствующей Арміи, могу ли я отвѣчать, что Армія въ политику не вмѣшивается, а думаетъ только объ исполненіи того, что будетъ ей приказано. Да, отвѣчалъ я, и обнялъ его сердечно. Подобныя благородныя чувства о военномъ дѣлѣ вѣрно порадуютъ тебя столько же, сколько и меня, и вполнѣ надѣюсь, что и всѣ прочіе смотрятъ тѣмъ же образомъ на свои обязанности.

Радуюсь, что ты первыми смотрами твоими остался доволенъ и не слишкомъ утомился. Ради Бога береги себя, ибо неизвѣстно еще что насъ ожидаетъ въ скоромъ будущемъ. Подписаніе посланнаго нами съ Игнатьевымъ проэкта протокола опять замедляется въ Лондонѣ, а Турки между тѣмъ дѣлаются все болѣе и болѣе нахальными и предлагаютъ Черногоріи такія мирныя условія, на которыя они не могутъ согласиться. Если Англія ихъ не разувѣритъ въ ея сочувствіи, то я рѣшительно не вижу другаго исхода для насъ какъ войну, не смотря на все мое желаніе на сохраненіе мира. Рѣшительный отвѣтъ ожидаемъ мы на этихъ дняхъ.

Въ слѣдствіе полученной телеграммы твоей изъ Елисаветграда, я отлагаю отправленіе Клейнмихеля съ этимъ письмомъ, до прибытія генерала Рауха.

10/22 марта.

Третьяго дня вечеромъ получили мы извѣстіе о кончинѣ брата жены Пр. Карла, и такъ мы теперь въ двойномъ траурѣ.

Генералъ-маіоръ Раухъ прибылъ вчера.

Всѣ соображенія твои, изложенныя въ письмѣ твоемъ, совершенно правильны, но я сомнѣваюсь, чтобы до 1-го апрѣля вопросъ о войнѣ или мирѣ могъ бы рѣшиться, такъ какъ мы еще не получили окончательнаго отвѣта изъ Лондона о подписаніи протокола, нами предложеннаго. Если онъ даже будетъ принятъ всѣми Державами, то всетаки придется ожидать отвѣта Порты и тогда только можно будетъ рѣшить, что намъ дѣлать. Выжидательное положеніе это во всѣхъ отношеніяхъ крайне тягостно,— да чтоже дѣлать! Дѣло объ открытіи австрійскихъ шпіоновъ имѣетъ и политическую сторону, и я приказалъ его разсмотрѣть совмѣстно кн. Горчаковымъ съ гр. Паленомъ и прежде субботы не могу дать тебѣ отвѣта, какъ съ ними поступить.

Дай Богъ, чтобы ты благополучно воротился въ Кишиневъ и чтобы всѣ смотры твои на пути не повредили бы твоему здоровію.

Здѣсь еще полнѣйшая зима, ежедневно идетъ снѣгъ и по ночамъ сильно морозитъ.

Физически мы здоровы, но, признаюсь, не въ веселомъ расположеніи духа. Ко всему этому присоединяются заботы о революціонной пропагандѣ. Зараза эта къ несчастію распространилась почти по всей Россіи, какъ дѣло, которое теперь судится въ Сенатѣ, то доказываетъ. Необходимо сообразить мѣры для огражденія здоровыхъ элементовъ, для чего на будущей недѣлѣ хочу собрать Совѣтъ Министровъ.

Наша Мари воротилась на-дняхъ въ Мальту послѣ поѣздки въ Сицилію, гдѣ она посѣтила Марусю. Алексѣй со своею эскадрою долженъ прибыть сегодня или завтра въ Нью-Іоркъ, гдѣ и будетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Вотъ покуда и все. Обнимаю тебя отъ души. Да хранитъ тебя Богъ.

Искренно тебя любящій братъ и другъ Александръ.

XI.

Славута, имѣніе князя Саніушко. 13 марта 1877 г.

Любезный Саша! Спѣшу Тебѣ передать какъ я былъ доволенъ всѣми войсками, которыя до сихъ поръ видѣлъ. Могу смѣло сказать, что нашелъ ихъ по истинѣ въ блестящемъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ. Видъ ихъ молодецкій, бодрый, сытый, здоровый и довольный. Всѣ проникнуты самымъ лучшимъ духомъ и горятъ нетерпѣніемъ сразиться со врагомъ. Одѣты всѣ не только хорошо, но щегольски. Офицеры и нижніе чины отвѣчали съ восторгомъ на переданное мною привѣтствіе отъ Твоего имени. Неумолкаемое, чудное, потрясающее Русское Ура было отвѣтомъ и выраженіемъ готовности положить свою голову за своего любимаго Царя и Отечество. Слезы невольно навертывались при этомъ чудномъ зрѣлищѣ.

Строй такихъ молодцовъ, по 40 и 41 ряду во взводахъ, представляетъ внушительный видъ.

Девятая кавалерійская дивизія также въ блестящемъ видѣ и положительно лучшаго нечего желать: лошади отличныя, сильныя, выносливыя, офицеры и люди молодцы; одинъ казачій полкъ слабъ лошадинымъ составомъ, они мелки и слабосильны.

Вслѣдствіе письма Половцова на Твое имя, присланнаго мнѣ Военнымъ Министромъ на разсмотрѣніе, я самъ теперь про все справился на мѣстѣ и могу завѣрить, что никакихъ исторій и непріятностей не было между нимъ и полковыми командирами. Всѣ имъ были довольны и завѣряютъ, что онъ выказывалъ неимовѣрную дѣятельность, повѣряя всѣ занятія въ полкахъ. Иногда выказывалъ несовершенное еще знаніе дѣла, но при этомъ говорилъ самъ, что учится, повѣряя знаніе. У Шилдера-Шулднера спрашивалъ, были ли между нимъ и Половцовымъ недоразумѣнія въ Батуринскомъ лагерѣ. Оказывается, что они жили въ самомъ большомъ ладу. Одни недовольные оказываются оба бригадные командира, которые жаловались на его незнаніе службы, неправильныя требованія и будто онъ до крайности безразсудно мучилъ людей и лошадей. На это долженъ я замѣтить, что генералъ Ратѣевъ старъ, тяжелъ, хворъ и, командуя Псковскимъ полкомъ, выказывалъ нѣкоторую усталость и апатію къ нынѣшнимъ требованіямъ кавалеріи, хотя для резервовъ очень полезный генералъ.

Что же касается Лошкарева, то онъ, бывъ помощникомъ въ 4-й бывшей дивизіи у Манзея послѣдніе годы до раздѣла дивизій, постоянно самостоятельно поручалось ему завѣдываніе казачьими полками Одесскаго Округа, такъ что командовалъ казачею дивизіею, которая собиралась на лѣтніе сборы подъ Елисаветградомъ, иногда въ три полка, а разъ и въ пять полковъ; тутъ, привыкши самостоятельно дѣйствовать, какъ начальникъ дивизіи, и, получая постоянно благодарности за командованіе, теперь, получивъ бригаду у Половцова, имѣя строптивый характеръ и зная, какъ по справедливости должно признаться, службу лучше Половцова, не имѣлъ достаточно такту сдерживаться, положительно нѣсколько разъ имѣлъ передъ фронтомъ съ нимъ непріятныя и неумѣстныя стычки. Чтобы загладить дѣло это, я готовъ, если Ты ничего не имѣешь противъ, назначить Половцова ко мнѣ по особымъ порученіямъ. Я полагаю, что это его успокоитъ. Что-же касается до того, что Половцовъ разсказываетъ, и къ несчастію Саша и Владиміръ тоже вѣрятъ, что одно лицо, которое близко ко мнѣ и въ дружбѣ съ Лошкаревымъ, мнѣ наклеветало на счетъ Половцова, по совѣсти долженъ сказать, совершенная ложь. Я ни одного слова отъ того лица не слыхалъ, а только знаю про это дѣло изъ записки Тобой мнѣ показанной въ Ливадіи, и тогда Ты со мною согласился въ виду немедленнаго выступленія въ походъ смѣнить Половцова, потому что времени не было изслѣдовать этого дѣла, а я, зная изъ службы его въ гвардіи, что онъ не очень умѣетъ маневрировать и вести кавалерійскую часть, боялся его взять въ походъ, какъ начальника дивизіи.

Осмотры заводовъ конскихъ графа Браницкаго и князя Сангушко доставили мнѣ, какъ страстному любителю, истинное удовольствіе и отдыхъ— дѣйствительно есть чѣмъ полюбоваться.

Сегодня, благодаря сорваннымъ мостамъ, я не могъ выѣхать и ѣду завтра.

Обнимаю Тебя отъ всей души, равно Императрицу, увѣренъ, что Вы не сомнѣваетесь, что мои мысли были при Васъ, во время всего грустнаго и тяжелаго времени.

Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

XII.

С.-Петербургъ. 19/31 марта 1877 г.

Сердечно благодарю тебя, любезный Низи, за письмо твое изъ Славуты отъ 13/25 марта, полученное только вчера утромъ. Радуюсь, что ты нашелъ войска вездѣ въ столь удовлетворительномъ состояніи и самъ не слишкомъ утомился.

Я тебѣ уже телеграфировалъ, что Николаша возвратился изъ Берлина, оставивъ тамъ самое лучшее впечатлѣніе, что мнѣ было подтверждено со всѣхъ сторонъ и я вполнѣ понимаю какъ подобные отзывы должны тебя порадовать. *Дай Богъ, чтобы онъ и впередъ моглъ быть всегда твоею радостью.*

Изъ моихъ телеграммъ и шифрованнаго отъ Военнаго Министра тебѣ уже извѣстно, что Англичане не безъ труда наконецъ согласились подписать предложенный нами протоколъ. Сообщаемыя тебѣ депеши покажутъ, до какой степени враждебное къ намъ расположеніе вновь выказалось при этомъ случаѣ. Объ улучшеніи быта христіанъ они какъ будто позабыли и имѣли только въ виду какъ бы заставить насъ демобилизировать нашу Армію. Ты увидишь какъ мы на это отвѣчали и какія мы поставили для этого условія. Все будетъ зависить теперь, какъ Турки на это отвѣтятъ и согласятся ли они отправить къ намъ посла для прямыхъ переговоровъ съ нами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Константинополя едва ли можно ожидать на это ихъ согласія и потому, кажется, война дѣлается неибѣжною. Какъ оно не грустно, но всетаки будетъ лучше, чѣмъ продолженіе того выжидательнаго положенія, которое насъ томитъ уже 5-й мѣсяцъ.

Со стороны Германіи и Австріи мы можемъ считать себя обезпеченными въ настоящую минуту, что для насъ чрезвычайно важно, тѣмъ болѣе что за будущее трудно поручиться. Слѣдовательно и въ политическомъ отношеніи представляется для насъ выгоднымъ начать военныя дѣйствія какъ можно скорѣе, но не скрывая отъ себя всѣхъ трудностей, которыя насъ ожидаютъ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше Святое призваніе и тебѣ оправдать мое довѣріе! Сейчасъ видѣлъ Игнатьева, воротившагося вчера вечеромъ чрезъ Вѣну и Берлинъ. Онъ ничего новаго намъ не привезъ, такъ какъ мы уже все знали по телеграфу. И такъ на этихъ

днях̀ъ судьба наша должна рѣшиться, о чемъ я тебя, разумѣется, увѣдомлю немедленно. Въ случаѣ войны я намѣренъ прибыть въ Кишиневъ, чтобы видѣть хотя часть твоей Арміи до перехода ея за границу и помолиться Богу вмѣстѣ съ вами. Подобной поздней весны я здѣсь давно не помню и только 4 день что началась оттепель.

Жена посылаетъ тебѣ сердечный поклонъ. Она, благодаря Бога чувствуетъ себя хорошо, и я тоже. Сергѣй нашъ поправляется, прочіе всѣ здоровы. Обнимаю тебя отъ глубины любящаго тебя сердца.

Искренно тебя любящій братъ и другъ Александръ.

XIII.

Кишиневъ. 21 марта 1877 г.

Любезный Саша! Отъ всей души благодарю Тебя за Твое добрѣйшее письмо, привезенное Клейнмихелемъ, и за все, что высказалъ на счетъ Николаши. Надѣюсь, что Ты всегда въ немъ найдешь вѣрнаго, добраго и честнаго слугу. Отъ Императора я получилъ также телеграмму, въ которой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о немъ. Признаюсь, что жду его возвращенія съ большимъ нетерпѣніемъ, а то одному подъ часъ бываетъ грустно, далеко отъ всѣхъ дорогихъ и близкихъ сердцу. Вотъ уже пятый мѣсяцъ пошелъ, что я изъ Питера.

Въ субботу вечеромъ окончилъ я свой двухнедѣльный осмотръ войскъ ввѣренной мнѣ арміи. Къ величайшей моей радости могу засвидѣтельствовать передъ Тобою, что никогда не видѣлъ я арміи въ такомъ блестящемъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ, какъ строевомъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи,—о молодецкомъ духѣ и говорить нечего, всѣ горятъ нетерпѣніемъ сразиться со врагомъ. Въ подробномъ донесеніи, при семъ прилагаемомъ, Ты усмотришь тѣ самые оттѣнки, которые мною найдены между частями. Погода все время стояла великолѣпная, особенно приближаясь къ Кишиневу, степь все становилась зеленѣе и погода теплѣе, такъ что иные дни было на смотрахъ жарко.

О себѣ скажу, что я себя берегъ, но и меня всѣ берегли, какъ красную дѣвушку. Всѣ ученія смотрѣлъ, сидя въ коляскѣ самымъ спокойнымъ образомъ.

Клейнмихель изустно передастъ Тебѣ, какъ войска показались, и то чудное впечатлѣніе, которое они на него произвели, и еще исполнилъ ли я Твое приказаніе,—помнить, что я долженъ беречься, потому что не принадлежу себѣ, а Тебѣ и Россіи, я это помнилъ и исполнилъ.

Теперь, вернувшись опять въ Кишиневъ, готовъ на все, что угодно Тебѣ будетъ приказать.

Правду ты говоришь, что выжидательное положеніе очень тягостно во всѣхъ отношеніяхъ, но оно не только тягостно для насъ однихъ, но и для бѣдныхъ христіанъ тоже, которыхъ турки въ ожиданіи нашего при-

хода продолжаютъ по прежнему грабить и зачастую рѣзать. Положеніе бѣдныхъ Болгаръ ни чуть не улучшилось, а по всѣмъ доходящимъ слухамъ ухудшилось. Жаль ихъ бѣдныхъ, сердце обливается кровью. Не смотря на большія старанія вооружить ихъ мнѣніе противъ насъ, они непреклонно вѣрятъ и ждутъ одно спасеніе черезъ Россію.

Пріемъ, оказанный мнѣ въ Кишиневѣ, былъ великолѣпный и радушный. Несмотря на дождь, народу было множество, а вчера вечеромъ иллюминація и большое гуляніе. Вечеръ былъ отличный и теплый.

Сегодня смотрѣлъ Уральскую сотню, чудная, молодецъ на молодцѣ, есть люди кавалеры Хивинскаго похода, которые были у Евгенія подъ командою, они были рады съ нимъ видѣться.

Евгенія я задержалъ при себѣ во время всего моего путешествія, для того, чтобы онъ могъ передать Тебѣ все, что видѣлъ.

Радуюсь, что Сергѣю лучше. Да хранитъ Васъ всѣхъ Господь. Поздравляю отъ всего сердца Васъ съ наступающимъ праздникомъ, мысленно съ Вами всѣми христосуюсь! Сожалѣю, что не на яву.

Отъ всего сердца обнимаю Тебя и Императрицу и остаюсь навсегда

Твоимъ вѣрнымъ слугою и братомъ Николай.

XIV.

С.-Петербургъ. 2/14 апрѣля 1877 г.

Любезный Низи. Хотя черезъ 7 дней я надѣюсь самъ тебя обнять, но я всетаки хочу написать тебѣ нѣсколько словъ съ ген.-маіоромъ Раухомъ. Прежде всего благодарю тебя за письма твои отъ 6-го, 13-го и 21-го марта, равно и за донесенія, привезенныя сегодня утромъ адъютантомъ твоимъ Яфимовичемъ. Всѣ распоряженія твои для сосредоточенія и движенія войскъ я одобряю.

Я полагаю выѣхать отсюда 7-го апрѣля вечеромъ и увѣдомлю тебя по телеграфу о часахъ моего прибытія въ тѣ пункты, гдѣ ты предлагаешь мнѣ дѣлать смотры. Манифестъ о войнѣ намѣренъ я подписать *12-го числа въ Кишиневѣ* и тамъ остаться пока всѣ войска не прослѣдуютъ, и потому смотръ, предполагаемый 10-го числа, откладываю до 12-го. Унгенскій же отрядъ посмотрю 11-го числа. День подписанія Манифеста и перехода чрезъ границу долженъ оставаться въ тайнѣ. Да будетъ благословеніе Божіе съ нами!

Сашу беру съ собою. Владиміръ, который провожаетъ жену съ сыномъ въ Швейцарію, также вѣроятно прибудетъ въ Кишиневъ. Бѣдный Сергѣй, который тоже туда такъ и рвется, къ сожалѣнію въ невозможности тронуться, такъ какъ у него воротилась лихорадка съ тифознымъ оттѣнкомъ и, хотя ему лучше, но онъ еще очень слабъ.

Прочіе всѣ здоровы, не смотря на отвратительную погоду, которая у насъ стояла всю Святую недѣлю. Ты поймешь мое нетерпѣніе увидѣть

славныя войска твоей Арміи и благословить васъ на Святое дѣло. И такъ до скораго свиданія, а покуда обнимаю тебя сердечно.

Искренно тебя любящій братъ и другъ Александръ.

XV.

Кишиневъ. 25 марта 1877 г.

Любезный Саша! Отъ всего сердца благодарю Тебя за добрѣйшее письмо отъ 19-го числа, привезенное Галломъ, и за все, что говорилъ о моемъ добромъ Николашѣ. Счастливъ я, что онъ понравился въ Берлинѣ и не ударилъ лицомъ въ грязь. Не могу скрыть, что жду его пріѣзда съ нетерпѣніемъ.

Всѣ депеши, присланныя Горчаковымъ, читалъ съ большимъ вниманіемъ. Изъ всего видно, что поютъ всѣ старую пѣснь и одного желаютъ—унизить Россію, на сколько у нихъ силъ хватаетъ, и отдалить или уничтожить наше вооруженное вмѣшательство. Нелидовъ изъ Константинополя мнѣ телеграфировалъ вчера, что по видимому все клонится къ войнѣ и Турція опять весьма дѣятельно принялась готовиться къ войнѣ и сильно противъ насъ вооружена.

Счастливъ буду Тебя обнять здѣсь въ Кишиневѣ, и получить Твое благословеніе. Для войскъ же видѣть Тебя и получить личное Твое благословеніе будетъ огромною наградою за отличное ихъ поведеніе въ теченіи пятимѣсячной выжидательной стоянки.

Евгеній, котораго задержалъ я здѣсь, воспользовавшись тѣмъ, что не было проѣзда въ Варшаву, благодаря снесеннымъ мостамъ на Брестской линіи желѣзной дороги, будетъ въ состояніи разсказать подробно о состояніи моей чудной арміи и ея духа.

Пользуюсь тѣмъ, что пишу въ день Благовѣщенія, чтобы поздравить Тебя съ полковымъ праздникомъ нашей старухи Конной Гвардіи.

Въ ожиданіи Твоего слова—«впередъ», остаюсь на всегда Твой вѣрный слуга и братъ Николай.

«Впередъ» было сказано 12 апрѣля 1877 года. Войска перешли границу Имперіи.

Я не буду касаться военныхъ дѣйствій,—они всѣмъ извѣстны. Напомню только, что, совершивъ блестящія переправы у Галаца и Зимницы, армія быстро овладѣла Никополемъ и Тырновымъ. Ее не могли сдержать ни Плевна, ни Балканскія громады. Въ глухую зимнюю пору, по тропинкамъ переваловъ: Травченскаго, Шипкинскаго, Иметлійскаго, Троянскаго, Златицкаго, Бабаканакскаго, Шандорника, Арабаканака и Умургача она свершила орлиный перелетъ въ Забалканье.

Шакиръ бѣжалъ и искалъ спасенія за укрѣпленіями Филиппополя. Въ 5-ти дневномъ бою у Филиппополя и Карагача онъ былъ разгромленъ на

голову. Жалкіе остатки турецкой арміи бѣжали вглубь страны, часть спаслась въ Родопскихъ горахъ, остальные взяты въ плѣнъ.

Въ то же время авангардъ генерала М. Д. Скобелева подъ начальствомъ генерала А. П. Струкова лихимъ налетомъ конницы захватилъ Адріанополь, и русская армія грозно явилась къ Константинополю.

Задача арміи была исполнена. Исполнена такъ, какъ Главнокомандующій твердо и настойчиво обѣщалъ своему царственному брату и другу, какъ мы помнимъ, въ каждомъ письмѣ.

Побѣдные лавры армія вручила дипломатіи.

Берлинъ всѣми силами старался заставить поблекнуть ихъ. Но снять побѣды съ знаменъ и штандартовъ войскъ ему не удалось.

Въ переживаемое нами кровавое время, тотъ же Берлинъ, а съ нимъ обезумѣвшій кайзеръ и вся тевтонская раса трепещетъ, видя русскую рать во главѣ съ благороднѣйшимъ витяземъ земли русской, явившимся защищать Русь и Славянство.

Вы помните оцѣнку, сдѣланную въ Берлинѣ юному царскому посланцу, старымъ, умудреннымъ опытомъ долгой жизни дѣдомъ нынѣшняго кровожаднаго повелителя Германіи, вы помните трогательный восторгъ Царя, вы помните, наконецъ, слова Августѣйшаго отца въ письмѣ 21 марта— «дай Богъ, чтобы онъ (Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій) и впредь могъ быть всегда Твоей радостью».

Пророческое предвидѣніе!..

Благороднѣйшій рыцарь земли Русской Великій Князь Николай Николаевичъ, стоявшій болѣе года во главѣ русской рати, сталъ радостью своей Родины и свѣтлой прекрасной надеждой всего Славянства.

К. Аіавоновъ.

Мы, Нѣмцы, поставили себѣ цѣлью Россію.

(Изъ исторіи оружейнаго дѣла на Уралѣ).

Съ небольшимъ 100 лѣтъ тому назадъ, Германія была покорена Наполеономъ. Французское правительство стало лишать нѣмецкія предпріятія тѣхъ привилегій, которыя имъ были даны нѣмецкими властями. Такъ, оно лишило привилегіи извѣстную Солингенскую оружейную фабрику. Нѣмцы, разумѣется, остались этимъ недовольны и стали искать выхода изъ этого непріятнаго положенія. Двое лучшихъ Солингенскихъ оружейныхъ мастеровъ Вейнбергъ и Шмидтъ обратились къ управляющему Златоустовскимъ горнымъ заводомъ Эверсману съ письмомъ, отъ 18 іюля 1811 года, слѣдующаго содержанія: «Какъ нынѣшнія обстоятельства и уничтоженіе привилегій Солингенской фабрики отнимаютъ отъ насъ всю надежду питаться болѣе честнымъ промысломъ, то просимъ принять благосклонно смѣлость нашу, но надѣемся на Васъ потому болѣе, что предложеніе наше, быть можетъ, послужитъ къ славѣ и пользѣ Вашего Государя и Вашей собственной. Въ Россіи нынѣ заведена можетъ быть фабрика Солингенскихъ клинковъ и ножей. Утѣсненіе здѣсь столь всеобщее, что лучшіе фабричные мастера, также какъ и мы, согласны оставить свое отечество, чтобы избѣжать мрачнаго будущаго времени. Увѣрены будучи о любви Вашей къ художествамъ и фабрикамъ, *мы поставили себѣ цѣлью—Россію*».

Министръ Финансовъ, графъ Гурьевъ, въ вѣдѣніи котораго тогда состояли горные заводы, повергая это письмо на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе, докладывалъ, что симъ столь удобнымъ случаемъ пріобрѣсти славную фабрику клинковъ, какова Солингенская, извѣстная во всей Европѣ, надлежитъ воспользоваться и вызвать мастеровъ огнестрѣльнаго оружія и разрѣшить ему завести переписку съ Вейнбергомъ и Шмидтомъ. Государь Императоръ Александръ I на это представленіе изъявилъ соизволеніе 13 октября 1811 года. Уже на другой день, т. е. 14-го октября, директоръ Горнаго Департамента оберъ-гаупманъ Дерябинъ представилъ министру финансовъ записку по сему дѣлу и испрашивалъ разрѣшеніе вести переписку секретно, чрезъ консулента Гартмана, дабы правительство, въ подданствѣ котораго состоятъ мастера, не сдѣлало препятствій къ отъѣзду и еще болѣе не притѣснило. Тогда противъ бдительной французской полиціи придумали хитрость и условились переписку вести

съ мастерами иносказательно, что имъ пишутъ яко бы объ ожидаемомъ наслѣдствѣ въ Россіи.

Самъ Гартманъ долженъ былъ заграницей дѣйствовать въ качествѣ командированнаго за покупкой книгъ и манускриптовъ для Императорской библіотеки или въ званіи корреспондента по составленію законовъ. Тогда же были выработаны условія, по которымъ надлежало вызвать иностранныхъ оружейниковъ. Высочайше утвержденный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 г. проектъ условій найма иностранныхъ мастеровъ представлялся въ слѣдующемъ. Общимъ условіемъ контракта было то, чтобы иностранцы въ Россіи были свободны отъ рекрутской повинности и податей и пользовались правами, дарованными въ Россіи иностранцамъ. Путь отъ С.-Петербурга до Златоуста на счетъ казны. Жалованье со дня прибытія въ С.-Петербургъ. Безденежная приличная квартира въ Златоустѣ мастеру и его семейству. Безденежное сѣно для скота. Столько земли, сколько договаривающійся можетъ эксплоатировать для садовъ и земледѣлія, не причиняя вреда казеннымъ работамъ. Жена получаетъ для обзаведенія домоводства въ подарокъ двѣ коровы. Жена, по смерти мужа, получаетъ пенсію въ половинномъ размѣрѣ жалованья мужа, пока одинъ изъ сыновей будетъ въ состояніи содержать ее. За каждаго казеннаго рабочаго, которому договаривающійся сообщитъ искусство въ своемъ ремеслѣ до степени мастера, кромѣ одного, получаетъ вознагражденіе 500 рублей ассигнаціями. Для отправки своего богослуженія и для воспитанія дѣтей по обряду нѣмецкому, будетъ доставленъ случай. По истеченіи пяти лѣтъ, мастеръ можетъ возвратиться на родину или—пріятнѣе правительству—можетъ вновь договориться на продолженіе работъ на заводѣ.

Съ такими-то уполномочіями Гартманъ выѣхалъ заграницу въ октябрѣ 1812 года, причемъ наши посольства были, по Высочайшему повелѣнію, прошены исполнять законныя представленія Гартмана.

Въ заключеніи условій съ нѣмцами произошла заминка. Тогда, въ 1813 году, Эверсманъ предложилъ русскому правительству свои услуги ѣхать заграницу для вызова мастеровъ. Объ этомъ Эверсманъ сдѣлалъ докладъ. Комитетъ Министровъ, по журналу 13 мая 1813 года, положилъ: бывшему прусской службы берграту Эверсману для удобнѣйшаго вывоза оружейныхъ фабрикантовъ съ мастерами и работниками, дозволить отправиться въ Германію, выдавъ ему просимую сумму 700 рубл. и 650 червонцевъ. 4 іюля того же года Эверсману дано было свидѣтельство на поѣздку въ Германію и «наставленіе» по возлагаемому на него порученію о вызовѣ въ Россію фабрикантовъ бѣлаго оружія изъ Солингена и огнестрѣльнаго—изъ Эссена.

Но и у Эверсмана порученное дѣло пошло неудачно. Причины тому были не только важныя военныя событія того времени, но и частнаго характера. Кто-то пустилъ слухъ, что въ Златоустѣ отъ жестокихъ морозовъ люди замерзаютъ на улицахъ, по которымъ ходятъ медвѣди, что

башкиры воруютъ людей и чуть-ли не ѣдятъ ихъ. Но нѣмцы, осыпанные русскимъ золотомъ, наконецъ согласились ѣхать въ Россію. Такъ, мастеръ клинковаго цеха Самуилъ Олигеръ, заключилъ съ Эверсманомъ, въ Гагенѣ, 6 апрѣля 1814 года условіе, по которому, между прочимъ, обязался содѣйствовать всѣми силами къ построенію въ Златоустовскомъ заводѣ оружейной фабрики, на образецъ Солингенской, и ввести тамошнюю выдѣлку клинковъ. 3 іюня того же года, въ контонѣ Бергъ заключено условіе съ Шафомъ, мастеромъ травленой и позолотной работы. За путь отъ Либавы до С.-Петербурга выдалъ ему 180 франковъ, жалованье назначилъ по 1500 рублей и предоставилъ прочія льготы. Интересны условія съ Гейнбергомъ и Шмидтомъ. Получаютъ они жалованья по 2.500 руб. въ годъ и на проѣздъ до С.-Петербурга по 300 червонцевъ. Мастерамъ, ѣдущимъ съ ними, на проѣздъ до Риги отъ 20 до 40 червонцевъ, по 5 рублей кормовыхъ въ день, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, пока не заведутъ фабрику и не введутъ клинковое и проч. производства; участки земли подъ домами и огородами отдать имъ въ вѣчную собственность.

Первая партія иностранныхъ мастеровъ прибыла изъ заграницы въ Кронштадтъ весной 1814 года. Въ іюнѣ она была отправлена въ Златоустъ въ сопровожденіи бергъ-гешворина Оливіари, одного рядового и 4-хъ мастеровыхъ отъ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора. Въ томъ же году были отправлены еще 4 партіи иностранныхъ оружейниковъ, въ общемъ числѣ 37 человѣкъ; при нѣкоторыхъ были жены и дѣти; всѣхъ же было 116 человѣкъ, въ томъ числѣ пасторъ и акушерка. Караванъ отправили на 5 лодкахъ водою до Казани, отсюда на лошадяхъ. Въ Златоустъ прибыли въ концѣ августа 1814 года. Поселившись въ Златоустѣ особой колоніей, въ лучшей его части, на 2-хъ улицахъ, названныхъ «Большая нѣмецкая» и «Малая нѣмецкая»,—въ прекрасныхъ домахъ, нѣмцы зажили недурно, получая огромное по тому времени содержаніе.

Находящійся въ Люблинѣ Россійскій вице-консулъ фонъ-Шлецеръ въ 1817 году доносилъ министру финансовъ, что «дошедшіе въ Германскіе города слухи о покойной жизни иностранныхъ оружейниковъ, водворенныхъ въ Россіи, при Златоустовской фабрикѣ, возбудили желаніе и въ другихъ ихъ соотечественникахъ, числомъ до 333 человѣкъ, раздѣлить съ ними счастливую участь, а потому и они просятъ опредѣлить ихъ къ Россійскимъ фабрикамъ». По докладѣ объ этомъ Его Величеству, министръ получилъ Высочайшее соизволеніе на выписку нужнаго числа мастеровыхъ для Златоустовской фабрики. И вотъ снова потянулись нѣмцы въ Россію. Въ концѣ 1815 года на постройку оружейной фабрики казною были отпущены деньги. По окончаніи постройки оружейная фабрика получила величественный видъ. Все предпріятіе это (вызовъ иностранцевъ и постройка фабрики) обошлось свыше 2.153.000 рублей. Указомъ на имя военнаго министра, отъ 7 марта 1817 года, на фабрику возлагалось изготовленіе для арміи по 30.000 экз. бѣлаго оружія и, кромѣ того, ремонтъ такового.

По мысли, сначала фабрика являлась какъ бы школою для русскихъ рабочихъ. По преданію, нѣмецкіе оружейники считали себя хозяевами и не допускали вмѣшательства даже начальствующихъ лицъ, а второстепеннымъ служащимъ прямо указывали на дверь, говоря: «мы здѣсь хозяева, а вы пишите тамъ у себя въ конторѣ». Черезъ 3 года, часть русскихъ рабочихъ научилась изготовлять бѣлое оружіе не хуже иностранцевъ. Выдѣлка на Златоустовской фабрикѣ прекраснаго качества оружія, разумѣется, вызывала необходимость представить Верховному Хозяину Русской Земли—Государю Императору. И вотъ, съ оружіемъ командируются въ Петербургъ два иностранныхъ мастера. Представленное въ 1817 году оружіе понравилось Государю и по Высочайшему повелѣнію выдано мастерамъ оружейной фабрики 10.000 рублей въ награду и поощреніе «къ достиженію вящаго совершенства въ выдѣлкѣ оружія». Изъ числа посланныхъ клинковъ три были приготовлены русскимъ мастеромъ Дорофеемъ Липинымъ. Далѣе, на нѣмецкихъ оружейниковъ посыпались награды, какъ изъ рога изобилія. Вотъ примѣръ. Браковщикъ Оберкотте, поступившій на службу въ 15 году, въ 17-мъ уже награжденъ 200 рублями, въ 19-мъ объявлена благодарность, въ 24-мъ награжденъ 200 рублями, въ 25-мъ—400 рублями, далѣе, чрезъ каждые два года, награждается по 100 руб., въ 32-мъ году—300 рублями, въ 34-мъ—200 рублями, въ 1846 году—серебряною медалью на анненской лентѣ для ношенія на шеѣ. Въ 1832 году по Высочайшему повелѣнію за раздѣлку украшеннаго оружія мастера награждены 1.500 и 2.000 рублей, въ 1824 году, за поднесеніе Государю Императору Александру I, во время бытности его въ Златоустѣ, украшеннаго оружія, награждены медалями 20 мастеровъ и 5.000 рублями. Въ 1825 году по Высочайшему повелѣнію нѣмецкимъ мастерамъ выдана награда въ суммѣ 315 рублей. Въ томъ же году, за три сабли, сдѣланныя по образцу, данному Государемъ, мастеръ Шмидтъ Всемилостивѣйше награжденъ золотыми часами съ цѣпочкой. По Высочайшему повелѣнію въ 27-мъ году выдано 600 рублей мастерамъ за приготовленіе техническаго кабинета для Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Техническій кабинетъ состоялъ изъ оружія въ разныхъ передѣлахъ, начиная отъ стальной полосы и кончая готовой шашкой, чертежами и описаніями. Въ Петербургъ съ техническимъ кабинетомъ былъ командированъ помощникъ директора Оливіери, мастеръ Вольферцъ и рисовальщикъ Бушуевъ. Чиновники получили отъ Государя въ награду брилліантовые перстни, а мастерамъ (8 русскихъ и 4 нѣмецкихъ)—выдано 600 руб. Въ 28-мъ году по Высочайшему повелѣнію выдано въ награду 1.000 рублей за украшенное оружіе для Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича. Въ 29-мъ году по Высочайшему повелѣнію отпущено 2.500 рублей въ награду мастерамъ и мастеровымъ за приготовленіе издѣлій для выставки. Въ 30-мъ году по Высочайшему повелѣнію выдано 1.500 руб. мастерамъ, участвовавшимъ въ приготовленіи сабли, на которой изображено взятіе крѣпости Варны. Въ 31-мъ году по Высочайшему повелѣнію

назначено въ награду 1.500 рублей за украшенное оружіе, поднесенное Государю Императору министромъ финансовъ. Въ томъ же году, за повышеніе урока по дѣлу мѣдныхъ эфесовъ, мастеръ Бильштейнъ получилъ въ награду 300 рублей. Въ 32-году по Высочайшему повелѣнію назначено въ награду мастерамъ за украшенное оружіе 1.000 рублей. Въ 34-мъ году по Высочайшему повелѣнію пожаловано 1.500 рублей мастерамъ за древнее вооруженіе, приготовленное для Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Въ 35-мъ году выдавались награды по 300 рублей ассигнаціями за добровольный вызовъ на повышеніе урока по приготовленію новыхъ саперныхъ и артиллерійскихъ эфесовъ. Въ томъ же году за повышеніе урока, работникъ Шрейберъ произведенъ въ младшіе подмастерья, черезъ четыре года—въ старшіе, еще черезъ 3 года—въ артельные мастера за добровольное повышеніе урока и уменьшеніе припасовъ по точкѣ и полировкѣ. Въ 37-мъ году, за приготовленіе образцоваго оружія, металлическихъ касокъ и друг. издѣлій, мастера удостоились Высочайшей похвалы. Въ томъ же году, мастеръ Лаорхъ, за поднесеніе въ Златоустѣ Наслѣднику Цесаревичу шашки его работы—награжденъ 250 рублями. Однако, бывало, что нѣмцы иногда вызывали и неудовольствіе. Такъ, они увѣрили директора оружейной фабрики, что Государь Императоръ изъявилъ согласіе на поднесеніе оружія Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и когда нѣсколько экземпляровъ съ адресомъ были отосланы, то подарокъ найденъ неумѣстнымъ и, какъ писалъ министръ финансовъ, адресъ иностранныхъ мастеровъ оказался разорваннымъ, а оружіе приказано отдать въ лавку, мастерамъ назначено въ подарокъ 2,400 рублей, а директору фабрики сдѣлать замѣчаніе, такъ какъ Государю Императору по сему предмету ничего не было извѣстно. Далѣе обнаруживалось, что нѣкоторые нѣмцы пріѣхали въ Златоустъ людьми, незнающими дѣла. Напримѣръ, ножневое желѣзо мастера Шнекъ было плохого качества и оказывалось негоднымъ для своего назначенія. Дѣло сырой стали русскіе вели лучше иностранцевъ. Газъ, выписанный для этого дѣла, раньше вовсе его не дѣлалъ, а научился въ Златоустѣ, изъ 13-ти клинковыхъ мастеровъ, знавшихъ дѣло, было только 5 нѣмцевъ, а 8 научились здѣсь; въ Златоустѣ же научились мѣдеплавильному дѣлу 3 нѣмца, какъ сами въ томъ сознавались; изъ 74 иностранцевъ—45 еще сами обучались въ Златоустѣ, и лишь 29 челов. могли быть названы мастерами.

Характеризуя такъ нѣмецкихъ оружейниковъ, новый директоръ фабрики Фурманъ заключалъ: что «не предвидится никакой надобности въ новыхъ дорогихъ нѣмецкихъ мастерахъ». Извѣстно, наприм., что даже дѣти нѣмецкихъ оружейниковъ учились мастерству не у отцовъ, а у русскихъ мастеровъ: Лорхъ—у Носкова, Эбертъ—у Семенникова, Доссеръ—у Пичкалева.

Съ пособіями отъ казны, нѣмцами былъ учрежденъ «Нѣмецкій клубъ» съ лѣтнимъ для него помѣщеніемъ за заводомъ, въ 3—4 верстахъ, на

берегу заводскаго пруда. Мѣсто, съ чуднымъ паркомъ, названо было «Фрейгенталь».

И вотъ, несмотря на все это, несмотря на сытую, привольную жизнь, нѣмцы постоянно выпрашивали себѣ новыя льготы и преимущества. Въ 1824 году иностранные оружейники во время бытности въ Златоустѣ Государя Императора, подали Его Величеству прошеніе о разныхъ къ казнѣ претензіяхъ и, между прочимъ, о содержаніи. Поэтому были составлены штаты, получившіе одобреніе Совѣта Министровъ 18 января 1832 года. На 222 челов. иностранцевъ, съ содержаніемъ отъ 300 до 1.500 рублей, опредѣлялся расходъ въ 141.000 рублей, причемъ дано заключеніе, что необходимы нѣкоторыя правила, кои ограничивали бы непомѣрныя требованія мастеровъ и самое число ихъ при фабрикѣ, въ то же время, однако, рекомендовалось имѣть въ виду, чтобы оружейники не оставались безъ способовъ пропитанія, для чего мало знающихъ опредѣлять въ работники. При введеніи штатовъ 1847 года признавалось болѣе выгоднымъ работы распредѣлять между русскими мастерами, иностранныхъ же оставлять лишь на время, впредь до Высочайшаго повелѣнія.

Государь Императоръ Николай Павловичъ на увольненіе иностранныхъ мастеровъ не изъявилъ согласія; почему, противъ штатнаго исчисленія, на жалованье имъ было до-ассигновано добавочно 20.000 рублей. Въ 1855 г. мастеровъ въ работѣ было 71 и отставныхъ 32 челов. Внѣ службы было 137 иностранцевъ.

Уже черезъ 14 лѣтъ, по пріѣздѣ нѣмцевъ въ Златоустъ, стариковъ озабочивала судьба ихъ дѣтей, и вотъ они подаютъ одно прошеніе за другимъ. Русское правительство рѣшило: «нѣтъ приличнѣе для нихъ средствъ, какъ предоставить имъ права колонистовъ». Часть нѣмцевъ согласилась принять земельный надѣлъ, но чтобы была устроена фабрика для нихъ, съ выдачею ссуды въ 3.000 рублей на 20 лѣтъ, съ отпускомъ для нея стали, желѣза по стоимости казнѣ, безъ прибылей; земельный же надѣлъ освободить отъ податей и повинностей на 50 лѣтъ; все ихъ потомство навсегда освободить отъ рекрутской и денежной повинностей и учредить свой нѣмецкій судъ. На отведенныхъ земельныхъ участкахъ средствами казны должна быть построена церковь, приходскій и училищный домъ, приглашены священникъ и акушерка съ казеннымъ содержаніемъ. На все это выдать привилегіи на вѣчныя времена.

Недурно придумали иностранцы!..

На предложеніе поселиться въ Самарской губерніи, нѣмцы отказались, находя землю непригодной для земледѣлія. Мало этого, еще потянулись дальше. Шмидтъ въ 62 году просилъ предоставить ему покосъ, какъ уволенному въ отставку, на основ. Положенія 8 марта 1861 г.; ему было отказано, такъ какъ законъ этотъ до иностранцевъ не относится. Въ 70 году, проживающій въ С.-Петербургѣ и когда-то работавшій на Златоустовской фабрикѣ, прусскій подданный Шлехтеръ просилъ выдать ему

денежное пособіе взамѣнъ, яко бы слѣдуемыхъ ему 60-ти десятинъ земли. Въ этомъ ему, разумѣется, было отказано.

Нѣмцамъ жилось въ Златоустѣ привольно и зажиточно, родители своимъ дѣтямъ ни въ чемъ не отказывали и изъ нихъ немало вышло баловней, неспособныхъ къ труду. Они отлично танцовали, прекрасно играли на скрипкахъ, флейтахъ и образовали хорошій бальный оркестръ, но за черную, трудовую работу не хотѣли браться.

Въ 27 году на 614 чел. нѣмцевъ дѣтей школьнаго возраста было 130. Въ 38 году ихъ было 144.

Стариками нѣмцами предпринимается рядъ упорныхъ домогательствъ объ устройствѣ ихъ дѣтей, ими подаются прошенія, командируются депутаты.

Въ 30 году былъ данъ отзывъ, что «мастера ходатайствуютъ о своихъ сыновьяхъ, но мастера живутъ въ изобиліи»; на это главный начальникъ урал. горн. заводовъ предлагалъ сыновьямъ нѣмцевъ поступить на госуд. службу, въ конторы по письменной части и высказалъ мнѣніе, что «теперь въ иностр. мастерахъ надобность миновала, что, при большемъ содержаніи мастеровъ, оружіе обходится весьма дорого».

Старики, однако, пошли дальше. Они начали хлопотать въ Петербургѣ чрезъ нѣкоего Юркина. Тутъ ужъ нѣмцы взглянули на дѣло широко. Они желали устроить на счетъ казны мастерскія, въ которыхъ должны быть только одни нѣмцы, и открыть для ихъ дѣтей горное училище, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, нѣмцы оставятъ Златоустъ.

Директоръ фабрики Агте на это доносилъ министру, что «нѣмцы, увлекаемые вниманіемъ правительства, придумываютъ новыя претензіи, по мѣрѣ удовлетворенія прежнихъ».

Что содержаніе 117 нѣмцевъ обходится въ 160.608 руб., тогда какъ такое же число русскихъ — около 22.000 руб., т. е. нѣмцы казнѣ стоили въ 8 разъ дороже своихъ. Угрозамъ же нѣмцевъ, что они оставятъ Златоустъ, никто не придавалъ никакого значенія, зная, что они не разстанутся съ благами завода.

Послѣ долгой переписки Совѣтъ Министровъ сдѣлалъ заключеніе: «что для иностранныхъ мастеровъ сдѣлано болѣе противъ того, что имъ было обѣщано, что сыновья ихъ должны быть почитаемы наравнѣ съ прочими иностранцами и правительству нѣтъ никакой надобности заботиться о пристроеніи ихъ, а слѣдуетъ имъ предоставить избрать родъ жизни на общемъ основаніи, съ оставленіемъ при фабрикѣ тѣхъ, которые нужны и полезны. Дозволить имъ отправленіе всякаго мастерства на собственный счетъ безъ всякихъ пособій и ссудъ, паче не обязывать казну принимать ихъ издѣлія для продажи». Но, несмотря на все это, дѣти нѣмцевъ устраивались лучше русскихъ. Въ то время, когда русскіе получали гроши, нѣмецкіе недоросли брали—рубли.

Во время пріѣзда въ Златоустъ Императора Александра I, нѣмцы утруждали его многочисленными просьбами: объ улучшеніи быта дѣтей ихъ,

о перестройкѣ квартиръ, и Государь выразилъ желаніе «содержать иностранныхъ мастеровъ наилучшимъ образомъ», и будто бы сказалъ пастору Венцелю, что «Россіи стыдно было бы не пропитать 200 семействъ и въ томъ случаѣ, если бы иностранцы и не приносили никакой пользы».

Милостивое отношеніе Императора Александра I въ бытность его въ Златоустѣ, въ сентябрѣ 1824 года, какъ бы поощрило нѣмцевъ къ домогательствамъ, такъ что по Высочайшему повелѣнію въ Златоустъ былъ командированъ бергъ-гаупманъ Агте, чтобы разслѣдовать и разобрать эти претензіи. Большинство ихъ оказалось неосновательными, лишь за путевое довольствіе казна имъ выдала до 20.000 рублей, причемъ министръ финансовъ, представляя въ Комитетъ Министровъ, докладывалъ: «За удовлетвореніемъ иностранныхъ мастеровъ, подобныхъ требованій уже не принимать, ибо претензіи ихъ къ казнѣ постоянно умножаются».

Дальнѣйшія претензіи ихъ казнѣ повели къ тому, что на ихъ прошенія объявлено Высочайшее повелѣніе въ 1838 году, что просьба ихъ не можетъ быть удовлетворена и отъ нѣмцевъ была отобрана подписка въ томъ, чтобы они не безпокоили болѣе начальство такими просьбами. Дѣло дошло даже до того, что двумъ назойливымъ нѣмцамъ, послѣ ихъ неоднократныхъ просьбъ объ увеличеніи жалованья, было объявлено: «если они недовольны получаемымъ жалованьемъ, то могутъ оставить фабрику и искать себѣ лучшаго на сторонѣ». Это ихъ успокоило!

Далѣе послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, 28 февраля 1833 года, постановившее: «принимать ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ, на счетъ заводовъ, по одному человѣку въ Технологическій Институтъ и въ школу межевщиковъ, помѣщать нѣкоторыхъ въ земледѣльческія школы, взять одновременно въ механическое заведеніе при Главномъ Штабѣ для пріученія къ приготовленію инструментовъ; позволить въ Златоустѣ заниматься разными ремеслами».

Нѣмецкая депутація 40-года, какъ и прежнія, не имѣла успѣха. Депутатовъ отозвали и на судѣ нѣмецкомъ они поразсказали о своихъ хлопотахъ; министръ финансовъ съ неудовольствіемъ сказалъ, что нѣмцы поступаютъ неправильно, но обѣщалъ имъ сдѣлать все справедливое. И дѣйствительно, на журналѣ Комитета Министровъ, въ іюнѣ 1843 года, послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Оставить по прежнему, впредь до повелѣнія».

Но назойливость нѣмцевъ не имѣла предѣловъ, и они снова хлопочутъ; въ 1855 году главная контора Златоустовскихъ заводовъ писала, что пріемъ нѣмцевъ признаетъ неудобнымъ, потому что теперь уже достаточно заводскихъ мастеровъ, приспособленныхъ къ дѣлу бѣлаго оружія. Совѣтъ корпуса горныхъ инженеровъ, съ утвержденія министра финансовъ, 21 мая 1855 года, нашелъ возможнымъ и для службы полезнымъ, принимать по вольному найму на работы дѣтей иностранныхъ мастеровъ не съ окладнымъ жалованьемъ, а по задѣльной или поденной платѣ, какую получаютъ русскіе мастера.

При посѣщеніи Высочайшими Особами Златоустовскаго завода, нѣкоторые нѣмецкіе оружейники были осчастливлены посѣщеніемъ ихъ домовъ.

Императоръ Александръ I 22 сентября 1824 года былъ въ домѣ пастора Венцеля и мастера Гельмиха, гдѣ принялъ завтракъ и ознаменовалъ свое высокое присутствіе въ этомъ домѣ пожалованіемъ за завтракъ 500 рублей, оставленныхъ подъ салфеткой. Нѣкоторые изъ иностранныхъ мастеровъ испросили дозволеніе поднести Его Императорскому Величеству оружіе, которое и было принято Государемъ. На клинкахъ были рисунки съ насѣчками изъ золота: Встрѣча Государя въ Златоустѣ, съ надписью: «Государю Императору — счастливый Златоустъ», Бѣгство Наполеона изъ Москвы; виды сраженій, переходъ черезъ Березину и друг. Сабли эти стоили отъ 300 руб. за экземпляръ. За поднесенное оружіе была выдана награда: мастерамъ-рисовальщикамъ 5 золотыхъ медалей (4 нѣмцамъ и 1 русскому), 7 серебряныхъ (3 нѣмцамъ и 4 русскимъ), 9 золотыхъ часовъ—русскимъ и деньгами 5.000 рублей. Иностранныхъ мастеровъ и работниковъ тогда при оружейной фабрикѣ было 107 челов. (а всѣхъ иностранцевъ съ семействами—226 челов.).

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ въ Златоустѣ 7, 8 и 9 іюня 1837 года. При фабрикѣ было нѣмецкихъ мастеровъ 153, ихъ дѣтей школьнаго возраста 144. Въ арсеналѣ Цесаревичу иностранный мастеръ Лорхъ поднесъ своего издѣлія шашку, и за это получилъ въ награду 250 рублей. Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ домѣ мастера и наградилъ его 100 рублями.

Посѣтилъ Златоустовскій заводъ, въ 1845 году Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Тогда было иностранныхъ мастеровъ 122 челов. Иностранцами было подано Герцогу одиннадцать прошеній «о воззрѣніи на ихъ бѣдственное положеніе», о принятіи ихъ дѣтей въ Горный Институтъ и т. д.

Въ 1866 году Златоустъ посѣтилъ князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій.

Въ 1868 году Златоустъ и фабрику посѣтилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Иностранныхъ мастеровъ при оружейной фабрикѣ состояло 38.

Его Императорское Величество Николай Александровичъ изволилъ осчастливить Златоустъ своимъ посѣщеніемъ 30 іюня 1904 года, но оружейную фабрику не осматривалъ, такъ какъ горный начальникъ доложилъ Государю Императору, что рабочіе распущены для встрѣчи Его Величества.

Въ 80-хъ годахъ Германское правительство, наконецъ, спохватилось о Златоустовскихъ нѣмцахъ и потребовало молодыхъ людей отбывать воинскую повинность въ Германіи. Тогда большинство нѣмецкихъ семействъ отправилось на жительство въ Германію, а часть осталась въ Златоустѣ и приняла русское подданство.

Въ настоящее время въ Златоустѣ проживаетъ не болѣе 15 семействъ—русскихъ подданныхъ, сливающихся съ русскими; русскіе женятся на нѣм-

кахъ, нѣмцы на русскихъ. Большая Нѣмецкая улица и Малая Нѣмецкая улица, по постановленію городской думы, переименованы въ Большую Славянскую и Малую Славянскую улицы.

Первоначальные дома нѣмцевъ разрушились и на ихъ усадьбахъ выстроены новые дома, но обыкновенные, а не типа, принятаго для нѣмецкой колоніи.

Теперь о нѣмецкой колоніи осталось одно воспоминаніе.

Оружейная фабрика за 100 лѣтъ существованія выдѣлала болѣе 3-хъ милліоновъ штукъ бѣлаго холоднаго оружія и огромное количество шанцевыхъ инструментовъ.

За это столѣтіе русскія войска съ Златоустовскимъ оружіемъ совершили много побѣдъ.

И вотъ, быть можетъ, сейчасъ, сію минуту, наши доблестные воины этимъ оружіемъ разятъ и громятъ внуковъ учителей-оружейниковъ.

Это оружіе всегда приводило и поведетъ къ славѣ и могуществу Русскаго Царя!

Это оружіе, введенное въ Россіи нѣмецкими мастерами, служило и впредь послужитъ къ величію и мощи нашего дорогого Отечества.

В. Боковъ.

Дарданеллы и Босфоръ.

I.

Въ первый-же день фактическаго объявленія Турціей войны, т. е. разбойнаго нападенія на наши черноморскіе берега, я объяснялъ печатно такое поведеніе тѣмъ, что Турціи надоѣло считаться однимъ изъ европейскихъ государствъ и что она рѣшила удалиться безвозвратно на родину Османлисовъ—въ Азію.

Энергическое выступленіе нашихъ союзниковъ и бомбардированіе Дарданеллъ служитъ яснымъ показателемъ, что указанное пророчество, вѣрность котораго была, впрочемъ, всѣмъ очевидна, готово осуществиться.

Встаетъ, поэтому, во всемъ своемъ величіи вопросъ о проливахъ.

Оба пролива нельзя, однако, ставить на одну плоскость.

Значеніе Дарданеллъ—чисто военное, стратегическое, такъ сказать, запретное.

Что касается Босфора, то помимо стратегическаго значенія, благодаря Царьграду, онъ имѣетъ значеніе политическое и торговое.

Торговое значеніе, однако, съ прорытіемъ Суэцкаго канала сохранилось болѣе по преданію, хотя Босфоръ, конечно, представляетъ собою единственный въ мірѣ по удобствамъ портъ, который можетъ доставить огромныя выгоды, если, благодаря Суэцу, не для міровой торговли, то—въ менѣе обширномъ раіонѣ мѣстныхъ коммерческихъ операцій.

Политическое же его значеніе, по образованіи на Балканскомъ полуостровѣ нѣсколькихъ государствъ, далеко не всегда благосклонно относящихся другъ къ другу, подлежитъ большому, очень большому спору.

Остается безспорнымъ огромное значеніе проливовъ стратегическое и огромное—именно для насъ, для Россіи.

Босфоръ, даже безъ Константинополя, несомнѣнно, составляетъ ключъ къ Черному морю.

Если ключъ этотъ будетъ находиться въ нашихъ рукахъ, все наше цвѣтущее побережье Чернаго моря можетъ считать себя въ безопасности. Никакихъ хулиганскихъ противъ него выходокъ, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ отличились «Гебенъ» и «Бреслау», произведено быть не можетъ. Никакихъ крѣпостей, батарей, никакихъ войскъ для защиты побережья не понадобится, тогда какъ безъ этого ключа, какія-бы крѣпости мы ни

строили, сколько-бы войскъ сухопутныхъ ни держали по берегамъ, защитить послѣдніе нѣтъ ни малѣйшей возможности, даже при преобладаніи, какъ въ данную минуту, нашей морской силы надъ таковой-же противника, если послѣдній запасется двумя-тремя быстроходными судами. Подобныя разбойничьи суда могутъ быть неуловимы даже въ томъ случаѣ, если-бы и у насъ имѣлись такіе-же быстроходы, потому что, даже при одинаковомъ ходѣ, настигнуть быстрохода нельзя: нужно непремѣнно преобладаніе быстроты, или числа быстроходовъ, чтобы поймать гуляющій, какъ вѣтеръ въ полѣ, корабль-хулиганъ.

Имѣютъ-ли такое-же, чисто оборонительное стратегическое значеніе Дарданеллы?

Для государства, владѣющаго Мраморнымъ моремъ, его берегами, конечно, да; если-же Мраморное море находится не въ нашихъ рукахъ и если нѣтъ достаточныхъ основаній къ непремѣнному захвату его, то значеніе Дарданеллъ, какъ ключа къ Мраморному морю, для насъ, для Россіи, само собою падаетъ.

Необходимо замѣтить, что повѣсить замокъ къ Мраморному морю въ Дарданеллахъ, при настоящихъ успѣхахъ техники и поражающихъ своею дальностью современныхъ орудіяхъ,—несравненно труднѣе, чѣмъ на Босфорѣ.

Узкая полоса Галипольскаго полуострова, не превышающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 8 верстъ, даетъ полную возможность непріятельскому флоту расположиться въ Эгейскомъ морѣ или Саросскомъ заливѣ, и поражать оттуда Дарданеллы съ разстоянія даже 25 верстъ, какъ это дѣлаетъ и сейчасъ дредноутъ «Елизавета».

Но весьма вѣроятно, что дальность и сила огня «Елизаветы», которыя десять лѣтъ тому назадъ считались недопустимыми, еще черезъ десять лѣтъ окажутся миніатюрными, сравнительно съ тѣми, какія дадутъ намъ новые успѣхи техники.

Такимъ образомъ, если мы не хотимъ захватывать Мраморнаго моря, укрѣпленіе Дарданеллъ не можетъ повести къ инымъ результатамъ, какъ къ огромной тратѣ матеріальныхъ средствъ и напрасному расходу энергіи въ то время, какъ то, такъ и другое необходимо будетъ приложить съ возможнымъ напряженіемъ для созданія на Босфорѣ такого замка, который нельзя было-бы раскрыть никакой человѣческой волей, никакими усиліями. И сдѣлать это въ Босфорѣ вполнѣ возможно.

Что касается цѣлей наступательныхъ, то если Вседержитель снова накажетъ насъ войною, то Россія такъ сильна, что война съ нею возможна не противъ одного только какого-нибудь противника, а непремѣнно противъ коалиціи хотя-бы двухъ европейскихъ государствъ. А такъ какъ мы поневолѣ принуждены дѣлить наши морскія силы не только на двѣ эскадры—Черноморскую и Балтійскую, но въ будущемъ, вѣроятно, и на три (пользуясь портами Мурманскаго берега, дающими свободный выходъ въ океанъ), то намъ и нѣтъ достаточныхъ основаній разсчитывать на воз-

можность наступательныхъ морскихъ операцій въ Средиземномъ морѣ. Да и въ Черномъ морѣ, если замокъ къ нему будетъ запертъ крѣпко на ключъ, намъ не будетъ основаній производить большія затраты на морскую въ немъ силу. Достаточно, чтобы она преобладала во всѣхъ отношеніяхъ только надъ силами второстепенныхъ государствъ, прислоненныхъ къ Черному морю, и гораздо выгоднѣе будетъ развивать нашу морскую мощь въ Балтикѣ и незамерзающихъ портахъ Сѣвернаго океана.

Вотъ, какъ кажется, правильное съ нашей русской точки зрѣнія рѣшеніе назрѣвшаго вопроса о проливахъ. Босфоръ непремѣнно долженъ быть нашъ, и въ этомъ не заключается ни суетнаго стремленія къ удовлетворенію тщеславія, ни еще менѣе какой-бы то ни было агрессивной цѣли. Нѣтъ, Босфоръ необходимъ намъ въ цѣляхъ самой законной обороны и обезпеченія мирнаго процвѣтанія нашего юга. И обладанія Босфоромъ намъ надлежитъ, поэтому, достигнуть во что-бы то ни стало.

Что-же касается Дарданеллъ, то право на нихъ, на воды пролива, не должно принадлежать никому: всѣ укрѣпленія береговъ должны быть срыты; Дарданеллы должны быть свободны для мирнаго преуспѣянія дѣятельности всѣхъ народовъ, народовъ всего міра.

И такое рѣшеніе вѣкового вопроса, какъ не заключающее въ себѣ ничего агрессивнаго, никому и ничѣмъ не угрожающее въ будущемъ, не можетъ быть принято нашими союзниками иначе, какъ вполнѣ справедливое, правильное и отвѣчающее интересамъ не одной только Россіи, но и всего цивилизованнаго міра.

II.

Въ числѣ доводовъ о необходимости занятія нами Дарданеллъ и укрѣпленія ихъ, приводятся слѣдующіе:

1) Если оставитъ этотъ проливъ свободнымъ для всѣхъ, — какимъ образомъ можно обезопасить Константинополь со стороны моря?

Нельзя не признать, что, если Константинополь даже достанется Россіи—русскимъ городомъ, въ смыслѣ преобладанія въ немъ русскаго населенія, онъ не будетъ никогда. Онъ останется и впредь городомъ балканскихъ народностей, азіатскихъ мусульманъ и предпріимчивыхъ европейцевъ. Поэтому, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предположить возможность бомбардированія, или какихъ-либо агрессивныхъ противъ него дѣйствій съ моря съ чьей-либо стороны. Одесса, напримѣръ, городъ, несомнѣнно, русскій и только въ слабой мѣрѣ международный, никогда не подвергался нападенію нашихъ враговъ; говорю: «никогда», потому что въ 1854 году союзники обстрѣливали не городъ, а лишь ничтожную, полную геройскаго задора, батарею Щеголева.

Но, если-бы даже было признано необходимымъ защитить Константинополь съ моря—достигнуть этого можно несравненно легче и неизмѣримо

дешевле, чѣмъ укрѣпленіями Дарданеллъ, пользуясь губой Мраморнаго моря, ведущей къ Босфору,—посредствомъ постройки двухъ фортовъ, вооруженныхъ дальнобойными орудіями, приблизительно, у С.-Стефано и на азіатскомъ берегу—близъ Картала. При этомъ условіи, да еще при минныхъ загражденіяхъ въ сферѣ обстрѣла изъ указанныхъ фортовъ, безопасность Константинополя съ моря можетъ быть достигнута вполнѣ.

Что касается обезпеченности Царьграда съ сухого пути, то она можетъ быть достигнута достаточнымъ количествомъ сухопутныхъ войскъ и Чаталджинской позиціей.

2) Ходячее мнѣніе о томъ, что намъ необходимо посредствомъ укрѣпленныхъ Дарданеллъ получить свободный выходъ въ Средиземное море,—очень почтенно съ точки зрѣнія патріотизма. Но мнѣ лично оно представляется нѣсколько наивнымъ съ точки зрѣнія спеціально военной, ибо посредствомъ укрѣпленій можно *не допустить къ себѣ*, обезпечить входъ *къ себѣ* непрошеннаго гостя; что-же касается выхода отъ себя, то никакими укрѣпленіями достигнуть этого невозможно: свободный выходъ можетъ обезпечить только реальная, подвижная сила. Нѣтъ такой силы—и выхода не будетъ.

Доказательствомъ могутъ служитъ тѣ-же Дарданеллы: можетъ-ли сейчасъ, хотя одинъ турецкій корабль показать свой носъ изъ Дарданеллъ? То-же было въ 1828 году, когда наша эскадра подъ начальствомъ адмирала Риккора безпрепятственно блокировала Дарданеллы. Наконецъ, на что кажется лучше обезпечилъ себѣ выходъ въ Сѣверное море кайзеръ, и, однако, получилъ-ли онъ этотъ свободный выходъ и не вынужденъ-ли флотъ его прятаться за береговыя сооруженія, да въ Балтійскомъ морѣ—отъ превосходнаго въ силахъ врага?

Такимъ образомъ, безъ малѣйшихъ натяжекъ вопросъ о свободномъ «выходѣ» въ океанъ при разсмотрѣніи вопроса о Дарданеллахъ, надо оставить въ сторонѣ. И, если мы захотимъ получить такой выходъ во что-бы то ни стало, гораздо естественнѣе искать его не въ Дарданеллахъ, а въ противоположномъ концѣ Европы—въ Ледовитомъ океанѣ, на Мурманскомъ берегу.

3) Если Дарданелльскій проливъ оставить свободнымъ для всѣхъ и не укрѣпить его берега, то можетъ явиться какой-нибудь насильникъ, который захватитъ проливъ и закроетъ его своими укрѣпленіями. Но, прежде всего, берега пролива будутъ находиться во власти второстепенныхъ государствъ, отъ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать какихъ-нибудь насильственныхъ дѣйствій. Затѣмъ, вопросъ о свободѣ плаванія по Дарданелльскому проливу касается не только могущественнѣйшихъ государствъ Европы, но даже всего міра. И, если свобода плаванія по Дарданелламъ будетъ гарантирована такими государствами, какъ Россія, Франція, Англія и Италія, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать возможность насилій съ чьей-либо стороны. Какъ лучшее доказательство возможности свободнаго для всѣхъ плаванія по Дарданелльскому проливу, можно

привести никѣмъ и ничѣмъ не укрѣпленные проливы, соединяющіе Балтійское море съ Сѣвернымъ; они остаются свободными и на нихъ никто не посягаетъ.

4) Послѣдній доводъ, наконецъ, подлежащій обсужденію, заключается въ томъ, что проливы—цѣль нашихъ вѣковыхъ стремленій, что владѣніе ими наша историческая миссія, къ осуществленію которой стремились Великая Екатерина и ея даровитый любимецъ Григорій Потемкинъ.

Но про подобную-же историческую миссію мы слышали не только разговоры, но даже требованія; это—движеніе къ Тихому океану и обладаніе имъ. И мы видѣли къ какому результату привело это стремленіе выполнить историческую якобы миссію, миссію захвата и безпредѣльнаго расширенія нашей территоріи во вредъ благоденствію, укрѣпленію и могуществу центра.

Съ другой стороны, даже честолюбивый, увлекающійся, но разумный Потемкинъ, не мечталъ о Константинополѣ, какъ о частицѣ Русской Имперіи, а предполагалъ образовать особое дружественное намъ греческое государство, и самый проектъ его носилъ названіе «Греческаго проекта».

Проектъ этотъ оказался фантастическимъ и ужъ, конечно, не отвѣчающимъ интересамъ нашего отечества. И оставивъ въ сторонѣ всякія quasi историческія миссіи, выдуманныя кабинетными людьми, никогда собою не рискующими, признаемъ несомнѣнною нашу миссію, какъ и миссію всякаго государства—доставить и обезпечить наибольшее благосостояніе, благоденствіе народу.

Помимо этой миссіи, племенное сходство обязываетъ насъ къ покровительству всего славянства. Но исторія показываетъ, что не нужно слишкомъ увлекаться иллюзіями и въ этомъ отношеніи. И тѣмъ болѣе опасно заронить въ славянахъ подозрѣніе въ какой-либо агрессивной на счетъ славянъ политики—въ желаніи поглотить славянство.

Обладаніе Босфоромъ, въ цѣляхъ чисто оборонительныхъ, какъ ключомъ къ нашему Черному морю, совершенно для всѣхъ понятно и никого ни обезпокоитъ, ни возбудитъ противъ насъ не должно. Что-же касается Дарданеллъ, какъ ключа къ Мраморному морю, то недовольство такимъ порядкомъ вещей со стороны народностей Балканскаго полуострова, да и всей, пожалуй, Европы, явилось-бы весьма понятнымъ.

Такимъ образомъ, обладаніе Дарданеллами, какъ надѣюсь, я успѣлъ доказать, должно быть признано актомъ безцѣльнымъ для нашей обороны, безцѣльнымъ и въ смыслѣ обезпеченія свободнаго выхода въ Средиземное море, въ высокой степени разорительнымъ и, помимо всего—политическимъ актомъ, могущимъ внушить недовѣріе и недоброжелательность въ тѣхъ самыхъ исповѣдующихъ единую съ нами православную вѣру народностяхъ, сближеніе съ которыми, а также и покровительство которымъ, несомнѣнно, составляютъ нашу историческую миссію.

А. Витмеръ.

Итальянская политика Англіи, Франціи и Россіи съ начала XIX вѣка.

Британская дипломатія имѣетъ свою прославленную традицію твердости, находчивости, практичности, вѣрной оцѣнки собственнаго и чужого могущества. Независимо отъ сего, она постоянно стремилась приводить интересы отечества въ соотвѣтствіе съ требованіями человѣколюбія и прогресса, и въ тѣхъ случаяхъ, когда это удавалось, она всегда громко поднимала свой голосъ на защиту угнетенныхъ противъ угнетателей. Вотъ, почему Англія, являясь синонимомъ свободы, правопорядка, культуры въ глазахъ порабощенныхъ народовъ, была часто ихъ послѣднею, единственною надеждою.

Борьба, которую Англія вела на всемъ земномъ шарѣ съ Наполеономъ I, производилась въ Италіи подъ лозунгомъ національной и политической свободы отъ французовъ и ихъ императора, а, гдѣ возможно было, сопровождалась введеніемъ либеральныхъ реформъ. Такъ, въ 1812 г. британскій посланникъ при сицилійскомъ дворѣ лордъ Бентинкъ заставилъ Фердинанда I учредить парламентъ по образцу англійскаго. Въ 1814 г. тотъ же Бентинкъ высадился съ войскомъ въ Ливорно, взялъ Геную и призвалъ итальянцевъ къ борьбѣ за независимость. Въ двадцатыхъ годахъ Англія въ отличіе отъ континентальныхъ державъ опредѣленно и многократно высказывалась за невмѣшательство во внутреннія дѣла итальянскихъ монархій, навязанныхъ населенію Вѣнскимъ конгрессомъ, за предоставленіе этихъ монархій ихъ собственной участи.

Британское правительство при каждомъ удобномъ случаѣ выражало свое сочувствіе патріотамъ Италіи, не обращая вниманія на вызываемое тѣмъ неудовольствіе державъ Священнаго Союза. Впослѣдствіи оно чаще и настойчивѣе другихъ совѣтовало Бурбонамъ, папамъ и другимъ правителямъ улучшить либеральными реформами положеніе ихъ подданныхъ. Страхъ испытать бомбардировку англійскаго флота заставлялъ иногда владыкъ Неаполя смягчать участь несчастныхъ жертвъ ихъ политической мести. Итальянскіе изгнанники пользовались въ Англіи широкимъ гостепріимствомъ.

Правда, реальное выраженіе англійскихъ симпатій дѣлу объединенія Италіи было далеко не всегда одинаково значительнымъ. Когда у кормила власти находились виги, дипломатическая поддержка оказывалась рѣшительно и энергично. При торійскихъ же кабинетахъ она ослабѣвала: исконной традиціей торіевъ было сохраненіе дружескихъ отношеній съ Австріею. Одновременно, торіи были враждебны Россіи и долгое время послѣ крымской войны стремились сохранить невыгодную для Россіи группировку европейскихъ державъ начала пятидесятыхъ годовъ. По этимъ именно соображеніямъ въ 1859 году министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Мальмсбюри, предпринялъ, хотя и безуспѣшно, рядъ попытокъ посредничества, чтобы не допустить вооруженнаго столкновенія Франціи и Сардиніи съ Австріею, имѣвшаго прямою цѣлью объединеніе Сѣверной Италіи и упраздненіе въ остальной Италіи австрійской гегемоніи.

Но когда объединеніе Италіи стало совершившимся фактомъ, Великобританское правительство ранѣе всѣхъ другихъ европейскихъ правительствъ признало итальянское королевство. Возникновеніе новаго сильнаго государства ослабляло французское преобладаніе въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Владѣя выходами изъ этого моря въ океаны, Англія была всегда заинтересована въ томъ, чтобы ни одна береговая держава не сдѣлалась владычицею Средиземноморскаго бассейна. Не имѣя возможности его захватить, Англія допускала свободную конкурренцію силъ и интересовъ другихъ государствъ. Этимъ объясняется ея абсолютное невмѣшательство въ Триполитанскую войну.

Въ свое время, совершенно независимо отъ соображеній правительства, англійскій народъ горячо симпатизировалъ героической борьбѣ старой культурной націи за свободу и независимость и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей принесъ итальянскому дѣлу огромныя жертвы жизнями, трудомъ, деньгами.

Память объ этомъ жива по ту сторону Альпъ.

При существованіи тройственнаго союза англо-итальянская война была немыслимою уже въ виду прочно создавшихся отношеній между обоими народами. Другою причиною невозможности войны была опасность, которою грозилъ бы могущественный британскій флотъ весьма длинной и слабо защищенной береговой линіи Италіи.

Какъ утверждаютъ, въ текстѣ соглашенія о тройственномъ союзѣ имѣлась оговорка, предоставлявшая Италіи свободу дѣйствій въ случаѣ войны нѣмецкихъ державъ съ Англіей.

Никогда и нигдѣ не конкуррируя съ владычицею морей, Савойское королевство теперь оказываетъ ей, своей бывшей покровительницѣ, помощь противъ общаго врага. Новый союзъ объясняется какъ естественною необходимостью обороны отъ добивающагося всесвѣтной гегемоніи германизма, такъ несомнѣнно и причинами историческими.

Гораздо болѣе сложныя отношенія Франціи къ Италіи въ минувшемъ вѣкѣ являли собою сплошное нарушеніе первою основныхъ правилъ всякой здравой политики. Пренебреженіе Италіею, ея вѣковою культурною силою, живымъ духомъ народнымъ, географическимъ и стратегическимъ положеніемъ, оказалось для Франціи роковымъ, заставило пролить море человѣческой крови, разссорило на долгое время обѣ «латинскія сестры» и создало политическую конъюнктуру, опасную для европейскаго мира и продержавшуюся десятилѣтія.

Съ острова Св. Елены Наполеонъ заявлялъ, что всегда имѣлъ въ виду создать изъ Апеннинскаго полуострова, Сициліи и Сардиніи одно государство со столицею Римомъ, сдѣлать его своею «секундогенитурою», т. е. монархіею, наслѣдственною въ младшей линіи фамиліи Бонапарте, и превратить итальянскій народъ, возрожденный реформами къ новой жизни, въ сильнаго и вѣрнаго вассала Франціи.

Между тѣмъ вся политика Наполеона свидѣтельствовала о противномъ. Часть Италіи была непосредственно присоединена къ Франціи, а остальная раздѣлена на два удѣла Наполеонидовъ. Наполеонъ хищнически эксплоатировалъ Италію, обходился съ нею, какъ древній завоеватель съ покоренною страною: расточалъ ея финансы, вывозилъ изъ церквей и музеевъ лучшія произведенія искусства, повышалъ прежніе и предписывалъ новые налоги, производилъ рекрутскіе наборы для пополненія собственной арміи. Знаменитыя побѣды одерживали вовсе не одни французскія, а франко-италійскія войска. Десятки тысячъ итальянскихъ жизней были принесены въ жертву честолюбію Наполеона.

Вначалѣ завоеванный край сравнительно легко и безропотно переносилъ иго геніальнаго полководца. Человѣкъ итальянскаго происхожденія и имени, онъ явился въ народной фантазіи римскимъ императоромъ, который, ставъ во главѣ галльскихъ легіоновъ, овладѣваетъ древнимъ государствомъ. На него смотрѣли, какъ на полубога. Патріархъ Венеціи привѣтствовалъ его словами: «Францію Вы спасли, но Италію создали». На самомъ дѣлѣ, Наполеонъ громомъ своихъ побѣдъ, разрушеніемъ обветшавшихъ политическихъ и общественныхъ устоевъ пробудилъ Италію къ новой жизни, и, хотя она надолго послѣ него осталась «выраженіемъ географическимъ», но пути ея предопредѣлились.

Въ полной власти Наполеона было пойти навстрѣчу великому дѣлу своей націи и безъ кровопролитія создать единое государство, прочную опору Франціи и ея новой династіи. И людей, и средствъ было достаточно. Въ качествѣ намѣстника императора въ итальянской монархіи имѣлся исключительно подходящій, самою судьбою для того назначенный человѣкъ, который былъ преданъ дѣлу національнаго возрожденія Италіи и пользовался общею популярностью, какъ личность выдающаяся по уму, военнымъ и административнымъ способностямъ и какъ политическій дѣятель безупречной нравственности. То былъ пасынокъ Наполеона, вице-

король Итальянскій Евгеній Богарнэ, побѣдитель при Раабѣ, Кальдіеро, Реджіо и Ровиго.

Основаніемъ этого королевства Наполеонъ обнаружилъ всю двойственность и непослѣдовательность своей итальянской политики. Занимая сѣверо-восточную треть полуострова, это королевство должно было служить заслономъ отъ Австріи, и Евгенію разрѣшалось будить въ народѣ національное самосознаніе, уваженіе и любовь къ своей самобытности. Въ то же самое время въ сѣверо-западной трети Италіи, составной части французской имперіи, національныя особенности и чувства попирались самымъ безпощаднымъ образомъ, а въ южной трети страны авантюристъ Мюратъ ревниво оберегалъ въ своихъ личныхъ интересахъ неаполитанскій партикуляризмъ, отъ соприкосновенія съ обще-итальянскою идеею.

Создавшаяся силою военная монархія отъ силы же пала, не поддержанная созниками, о пріобрѣтеніи коихъ Наполеонъ своевременно не позаботился. Господствуя хитростью и насиліемъ, онъ никогда не обнаруживалъ истиннаго политическаго генія, который сообразуется съ совѣстью и имѣетъ въ виду нравственное и общественное развитіе человѣчества.

Послѣдствіемъ его политики было чрезвычайное озлобленіе итальянцевъ противъ Франціи и всего французскаго, чѣмъ искусно воспользовались государи, рѣшавшіе судьбы Италіи на Вѣнскомъ конгрессѣ: они поспѣшили отмѣнить всѣ законы и учрежденія Наполеона, казавшіеся либеральными или способствующими дальнѣйшему росту національной идеи.

Смѣнившіе Наполеона Бурбоны, оффиціально конституціонные государи и деспоты въ душѣ, поддерживали реакцію на Апеннинскомъ полуостровѣ. На конгрессѣ въ Лайбахѣ французскій уполномоченный заодно съ государями Священнаго Союза выслушивалъ доносы короля обѣихъ Сицилій Фердинанда I на собственныхъ его подданныхъ, осмѣлившихся добиться конституціи, и присоединился къ резолюціи державъ, ее отмѣнявшей. На конгрессѣ въ Веронѣ Франція принципіально одобрила подавленіе освободительнаго движенія въ Италіи посредствомъ иностраннаго вмѣшательства. Она возставала только противъ австрійской монополіи на это вмѣшательство.

Итальянскіе патріоты ничего не ждали отъ французскихъ легитимистовъ и возлагали надежды на либераловъ. Но они обманулись. Іюльская революція отдала власть въ руки либераловъ изъ крупной буржуазіи. Новое французское правительство въ основу своей политики поставило уже не поддержаніе абсолютизма въ сосѣднихъ государствахъ, а сохраненіе мира, европейскаго равновѣсія и энергичную дипломатическую борьбу съ преобладаніемъ Священнаго Союза, въ частности съ гегемоніей Австріи и Италіи. Однако, съ тѣмъ вмѣстѣ Перье, Тьеръ и Гизо защищали въ законодательныхъ учрежденіяхъ и стремились провести въ жизнь слѣдующее правило внѣшней политики, превратившееся затѣмъ на долгіе годы въ традицію французской дипломатіи. Именно было признано, что

интересы Франціи не допускаютъ ни образованія сколько-нибудь значительныхъ государствъ около ея предѣловъ, ни распространенія исключительнаго вліянія какой-либо великой державы на слабыя государства, граничащія съ Франціею. Насколько основательна вторая часть этого сужденія, настолько сомнительна первая, которая вообще не можетъ быть высказываема безотносительно. Съ силою національныхъ импульсовъ очевидно не считались. Но если бы у сосѣдей, слабыхъ и разрозненныхъ, появилось естественное желаніе объединить всю свою народность въ одно государственное цѣлое, то, по мнѣнію французскихъ доктринеровъ, надо было препятствовать объединительному движенію у сосѣдей и прежде всего не мѣшать чинить эти препятствія другимъ заинтересованнымъ державамъ, а затѣмъ соотвѣтственно международному положенію принимать и самимъ надлежащія мѣры, въ родѣ военной оккупаціи, ссылаясь въ оправданіе своихъ дѣйствій на силу обстоятельствъ и на защиту національной независимости отъ посягательствъ третьей державы.

Очутившіеся у власти французскіе либералы остались безучастными зрителями страданій молодой Италіи.

Въ 1832 году Перье послалъ 3 корабля и около 1000 солдатъ для занятія Анконы подъ предлогомъ безкорыстной охраны мѣстной національной независимости [1]) и съ дѣйствительною цѣлью уравновѣсить въ предѣлахъ Папской Области французское вліяніе съ австрійскимъ и совмѣстно съ Австріей поддерживать тамъ «порядокъ».

Правительство Луи-Филиппа преслѣдовало и изгоняло итальянскихъ политическихъ эмигрантовъ, искавшихъ убѣжище у родственнаго народа, пользовавшагося благами представительнаго режима.

Оффиціально либеральная и демократическая, на самомъ дѣлѣ, клерикальная и ультра буржуазная вторая французская республика вступилась за неприкосновенность свѣтской власти папы и вооруженною силою раздавила подлинно—демократическую римскую республику, молодое и жизнеспособное національное государство. 3 іюля 1850 года Римъ былъ взятъ французскими войсками, посланными туда на три мѣсяца, но пробывшими тамъ двадцать лѣтъ.

Наполеонъ III не имѣлъ опредѣленнаго взгляда на итальянскія дѣла. Съ одной стороны, клерикалы, которымъ онъ былъ обязанъ карьерою, внушали ему, что «честь Франціи требуетъ» защищать папу отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Съ другой стороны, имя, преданія, унаслѣдованныя отъ великаго дяди, воспоминанія молодости и клятвы, данныя нѣкогда карбонаріямъ, заставляли Наполеона III задумываться надъ тѣмъ, что ему «можно сдѣлать для Италіи». Совмѣстныя съ итальянцами военныя дѣйствія въ Крыму, дипломатическое искусство Кавура, сѣявшаго раздоръ

---

[1]) Любопытно, что подъ этимъ предлогомъ происходили всѣ вообще французскія оккупаціи итальянской территоріи.

между Франціею и Австріею, бомба Орсини, честолюбивыя мечты о расширеніи территоріи, заботы объ упроченіи недавней династіи на шаткомъ французскомъ тронѣ, способствовали заключенію съ Пьемонтомъ наступательнаго союза противъ имперіи Габсбурговъ. По Пломбьерскому соглашенію 1858 года Наполеонъ обязывался освободить отъ австрійскаго владычества всю сѣверную Италію до Адріатическаго моря и рѣки Изонцо и въ вознагражденіе за то получалъ отъ Пьемонта Савойю, горную область, населенную французами.

Допуская усиленіе Сардинскаго королевства за счетъ австрійскихъ владѣній, Наполеонъ менѣе всего желалъ объединенія Италіи. Въ происшедшей затѣмъ лѣтомъ 1859 г. войнѣ онъ, несмотря на одержанныя союзными войсками блестящія побѣды подъ Монтебелло, Палестро, Маджентою, Мелеяьяно и Сольферино, охладѣлъ къ начатому предпріятію, какъ только обнаружились стремленія населенія средне-итальянскихъ государствъ присоединиться къ Пьемонту. Наполеонъ самъ намѣревался изъ великаго герцогства Тосканскаго, герцогствъ Пармы и Модены и съ согласія папы изъ части его легатствъ (Романья) выкроить «королевство Этрурію» въ удѣлъ двоюродному брату своему, принцу Жерому-Наполеону. Когда стало очевиднымъ, что эти планы рухнули, а война грозила сдѣлаться затяжною, Наполеонъ поспѣшилъ заключить съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ миръ, по которому Пьемонтъ получилъ только Ломбардію до Минчіо. Побѣжденная Австрія оставила за собою знаменитый четыреугольникъ крѣпостей, вышла изъ войны стратегически скорѣе усиленною, чѣмъ ослабленною [1]), и сохраняла свое преобладаніе въ Италіи.

Негодованіе итальянцевъ по поводу Виллафранскаго мира было безпредѣльно: на Наполеона III и французскихъ солдатъ смотрѣли какъ на предателей. Не выполнивъ обѣщанія, Наполеонъ потерялъ право на Савойю. Но въ слѣдующемъ году произошло сліяніе съ Пьемонтомъ Пармы, Модены, Тосканы и Романьи. И вотъ за признаніе этого факта, крайне для него непріятнаго, Наполеонъ III потребовалъ и получилъ отъ Пьемонта не только Савойю, но и Ниццу съ окрестностями, небольшую, но чрезвычайно богатую во всѣхъ отношеніяхъ область, притомъ населенную итальянцами.

Приблизительно съ того времени итальянская политика второй имперіи, вдохновляемая фанатичкою католицизма императрицею Евгеніею, дѣлается рѣшительно и опредѣленно клерикальною, явно враждебною планамъ патріотовъ. Народъ, парламентъ и правительство во главѣ съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ желали имѣть столицею новаго государства Римъ по вполнѣ понятнымъ историческимъ, политическимъ и географи-

[1]) Не было больше необходимости содержать военныя силы въ западной Ломбардіи, лишенной крѣпостей и удаленной отъ сѣверной и восточной коммуникаціонныхъ линій.

ческимъ соображеніямъ. Но подъ давленіемъ Франціи была заключена такъ называемая сентябрьская конвенція 1864 года, по которой столицею дѣлалась Флоренція, взамѣнъ чего французскія войска должны были оставить Римъ при условіи гарантіи неприкосновенности папскихъ владѣній итальянскимъ правительствомъ. Этой гарантіи папа не принялъ, въ сердцѣ Италіи остались иноземныя войска, а столицею королевства все-таки была объявлена Флоренція.

Для правительства стало очевиднымъ, что національное объединеніе можетъ завершиться лишь при помощи иныхъ союзниковъ. Въ 1866 году возникла и осуществилась идея союза Италіи съ Пруссіею, нѣмецкимъ Пьемонтомъ, имѣвшимъ общаго врага, Австрію.

Отъ времени до времени римскій вопросъ давалъ чувствовать свою остроту. Наполеонъ игнорировалъ Италію. Въ 1867 году подъ Ментаною было сдѣлано испытаніе новымъ французскимъ ружьямъ Шаспо, которыя, по докладу генерала Фальи, «совершали чудеса», разстрѣливая гарибальдійцевъ, явившихся освобождать послѣдній клочокъ родной земли и древнюю столицу отъ вѣкового гнета и застоя.

Въ засѣданіи французской палаты 5 декабря 1868 года первый министръ Руэръ сказалъ: «Мы объявляемъ, что Италія никогда не завладѣетъ Римомъ. Франція никогда не потерпитъ такого насилія, пагубнаго для ея чести и для всего католическаго міра. («Никогда, никогда», кричали депутаты всѣхъ партій). Она требуетъ исполненія соглашенія 15 сентября, и если это соглашеніе не будетъ проводиться, то Франція съумѣетъ постоять за себя... Въ тотъ день, когда Италія вздумаетъ присвоить себѣ папскія владѣнія, она встрѣтитъ на пути своемъ Францію». Въ Чивитта-Веккіи была оставлена дивизія французской пѣхоты.

Вполнѣ естественно, что въ 1870 году Франція и Италія не были въ союзѣ. Личныя симпатіи короля Виктора-Эммануила, связанныя съ воспоминаніями о кампаніи 1859 года, были на сторонѣ Наполеона III. Но итальянскія правительство и народъ полагались уже теперь болѣе на Пруссію и явно ей сочувствовали. А крайніе лѣвые, Мадзини и партія дѣйствія, готовы были поднять въ странѣ революцію, чтобы только помѣшать союзу Италіи съ Франціею (письмо Мадзини Бисмарку).

Вторая имперія пожала плоды своей политики. Въ страшную для себя минуту она осталась безъ поддержки своей былой и естественной союзницы. За то правительство послѣдней воспользовалось событіями. Сраженіе при Седанѣ, создававшее единую Германію, довершило объединеніе Италіи. 20 сентября 1870 года итальянскія войска вступили въ Римъ, и былъ положенъ конецъ свѣтской власти папъ, одной ихъ худшихъ тираній, когда либо существовавшихъ.

Такимъ образомъ, исчезъ главный поводъ для политическихъ контроверзъ между Италіею и Франціею. Съ паденіемъ второй имперіи должна была прекратиться и клерикальная политика на Орсэйской набережной.

Французскіе республиканцы и радикалы слыли за сторонниковъ сближенія съ Италіею и пользовались тамъ извѣстною популярностью. Римское правительство шло навстрѣчу идеѣ союза. Въ 1875 году Германія намѣревалась снова напасть на Францію, но Викторъ-Эммануилъ совмѣстно съ императоромъ Александромъ II заявилъ угрожающій протестъ и предотвратилъ войну.

Третья республика тѣмъ не менѣе не отступала отъ плохихъ традицій французской дипломатіи. Ея правители поставили интересъ момента и собственное честолюбіе выше обезпеченія мира, международнаго положенія и безопасности отечества.

12 мая 1881 года былъ подписанъ договоръ съ тунисскимъ беемъ, по которому послѣдній признавалъ протекторатъ Франціи. Между тѣмъ, французскому правительству было извѣстно, что итальянцы нѣсколько лѣтъ хлопотали о томъ же и произвели уже значительныя затраты по колонизаціи Туниса. Республикѣ принадлежало много колоній во всѣхъ частяхъ свѣта и между прочимъ на Средиземномъ морѣ большой, богатый Алжиръ. Тунисъ поэтому не могъ для нея имѣть такого значенія, какъ для Италіи, не владѣвшей ни одной колоніей и чрезвычайно нуждавшейся въ земляхъ для той части своего населенія, которая не находила себѣ земледѣльческаго труда и заработка на родинѣ. Кромѣ того, отъ береговъ Туниса до береговъ Сициліи всего пять часовъ морского пути.

Министръ-президентъ, гарибальдіецъ Кайроли, не предусмотрѣвшій и не предупредившій захвата французами страны беевъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Нѣсколько дней спустя онъ сказалъ французскому посланнику: «Со мною пало послѣднее франкофильское министерство Италіи». Эти слова были пророческими на предстоявшія тридцать лѣтъ.

Вполнѣ объяснимое и понятное глубокое недовѣріе итальянцевъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ приняло послѣ тунисской анексіи на много лѣтъ характеръ явной острой враждебности. Пережитыя событія въ связи съ конъюнктурою международныхъ отношеній толкнули римское правительство въ комбинацію средне-европейскихъ державъ, въ такъ называемый тройственный союзъ. 13 марта 1883 года Италія формально присоединилась къ заключенному въ 1879 году австро-германскому союзу, направленному противъ Россіи.

Когда для французовъ открылась перспектива одновременнаго вторженія нѣмцевъ и итальянцевъ, то парижскія газеты разразились истерическими воплями по поводу черной неблагодарности римскаго кабинета. На берегахъ Сены вдругъ вспомнили родственное происхожденіе обѣихъ націй, ихъ братство по оружію, военную славу, совмѣстно пріобрѣтенную въ столькихъ кампаніяхъ, кровь, пролитую за итальянское дѣло на поляхъ Маджента и Сольферино. Указывали, что единственно благодаря вооруженной помощи, своевременно оказанной Франціею Пьемонту, могло произойти впослѣдствіи объединеніе Италіи. Но съ тѣмъ же правомъ имъ

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

возражали, что подъ Бородинымъ, Малоярославцемъ, Севастополемъ и Черною Рѣчкою итальянцы проливали и свою кровь за французскіе интересы. Въ Парижѣ забывали, вѣрнѣе не хотѣли вспоминать самаго существеннаго: двуличія, лживости и коварства итальянской политики двухъ имперій, двухъ королевствъ, двухъ республикъ французскихъ.

Ссора между романскими народами была великимъ торжествомъ германизма. Италія, конечно, могла быть союзникомъ нѣмецкихъ державъ только для того, чтобы послѣ ихъ побѣды сдѣлаться ихъ же вассаломъ: въ своемъ стремленіи завладѣть всѣмъ міромъ нѣмцы не потерпѣли бы никакой конкурренціи и въ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Но шли года, и постепенно затихала франко-итальянская вражда. Быстро возраставшая экономическая и военная мощь Германіи парализовала независимость внѣшней, а во многомъ и внутренней политики ея союзницы. Въ своихъ попыткахъ эмансипироваться отъ нѣмецкаго вліянія Италія всегда встрѣчала энергичную поддержку Франціи. Наибольшій трудъ и успѣхъ въ дѣлѣ франко-итальянскаго сближенія выпалъ на долю французскаго посла въ Римѣ Баррера, который, занимая этотъ постъ въ теченіе свыше 20 лѣтъ, боролся съ нѣмецкимъ вліяніемъ на берегахъ Тибра въ каждомъ дѣлѣ и каждомъ вопросѣ.

Отношенія обѣихъ латинскихъ державъ замѣтно улучшились въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. На конференціи въ Альжезирасѣ Франція встрѣтила поддержку Италіи, а во время триполитанской войны, если не общественное мнѣніе, то правительство Франціи показывало, что считаетъ Италію не конкуррентомъ, но сотрудникомъ въ дѣлѣ пріобщенія Африки къ благамъ человѣческой культуры.

Въ 1914 году дружественный нейтралитетъ Италіи былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ спасенія Франціи отъ нѣмецкаго разгрома: этотъ нейтралитетъ увеличилъ боевую силу боровшейся съ нѣмцами французской арміи на цѣлый милліонъ солдатъ.

События привели оба государства къ военному союзу. Старое братство по оружію, слава, совмѣстно завоеванная на поляхъ столькихъ сраженій въ эпохи обоихъ Наполеоновъ,—теперь въ памяти у всѣхъ. Старыя ссоры и обиды забыты. Ихъ причины покрыты давностью событій и уже не возникнутъ вновь. Родственнымъ народамъ стало слишкомъ ясно, что ихъ вражда поведетъ лишь къ вящшему могуществу германизма, вѣкового, непримиримаго и заклятаго врага романскихъ племенъ, ихъ безпощаднаго конкуррента всюду и на всѣхъ поприщахъ.

Русско-итальянскія отношенія въ разсматриваемый періодъ времени уже по силѣ причинъ географическихъ и разницы въ вѣроисповѣданіяхъ не могли быть столь сложными и многосторонними, какъ франко-итальянскія. Весьма характерно, что они складывались въ зависимости отъ нѣмецкаго вліянія на нашу внѣшнюю политику. Ослабѣвало послѣднее,—эти

отношенія становились дружественными; наоборотъ, они дѣлались явно враждебными, когда русская дипломатія слѣдовала директивамъ Вѣны и Берлина.

Въ 1799 году, въ дни славныхъ побѣдъ Суворова на поляхъ Ломбардіи, императоръ Павелъ I не позволилъ Австріи присоединить къ своимъ владѣніямъ Пьемонтъ. Въ томъ же году эскадра адмирала Сенявина защищала независимость Неаполя отъ французовъ, превратившихъ его въ вассальную Партенопейскую республику.

На вѣнскомъ конгрессѣ Италія предстала безправною, какъ законная добыча побѣдителей. Императоръ Александръ I, пріобрѣтая Польшу, былъ вынужденъ согласиться на компенсаціи въ Италіи, которыя требовала на свою долю Австрія. Но за всѣмъ тѣмъ онъ до конца жизни не допускалъ окончательнаго поглощенія итальянскихъ земель имперіею Габсбурговъ. Такъ, въ 1822 году, на конгрессѣ въ Веронѣ, Александръ I выступилъ защитникомъ правъ принца Кариньянъ-Савойскаго, Карла-Альберта на сардинскій тронъ, тогда какъ Меттернихъ домогался устранить Карла-Альберта отъ престолонаслѣдія, принимая его за тайнаго карбонарія и считая вреднымъ для Австріи существованіе хотя бы одного государя итальянской національности.

Судьба Карла-Альберта, отца объединителя Италіи Виктора-Эммануила II, была въ рукахъ императора Александра, и онъ не только отстоялъ права молодого принца, но, заботясь о независимости Сардиніи, добился отъ Австріи вывода до 1 іюля 1823 года изъ Пьемонта ея войскъ, посланныхъ туда двумя годами ранѣе.

Послѣ смерти Александра I, русская политика надолго утратила всякую самостоятельность. Нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Нессельроде, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая I и бывшій личнымъ другомъ Меттерниха. Въ ту эпоху австрійская гегемонія въ Италіи признавалась выгодною для Россіи, такъ какъ обезпечивала «европейскій миръ». Наоборотъ, мѣстный націонализмъ считался вреднымъ.

Усмотрѣвъ въ бунтѣ декабристовъ вліяніе международной революціонной партіи, императоръ Николай почувствовалъ безпредѣльную ненависть къ карбонаріямъ и выразилъ готовность вооруженною силою поддержать неприкосновенность австрійскихъ владѣній и всего «порядка» въ Италіи.

Одинъ изъ итальянскихъ монарховъ, Фердинандъ II, король обѣихъ Сицилій, пользовался особымъ благоволеніемъ императора Николая и постояннымъ его заступничествомъ противъ Англіи, когда послѣдняя, во имя человѣколюбія, требовала отъ неаполитанскаго правительства смягченія реакціоннаго гнета.

Положительнымъ тріумфомъ Нессельроде и габсбурго-бурбонской политики было посѣщеніе Николаемъ I Неаполя въ 1846 году. Русскій Царь

былъ принятъ великолѣпно; въ честь его устроили множество праздниковъ; въ его присутствіи производились раскопки неизслѣдованной еще части Помпеи.

Въ 1848 году Николай I прервалъ дипломатическія сношенія съ королемъ Сардиніи-Пьемонта Карломъ-Альбертомъ, считая его «безчестнымъ революціонеромъ», который пошелъ помогать мятежникамъ въ австрійскихъ провинціяхъ Ломбардіи и Венеціи, возставшихъ противъ своего законнаго государя. Карлъ-Альбертъ, ставшій во главѣ національно-освободительнаго движенія своей страны, признавался опаснѣе Мадзини...

Въ то же самое время, когда создавалась третья Италія и подъ Гоито и Куртатоне принимала свое боевое крещеніе,—габсбургская имперія трещала по всѣмъ швамъ. Ничего не стоило дать ей съ сѣвера ударъ, послѣ котораго она распалась бы на свои національныя части. Политическій разумъ подсказывалъ, жизненные интересы Россіи требовали анексіи Прикарпатской Руси, образованія самостоятельныхъ Венгріи и Чехіи, объединенія всей Италіи, съ Истріей включительно, подъ скипетромъ Карла-Альберта. Была легкая возможность навсегда отстранить германское племя отъ береговъ Адріатическаго моря.

Однако, еще на свиданіи въ Мюнхенгрецѣ, въ 1833 году, Николай I далъ слово Францу I помогать его сыну при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1848 года внукъ Франца I, Францъ-Іосифъ, просилъ у Николая помощи противъ революціонеровъ. Лѣтомъ слѣдующаго года графъ Паскевичъ-Эриванскій подавилъ венгерское возстаніе. То обстоятельство, что русское вооруженное содѣйствіе было заранѣе обѣщано и извѣстно, позволило Австріи содержать въ предѣлахъ Ломбардіи большое войско и легко выиграть войну съ Пьемонтомъ.

Въ 1855 году королевство Сардинія примкнуло къ воевавшей съ Россіею коалиціи державъ, имѣя цѣлью братствомъ по оружію связать свои судьбы съ Франціею и Англіею. Съ тѣмъ вмѣстѣ, участіе Пьемонта въ севастопольской кампаніи подняло его международное значеніе, упавшее послѣ пораженія при Новарѣ въ 1849 г., и увеличило его популярность въ глазахъ патріотовъ: маленькій свободный Пьемонтъ мстилъ Россіи за ея итальянскую политику.

Наоборотъ, всѣ симпатіи неаполитанскаго правительства были во время этой войны на сторонѣ Россіи. «Король-бомба», не будучи въ состояніи помогать намъ активно, воспретилъ вывозъ изъ Неаполя и Сициліи зерновыхъ хлѣбовъ, чѣмъ весьма затруднилъ продовольствіе союзной арміи въ Крыму.

Императоръ Александръ II рѣшилъ ликвидировать войну, наслѣдство политики Нессельроде, и пытался выяснить естественныхъ друзей и враговъ Россіи. Онъ не простилъ вѣроломства Австріи, которая вмѣсто помощи заставила своимъ враждебнымъ нейтралитетомъ очистить занятыя было нами дунайскія княжества (Молдавію и Валахію) и тѣмъ обусловила

печальный исходъ крымской войны. Наша итальянская политика перемѣнилась. На парижскомъ конгрессѣ русскій уполномоченный графъ Орловъ рѣшительно и успѣшно протестовалъ противъ требованія Австріи удалить съ конгресса Пьемонтъ, какъ слишкомъ незначительное государство. Русское правительство, какъ заявилъ Орловъ Кавуру, было «не очень довольно тѣмъ, что оно, въ угоду вѣнскому кабинету, долго не признавало конституціоннаго режима въ Пьемонтѣ».

Въ 1859 г. русское правительство сохраняло нейтралитетъ, дружественный по отношенію къ Пьемонту и Франціи и враждебный по отношенію къ воевавшей съ ними Австріи. Оно выставило на западной и юго-западной границахъ обсервационные корпуса и объявило, что вмѣшается въ войну, если въ ней примутъ участіе другія державы, въ частности германскій союзъ. Такимъ образомъ, Россія лишила Австрію въ критическій моментъ союзника, на котораго та разсчитывала. Ошибка сорокъ девятаго года была искуплена въ пятьдесятъ девятомъ.

Въ 1861 году русскому правительству было тяжко взирать на агонію Бурбоновъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Оно въ рѣзкой формѣ выражало свое неудовольствіе «неясною» политикою туринскаго кабинета въ отношеніи какъ Гарибальди, такъ и Франциска II. Между тѣмъ, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, въ Италіи, волею народа, создалась очень прочная монархія, и въ 1862 году наше правительство сразу же послѣ англійскаго признало новое королевство.

Сильная держава въ тылу Австрійской имперіи, неизмѣнно враждебная къ ней, была желательною съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ интересовъ. Вотъ, почему императоръ Александръ II отказалъ Австріи въ нейтралитетѣ, когда послѣдняя намѣревалась возстановить прежній порядокъ на Апенинскомъ полуостровѣ.

Въ ту эпоху рѣзко измѣнилось къ лучшему отношеніе къ намъ народа и правительства Италіи. Кавуръ считалъ либеральную, свободную отъ нѣмецкихъ вліяній, Россію естественнымъ и будущимъ союзникомъ его родины, въ виду солидарности цѣлей и интересовъ обоихъ государствъ. «Россія проститъ намъ»,—говорилъ онъ,—«и крымскую войну, и присоединеніе Неаполя». Друзья Кавура сообщаютъ, что незадолго до смерти онъ высказывалъ полную готовность помочь Россіи въ осуществленіи ея плановъ о свободномъ выходѣ къ Эгейскому морю.

Россія, какъ государство православное, неизмѣнно оказывала дипломатическую поддержку итальянскому правительству въ борьбѣ его съ Ватиканомъ и въ шестидесятыхъ годахъ признавала всѣ послѣдовательныя анексіи папскихъ земель.

Но послѣ вышеупомянутаго совмѣстнаго выступленія въ защиту Франціи Александра II и Виктора-Эммануила II, русско-итальянскія отношенія начали постепенно охлаждаться. Сперва союзъ трехъ императоровъ, казавшійся призракомъ печальной памяти Священнаго Союза, вну-

шалъ серьезныя опасенія молодому королевству. Затѣмъ, войдя въ союзъ тройственный, Италія сама очутилась во враждебной Россіи группировкѣ державъ. Но пресловутая Triplice никогда не пользовалась популярностью въ Италіи изъ-за участія въ ней историческаго врага—Австріи. Союзъ былъ плодомъ не національныхъ симпатій, а холодныхъ политическихъ разсчетовъ. По мѣрѣ же того, какъ эти разсчеты не оправдывались, слабѣла самая прочность союза. Нѣмецкія державы старались отвлечь вниманіе Италіи отъ европейскихъ дѣлъ, втолкнули ее въ абиссинскую авантюру и требовали совершенно непосильныхъ вооруженій отъ нея, тогда именно переживавшей болѣзненный процессъ своего великодержавнаго роста и нуждавшейся въ возстановленіи народнаго благосостоянія, которое было потрясено у трехъ поколѣній въ борьбѣ за національное единство. Поэтому въ Италіи мало-по-малу создалось тяготѣніе къ противоположной группировкѣ державъ, къ союзу франко-русскому, и особенно къ Россіи, которой интересы нигдѣ не сталкивались съ итальянскими.

16 января 1906 года въ Алжезирасѣ собралась международная конференція по мароккскому вопросу. Уполномоченный Италіи Висконти-Веноста въ рѣшительной формѣ поддержалъ, совмѣстно съ представителемъ Россіи французскія требованія. Германія и Австро-Венгрія очутились на конференціи въ меньшинствѣ и вынуждены были подчиниться ея рѣшенію.

Въ сентябрѣ 1908 года, состоялось свиданіе Государя Императора съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ II въ Раккониджи. Босно-герцоговинскій вопросъ объединялъ тогда политику обоихъ государствъ. За Альпами вся печать восторженно привѣтствовала русско-итальянское сближеніе, которое, являясь противовѣсомъ Берлину и Вѣнѣ, должно было дать Италіи, внутри самого тройственнаго союза, необходимую «эластичность», давно желанную свободу дѣйствій.

Въ октябрѣ того же года анексія Босніи и Герцоговины и послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія вѣнскаго кабинета разоблачили какъ замыслы Австро-Венгріи, такъ и безсовѣстные обманы ея министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Эренталемъ русскаго министра Извольскаго, на свиданіи въ Бухловѣ и итальянскаго министра Титтони на свиданіи въ Дезіо. Италія и Россія оказались въ положеніи потерпѣвшихъ отъ Австріи.

29 декабря 1908 года произошло страшное землетрясеніе въ Мессинѣ, во время котораго моряки русской эскадры своимъ героизмомъ и самопожертвованіемъ спасли жизнь тысячамъ погибавшихъ. Обстоятельство это вызвало среди итальянцевъ цѣлый взрывъ симпатій къ Россіи и послужило дальнѣйшимъ этапомъ въ наладившемся русско-итальянскомъ сближеніи.

Наконецъ, когда началась триполитанская война, изъ всѣхъ великихъ державъ одна Россія оффиціально заявила, что ея нейтралитетъ безусловно дружественъ по отношенію къ Италіи.

Нѣмецкія державы явно симпатизировали Турціи. Клерикально-аристократическіе круги Гофбурга требовали объявленія войны Италіи. Воен-

ный министръ, Конрадъ фонъ-Гетцендорфъ приступилъ даже къ соотвѣтствующимъ приготовленіямъ. Вѣнскій кабинетъ въ категорической формѣ потребовалъ локализаціи театра военныхъ дѣйствій предѣлами внѣевропейскихъ владѣній Турціи.

Тогда въ 1912 году Италія убѣдилась въ абсолютной непримиримости ея національныхъ и колоніальныхъ интересовъ съ австро-германскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно выяснилось, что завершить свое національное объединеніе и сохранить полную независимость во внѣшнихъ дѣлахъ Италія можетъ только при поддержкѣ Россіи.

Сила вещей и искусная политика русскихъ дипломатовъ привели къ согласованности интересовъ обѣихъ державъ повсюду: въ Австріи и Венгріи, на Средиземномъ морѣ, въ Дарданеллахъ и Архипелагѣ, въ Турціи, Сербіи и Босніи, а за послѣднее время въ Албаніи и въ Далмаціи.

Нынѣ, уже въ союзѣ съ нами, Италія ведетъ борьбу противъ своего вѣкового естественнаго врага, и ея доблестная армія завоевываетъ несчастную, подъ Габсбургскимъ игомъ стонущую, ирредепту.

Внѣшними факторами, нѣкогда создавшими единую Италію, были: вооруженная помощь Франціи и дипломатическая поддержка Англіи и Россіи. Впечатлительный и благородный итальянскій народъ съ самаго начала войны свидѣтельствовалъ горячія симпатіи намъ и союзникамъ нашимъ. Онъ потребовалъ отъ своего правительства выступленія на помощь тѣмъ, чьими усиліями, жертвами и благожелательствомъ сдѣлалось возможнымъ національное самоопредѣленіе третьей Италіи. Власть, управляющая страною, во главѣ съ королемъ, по традиціи привыкнувъ считаться съ волею народа, приняла мудрое рѣшеніе, единственно дающее отечеству безопасность, миръ и прямую выгоду въ будущемъ и окончательно разрѣшающее національный вопросъ. Связанная общими жизненными интересами и славными историческими преданіями, коалиція четырехъ великихъ державъ побѣдитъ, накажетъ и обезвредитъ насильниковъ европейскаго мира и враговъ рода человѣческаго.

И. Зекъ.

Изъ исторіи австрійскаго владычества въ Италіи.

Когда началась великая міровая война, общее мнѣніе всѣхъ участниковъ ея и всѣхъ нейтральныхъ не допускало возможности австро-итальянскаго братства по оружію, въ виду исторически сложившихся отношеній между народами обѣихъ монархій. И если объявленіе Англіею и Японіею войны, защита Бельгіею своего нейтралитета явились для центральныхъ державъ до извѣстной степени неожиданностью, то сохраненіе союзною Италіею нейтралитета вовсе не удивило нѣмцевъ. Задача ихъ дипломатіи сводилась только къ тому, чтобы воспрепятствовать вооруженному столкновенію Италіи съ Австро-Венгріею. Этой задачи не выполнила германская дипломатія, столь успѣшно дѣйствовавшая на Ближнемъ Востокѣ.

Итальянскій народъ, глубоко сознательный въ своемъ беззавѣтномъ патріотизмѣ, создавшій національное государство преимущественно своимъ трудомъ и своимъ героическимъ подвигомъ, существенно отличенъ психикою отъ болгаръ, грековъ и румынъ, получившихъ независимость черезъ благодѣянія могущественныхъ государствъ и старавшихся затѣмъ сдѣлать свою историческую карьеру покровительствомъ сильныхъ. Балканскіе народцы, примѣнительно къ крохотному масштабу собственныхъ территорій, считаютъ нѣмцевъ выигравшими войну, благодаря захвату небольшой сравнительно части земель коалиціи. Греки и румыны еще колеблются, какимъ великимъ державамъ служить, такъ какъ и побѣжденныя могутъ оказаться для нихъ опасными, но болгары уже нашли себѣ новыхъ хозяевъ и воюютъ противъ прежнихъ благодѣтелей и покровителей своихъ.

Не таковы націи, цѣнящія свою свободу и самостоятельно прокладывающія свои историческіе пути. Когда независимое бытіе европейскихъ народовъ было поставлено на карту современною войною, итальянцы, зная естественныхъ союзниковъ и враговъ своихъ, начали усиленно готовиться къ участію въ войнѣ и въ нужный, по ихъ мнѣнію, моментъ примкнули къ державамъ тройственнаго согласія, которыя въ свое время, не навязывая протектората, помогли ихъ отечеству избавиться отъ австрійскаго владычества и гегемоніи и объединиться въ одно государственное цѣлое. Не могло быть у итальянцевъ полной увѣренности въ побѣдѣ согласія, но они взялись за оружіе, чтобы при всѣхъ обстоятельствахъ поддержать коалицію

въ борьбѣ противъ нѣмецкихъ державъ. Торжество послѣднихъ неминуемо поставило бы Италію въ вассальную отъ нихъ зависимость. Самая же мысль о какой бы то ни было политической зависимости отъ нѣмцевъ, хотя бы компенсированной всѣми благами міра, была непріемлемою для гордаго и свободнаго потомства римлянъ.

Ибо страшную память оставили по себѣ нѣмцы въ Италіи. Въ южныхъ странахъ люди живутъ долго, и еще живы старики, видѣвшіе и испытавшіе австрійское иго въ эпоху 1848—1859 г.г. Не только въ школѣ, изъ учебниковъ исторіи, но и у себя дома итальянецъ узнаетъ о событіяхъ, которыя заставляютъ его краснѣть отъ негодованія и зажигаютъ въ сердцѣ лютую ненависть къ палачамъ его дѣдовъ и отцовъ. Тройственный союзъ существовалъ десятки лѣтъ, но и десятки лѣтъ широкіе слои итальянскаго народа пребывали въ сознаніи, что старая обида еще не искуплена.

Объ этой обидѣ, о невѣроятномъ злѣ, содѣянномъ Габсбургами надъ ихъ подданными въ Ломбардіи и Венеціи и надъ подданными ихъ фактическихъ вассаловъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, написаны пространныя изслѣдованія, многіе и многіе томы книгъ: въ этихъ книгахъ—вся исторія Италіи со времени рѣшившаго ея судьбы Вѣнскаго Конгресса 1815 г. и до паденія свѣтской власти папъ въ 1870 г.

Въ виду такой обширности темы я въ настоящемъ докладѣ остановлюсь лишь на событіяхъ наиболѣе достопамятныхъ и наиболѣе характерныхъ изъ эпохи австрійскаго владычества въ Италіи.

Но прежде нѣсколько словъ о режимѣ, подготовившемъ и объясняющемъ самую возможность этихъ событій [1]).

«Ломбардцы должны забыть», говорилъ Меттернихъ, «что они итальянцы». Немедленно, послѣ заключительнаго акта Вѣнскаго Конгресса, въ страну были внесены цѣликомъ всѣ австрійскіе законы безъ малѣйшаго соображенія съ мѣстными обычаями и потребностями. Нѣмцы и тирольцы заняли высшія должности въ административныхъ учрежденіяхъ и въ судахъ. Въ первоначальныхъ школахъ были введены австрійскіе учебники; въ университетахъ было запрещено преподаваніе итальянскихъ исторіи и права, а преподавались только австрійскіе; даже аптекарей заставляли примѣнять австрійскую фармакопею.

Ни одна дорога не могла быть проведена, ни одна дамба построена безъ сношенія съ Вѣною; кромѣ мѣстной цензуры рукописи должны были часто проходить черезъ вѣнскую цензуру, чтобы быть напечатанными. Правительство такъ называемаго ломбардо-венеціанскаго королевства прославилось всѣми недостатками безотвѣтственной бюрократіи: взяточничествомъ, медлительностью и отсутствіемъ иниціативы. Какъ о курьезахъ,

---

[1]) См. Bolton King. A history of italian unity (1814—1871)—London. 1899. Luigi Carlo Farini. Storia d'Italia dal 1814 al 1850.

историки сообщаютъ, что докладныя записки лежали по пяти лѣтъ въ канцеляріи, прежде чѣмъ на нихъ полагалась резолюція, а солдатскіе сапоги пересылались для починки изъ Венеціи въ Вѣну.

Изъ всѣхъ провинцій Австріи были наиболѣе обременены налогами Ломбардія и Венеціанская область. Такъ, напримѣръ, земельный налогъ поглощалъ здѣсь отъ одной трети до половины чистаго дохода. Монополія на соль возвысила въ одиннадцать разъ ея естественную цѣну.

Судопроизводство по дѣламъ политическимъ мало чѣмъ отличалось отъ средневѣковаго. Для того, чтобы вырвать признаніе, употреблялись пытки въ видѣ палочныхъ ударовъ, белладонны и лишенія пищи; а когда обвиненный въ государственномъ преступленіи призывался, наконецъ, въ судъ, онъ видѣлъ себя передъ лицомъ подобранныхъ австрійскихъ судей, безъ адвоката, безъ ознакомленія съ данными противъ него показаніями, безъ защиты гласности. Достаточно было простого выраженія политическаго недовольства, чтобы быть осужденнымъ на медленную смерть въ знаменитомъ Шпильбергѣ (въ Моравіи), австрійскомъ Шлиссельбургѣ. Планъ казематовъ этой ужасной тюрьмы хранился въ письменномъ столѣ самого императора Франца, который имѣлъ большой интересъ къ жертвамъ своей политической мести: переводилъ ихъ изъ одного каземата въ другой и, въ зависимости отъ получаемыхъ признаній, усиливалъ или смягчалъ строгость заключенія, приказывалъ пытать или казнить.

Въ самомъ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ смертныя казни производились публично. Къ чести населенія надо отмѣтить, что онѣ не находили себѣ другихъ зрителей, кромѣ австрійцевъ. Улицы, по которымъ вели осужденнаго, вымирали, ставни домовъ закрывались, и мертвая тишина города въ моментъ казни являла собою протестъ человѣколюбиваго народа противъ варварскаго установленія, котораго, кстати, объединенная Италія болѣе не знала.

Изъ политическихъ казней особенно памятны двѣ. Лѣтомъ 1849 года, австрійскія войска, преслѣдуя покинувшихъ Римъ гарибальдійцевъ, захватили въ плѣнъ извѣстныхъ народныхъ вождей, монаха ордена Варнавитовъ Уго Басси и римскаго мастерового Чичероваккіо вмѣстѣ съ двумя сыновьями послѣдняго. Во вниманіе къ замѣчательному ораторскому таланту Басси даже папскій эмиссаръ желалъ его спасти, но главнокомандующій генералъ Горзовскій не хотѣлъ слышать ни о какой пощадѣ. Съ лицемѣрною жестокостью австрійцы соскоблили кожу съ рукъ и головы Уго Басси на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ коснулось священное масло при посвященіи въ духовный санъ, и разстрѣляли его въ Болоньѣ 8 августа 1849 г., въ годовщину изгнанія ихъ изъ этого города. Тамъ же спустя два дня были разстрѣляны Чичероваккіо и его сыновья, подростки 13 и 15 лѣтъ.

Австрійская политическая полиція создала обширную шпіонскую организацію не только въ Ломбардіи и Венеціи, но и на всемъ полуостровѣ. Люди различныхъ положеній находились на платѣ у полиціи,

отъ кардинала и дворянина до обыкновеннаго шпіона изъ общественныхъ поддонковъ, зарабатывавшаго два франка въ день собираніемъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ сплетенъ въ кофейныхъ и на улицахъ. Письма всей публики вскрывались «съ небезъинтересными результатами». Полицейскія канцеляріи вѣчно находились въ волненіи подъ вліяніемъ раздутыхъ подозрѣній. Безъ разрѣшенія полиціи, которое давалось не легко, ни одинъ обыватель не могъ выѣхать заграницу; тайное вліяніе могло помѣшать ему получить любое, самое скромное, мѣсто. Одинъ профессоръ былъ уволенъ за то, что сослался на восклицаніе папы Юлія: «Вонъ иностранца!» Даже для того, чтобы устроить частный балъ, надо было получить разрѣшеніе полиціи.

Не только выраженія недовольства режимомъ безпощадно карались, но преслѣдовались малѣйшіе намеки и самыя безобидныя шутки. Такъ, въ Венеціи одинъ мальчикъ, продававшій картофель и называвшій его вѣнскими апельсинами, былъ за это наказанъ 25 ударами палокъ.

Тѣлесное наказаніе было излюбленною мѣрою полицейскаго воздѣйствія. Вотъ, что случилось въ Миланѣ, 18 августа 1849 года, въ день рожденія императора Франца-Іосифа. Офицеры гарнизона, только что получившіе извѣстіе о капитуляціи венгерской арміи подъ Вилагошемъ, собрались съ цѣлью праздновать это событіе въ кафэ Мацца на площади Собора. На противоположномъ балконѣ показалась хорошо имъ знакомая перчаточница-нѣмка, одѣтая въ передникъ, на которомъ былъ вышитъ черно-желтый австрійскій гербъ. Офицеры встрѣтили ее апплодисментами, миланцы—свистками. Произошло столкновеніе. Военные патрули разогнали толпу и кое-кого ранили. Въ ту же ночь арестовали многихъ обывателей, вовсе даже не бывшихъ на площади, но состоявшихъ подъ подозрѣніемъ въ итальянскомъ патріотизмѣ. Спустя нѣсколько дней на улицахъ было расклеено никѣмъ не подписанное объявленіе о томъ, что 20 человѣкъ приговорены къ 50 ударамъ лозы и 14 къ заключенію въ кандалы. Мужчинъ высѣкли на площади передъ цитаделью, двухъ женщинъ-пѣвицъ—въ самой цитадели. Городскому управленію палачъ послалъ для оплаты счетъ, въ которомъ значились израсходованными 13 гульденовъ и 20 крейцеровъ на покупку лозы и 5 гульденовъ—на покупку перевязочныхъ матеріаловъ, уксуса и льда для ранъ [1]).

Въ случаяхъ народныхъ волненій ломбардо-венеціанскія власти никогда не останавливались передъ кровопролитіемъ. Мало того, они усиленно добивались вызвать кризисъ. Главнокомандующій Радецкій старый годами, но крѣпкій ветеранъ, представлялъ собою воплощеніе грубаго, преторіанскаго духа австрійской арміи. «Три кровавыхъ дня», говорилъ онъ, «дадутъ намъ тридцать лѣтъ спокойствія».

---

[1]) См. H. Reuchlin. Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart. Leipzig, 1859—1860.

Когда умеръ миланскій архіепископъ, нѣмецъ Гайсрукъ, то на его мѣсто былъ назначенъ преданный Австріи итальянецъ Ромилли. Но достаточно было того, что онъ итальянецъ, и 5-го сентября 1847 г. Миланъ устроилъ ему необыкновенно торжественный пріемъ. Энтузіазмъ и единодушіе этой встрѣчи довели властей до бѣшенства, а когда черезъ три дня празднество повторилось, полиція бросилась съ обнаженными тесаками на мирную безоружную толпу. Въ отвѣтъ раздались крики: «да здравствуетъ король Италіи, долой нѣмцевъ!» и затѣмъ началась дикая расправа. Нѣсколько десятковъ обывателей было ранено и изувѣчено.

Въ концѣ 1847 года патріоты рѣшили перевести борьбу на почву экономическую. Вспомнивъ, что освобожденіе американскихъ колоній Англіи отъ власти метрополіи началось съ бойкота вывозившихся изъ нея товаровъ (извѣстный чайный бунтъ въ Бостонѣ),—ломбардцы съ цѣлью причинить вредъ финансамъ Австріи задумали отказаться отъ куренія табаку, бывшаго монополіей и дававшаго большой доходъ казнѣ. Распространялись летучіе листки, въ которыхъ было напечатано: «Это—не пустая затѣя,—это обязанность, непреложный долгъ, это—знакъ единенія. Кто желаетъ самъ себѣ помочь, пусть начнетъ отказываться отъ чужеземныхъ обычаевъ. Табакъ вреденъ для здоровья и не гармонируетъ съ нѣжнымъ благоуханіемъ итальянскихъ цвѣтовъ». Въ первые два дня января 1848 г. на улицахъ Милана почти не видно было курильщиковъ, а тѣ немногіе, которые показывались съ сигарами, подвергались крикамъ и преслѣдованіямъ. Фельдмаршалъ Радецкій увидѣлъ благопріятный для себя случай. 3 января онъ приказалъ раздать гарнизону въ большомъ количествѣ сигары, и офицеры, и солдаты пускали на улицахъ клубы дыма въ физіономіи прохожихъ. Оскорбленные итальянцы стали отвѣчать кинжалами, ножами, камнями. Изъ оконъ на головы курильщиковъ полетѣли цвѣточные горшки. Тогда Радецкій приказалъ вывести изъ казармъ войска. На площадяхъ и перекресткахъ поставили орудія. Кавалерія бросилась въ атаку на толпу, собравшуюся на площади Собора и разогнала ее сабельными ударами; рабочіе, возвращавшіеся домой съ фабрикъ, были встрѣчены штыками. Убитыхъ было 61, раненыхъ много больше.

Въ мартѣ Радецкій вмѣстѣ съ 13-тысячнымъ гарнизономъ бѣжалъ послѣ пятидневнаго уличнаго боя изъ Милана, и итальянская революція началась. Сперва побѣдоносная, она, по прошествіи года, была подавлена, благодаря превосходству вооруженныхъ силъ Австріи. Жестокость, съ которою революція подавлялась, не знаетъ себѣ равной во всей исторіи минувшаго столѣтія и напоминаетъ развѣ звѣрства, чинившіяся въ современную войну австрійцами и венграми во время походовъ на Сербію.

Финальнымъ и самымъ трагическимъ моментомъ итальянской освободительной эпопеи было взятіе Брешіи. Этотъ городъ Ломбардіи имѣлъ около 40 тысячъ человѣкъ населенія, въ значительной части рабочихъ металлическихъ производствъ; при Евгеніи Богарнэ тамъ были учреждены

оружейные и пушечно-литейные заводы. Въ мартѣ 1848 г., почти одновременно съ миланцами, жители Брешіи возстали и изгнали австрійскій гарнизонъ подъ командою князя Шварценберга. Въ томъ же году, послѣ пораженія Карла-Альберта при Кустоццѣ (24 іюля) австрійцы вернулись въ Брешію, но оружія у жителей не нашли, оно было тщательно спрятано какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ горахъ, у крестьянъ и пастуховъ. Но когда въ январѣ 1849 г. въ Брешіи былъ случайно обнаруженъ одинъ небольшой складъ оружія, то военный губернаторъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ д'Аспре наложилъ на городъ штрафъ въ полмилліона франковъ. 20 марта началась вторая война Пьемонта съ Австріею, а уже 22 марта брешіанцы напали на австрійскій военный транспортъ, двигавшійся по направленію къ цитадели, и захватили его послѣ кровопролитнаго боя. Д'Аспре поспѣшилъ съ докладомъ къ Радецкому и приказалъ цитадели бомбардировать городъ. Инсурекціонный комитетъ немедленно распредѣлилъ городъ на участки, поставивъ во главѣ каждаго мѣстныхъ уважаемыхъ патріотовъ. Съ свойственною брешіанцамъ и вошедшею въ поговорку энергіею они взялись за дѣло, и въ однѣ сутки городъ покрылся баррикадами. Имѣвшихъ ружья было около 3.000. Въ инженерахъ, какъ и вездѣ въ Ломбардіи, недостатка не было. Командиру гарнизона, генералу Нугенту, съ тысячью трансильванскихъ румынъ удалось удержаться только въ цитадели, находившейся за городскою чертою, причемъ при попыткѣ штурмовать городъ самъ Нугентъ былъ смертельно раненъ.

23 марта Карлъ-Альбертъ былъ разбитъ Радецкимъ въ генеральномъ сраженіи при Новарѣ. Но одновременно съ этимъ извѣстіемъ, дѣлавшимъ возстаніе безнадежнымъ, въ Брешіи узнали о побѣдѣ Карла-Альберта подъ Сфорцескою, каковая побѣда, въ дѣйствительности имѣла мѣсто двумя днями ранѣе, 21 марта. Брешія рѣшила бороться до послѣдней крайности.

Личное озлобленіе Шварценберга и д'Аспре противъ непокорныхъ брешіанцевъ нашло откликъ въ военномъ начальствѣ. Было рѣшено показать всей австрійской Италіи устрашающій примѣръ на Брешіи. Самымъ подходящимъ человѣкомъ въ роли мстителя былъ признанъ генералъ Гайнау, имѣвшій среди солдатъ кличку Einhau, т. е. рубака. Съ 3 тысячами солдатъ Гайнау выступилъ изъ Вероны и 30 марта вошелъ въ цитадель Брешіи. Оттуда утромъ слѣдующаго дня онъ послалъ городскому управленію требованіе о немедленной сдачѣ безъ всякихъ условій. «Если», объявлялъ Гайнау, «къ полудню не будутъ снесены всѣ баррикады, то городъ будетъ взятъ приступомъ, преданъ разграбленію и всѣмъ ужасамъ погрома. Всѣ выходы изъ города заняты моими войсками, и дальнѣйшее сопротивленіе превратитъ городъ въ развалины. Брешіанцы! Вы меня знаете: я сдержу свое слово». Они и знали, что именно въ этомъ случаѣ Гайнау свое слово сдержитъ. Въ 11 часовъ утра депутація городского управленія просила у Гайнау отсрочки отвѣта на 48 часовъ, такъ какъ въ теченіе этого времени можно было получить точныя свѣдѣнія о пора-

женіи сардинскихъ войскъ. Послѣднее обстоятельство было уже оффиціально извѣстно австрійскому генералу, и отъ его власти зависѣло избѣжать кровопролитія: брешіанцы сложили бы оружіе, если бы не ждали выручки отъ Карла-Альберта. Но Гайнау далъ только нѣсколько часовъ отсрочки. По истеченіи ихъ городскіе колокола зазвонили въ набатъ, цитадель начала бомбардировку, и колонны солдатъ побѣжали на штурмъ. Но повстанцы оказали на баррикадахъ отчаянное сопротивленіе. Австрійскіе солдаты брали приступомъ каждый отдѣльный домъ, совершая при этомъ чудовищныя звѣрства надъ дѣтьми, женщинами и стариками. Стѣны домовъ поливались керосиномъ и затѣмъ поджигались. Очевидцы передаютъ, что австрійцы облили керосиномъ мѣстнаго горбуна, кузнеца Лиму. Но когда зажгли его платье, онъ съ такою силою вцѣпился въ одного солдата, что сгорѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

Вотъ какъ описываетъ штурмъ Брешіи самъ Гайнау въ своемъ докладѣ Радецкому: «Это была страшно кровопролитная борьба, борьба, которую мятежники вели съ изумительнымъ упорствомъ, переходя съ баррикады на баррикаду и съ дома въ домъ. Я никогда не думалъ, чтобы можно было съ такою непоколебимостью стоять за неправое дѣло... 1-го апрѣля на разсвѣтѣ, раздался набатъ еще болѣе яростный, чѣмъ наканунѣ и мятежники снова начали борьбу еще съ большимъ остервенѣніемъ. Тогда я приказалъ возобновить приступъ, между тѣмъ какъ въ городѣ происходила ужасная бомбардировка. Въ виду множества потерь съ нашей стороны, въ виду упрямства и бѣшенства непріятеля, я принужденъ былъ прибѣгнуть къ весьма крайней мѣрѣ,—я приказалъ не брать никого въ плѣнъ, но тотчасъ же убивать всякаго, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, и сжигать дома, изъ которыхъ раздавались выстрѣлы»...

Современники эпохи, итальянскіе писатели Корренти и Ричіарди, со словъ очевидцевъ свидѣтельствуютъ, что солдаты, овладѣвъ домами, тотчасъ же душили всѣхъ, кто попадался имъ въ руки, не разбирая ни возраста, ни пола, и потомъ бросали на улицы трупы, часто изрубленные топорами; дѣтскія головы падали на повстанцевъ, которые продолжали бороться съ еще большею яростью; женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ насиловали и закалывали на глазахъ ихъ мужей и отцовъ, которыхъ убійцы въ австрійскомъ мундирѣ привязывали не только, чтобы сдѣлать ихъ безсильными свидѣтелями своей низости, но чтобы... совать имъ въ ротъ еще трепещущія внутренности своихъ жертвъ...

Только на третій день, 2-го апрѣля утромъ, Гайнау овладѣлъ городомъ. Онъ потребовалъ немедленной выдачи оружія подъ угрозой смертной казни домовладѣльцевъ. На городъ и уѣздъ была наложена контрибуція въ размѣрѣ 6 милліоновъ франковъ; кромѣ того городъ долженъ былъ уплатить 300.000 франковъ раненымъ и семьямъ павшихъ солдатъ и по одному франку въ день въ видѣ прибавки къ жалованію австрійскимъ сол-

датамъ въ теченіе всего осаднаго положенія, которое длилось цѣлый годъ; офицеры получали отъ города двойной окладъ.

Былъ назначенъ военно-полевой судъ. Особенный гнѣвъ его вызывали объясненія обвиняемыхъ, что ихъ надо считать военно-плѣнными, но не мятежниками, такъ какъ въ минувшемъ 1848 году Ломбардія всеобщимъ народнымъ голосованіемъ перешла въ подданство короля Сардиніи Карла-Альберта. Около 100 брешіанцевъ, въ ихъ числѣ нѣсколько священниковъ, были разстрѣляны. Гораздо большее число было повѣшено. Вѣшали съ такимъ усердіемъ, что Гайнау нашелъ нужнымъ потребовать у городского управленія 12.000 франковъ въ возмѣщеніе издержекъ на вѣшаніе. Женщины подверглись публичному наказанію кнутомъ.

Въ рядахъ самой австрійской арміи раздался протестъ противъ этихъ звѣрствъ. Генералъ Нугентъ, о которомъ я упоминалъ, тяжело раненый при первомъ штурмѣ, завѣщалъ передъ смертью все свое состояніе муниципалитету «геройскаго города Брешіи» [1]).

Прозваннаго же въ Европѣ «брешіанскою гіеною» генерала Гайнау молодой императоръ Францъ-Іосифъ осыпалъ наградами и въ томъ же 1849 году назначилъ предсѣдателемъ чрезвычайнаго военнаго суда въ Арадѣ, судившаго участниковъ венгерскаго возстанія.

За взятіемъ Брешіи послѣдовалъ военный терроръ во всей Ломбардіи и Венеціанской области. До конца года было казнено свыше 2 тысячъ человѣкъ, доказанныхъ и предполагаемыхъ участниковъ революціонной войны. Чтобы избѣжать этой участи, нѣсколько десятковъ тысячъ семей, имѣвшихъ основанія опасаться австрійской мести, эмигрировали въ Пьемонтъ, Францію, Англію и Америку. Казни и преслѣдованія, то ослабѣвая, то усиливаясь, продолжались еще въ теченіе десяти лѣтъ, пока имъ не положила конецъ война 1859 года, лишившая Австрію Ломбардіи и принудившая Францъ-Іосифа дать амнистію патріотамъ Венеціи.

Мнѣ кажется, что вышеизложеннымъ я до нѣкоторой степени объяснилъ порывъ, который охватилъ итальянскій народъ при объявленіи его правительствомъ войны Австро-Венгріи. Если, съ одной стороны, ясно познанные національные интересы и политическій разумъ дѣлали войну необходимою, то, съ другой стороны, чувство народное привѣтствовало послѣдній смертный бой съ жестокимъ и ненавистнымъ историческимъ врагомъ. Въ войнахъ XIX столѣтія маленькія итальянскія арміи, наполовину набранныя изъ волонтеровъ, не могли безъ сторонней помощи побѣждать въ генеральныхъ сраженіяхъ подавляющихъ численностью регулярныхъ австрійскихъ войскъ. Теперь борьба должна была идти въ иныхъ условіяхъ. Расплата за прошлое и завершеніе національнаго объединенія дѣла-

---

[1]) См. Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора-Эммануила; переводъ съ французскаго. СПБ., 1898.

Ulloa. Guerra dell'indipendenza. italiana. Milano, 1859.

лись возможными. И вотъ, майскіе дни 1915 г. были днями такого патріотическаго восторга, какого Италія не запомнила со временъ сицилійскаго похода Гарибальди. Участники грандіозныхъ демонстрацій плакали отъ радости, плакалъ самъ король Викторъ-Эмануилъ, стоя на балконѣ Квиринала передъ ликующими римлянами.

Народная воля исполнилась, и въ ледникахъ, снѣгахъ, ущельяхъ Юлійскихъ и Карнійскихъ Альпъ уже пять мѣсяцевъ происходитъ австро-итальянская дуэль. Медленно, но непрерывно и прочно, проявляя чудеса храбрости, овладѣваютъ итальянцы неприступными высотами и позиціями, которыя укрѣплялись въ теченіе десятковъ лѣтъ ихъ недавними союзниками и которыхъ послѣднимъ уже не удастся вернуть.

Искупленіе мучениковъ свободы и жертвъ австрійскаго террора совершается.

И. Зекъ.

Европейскій концертъ и война 1859 г.

Въ серединѣ іюня 1858 года въ Туринъ къ сардинскому министру-президенту графу Кавуру прибылъ интимный другъ Наполеона III, докторъ Конно, и передалъ изустно приглашеніе императора явиться для переговоровъ въ курортъ Пломбьеръ, тихое мѣстечко, романтически расположенное въ Вогезахъ, недалеко отъ истоковъ Мозеля. Для вида Кавуръ взялъ отпускъ въ Швейцарію и оттуда, въ строжайшемъ секретѣ, съ чужимъ паспортомъ въ рукахъ, выѣхалъ на два дня въ Пломбьеръ. 21 іюля онъ имѣлъ четырехчасовую бесѣду съ Наполеономъ III, во время которой между ними состоялось полное соглашеніе по итальянскому вопросу. Переговоры велись устно, и письменнаго договора заключено не было. Чиновники обоихъ правительствъ не узнали ничего. Съ согласія Наполеона въ тайну были посвящены только король Викторъ-Эммануилъ и сардинскій посланникъ въ Парижѣ, маркизъ Вилламарина. Кавуръ послалъ своему государю донесеніе на 40 страницахъ, которое много лѣтъ спустя, 24 августа 1883 года, было опубликовано въ Миланской Perseveranza. Изъ этого донесенія видно, что Наполеонъ выразилъ готовность прійти всѣми силами на помощь Сардиніи противъ Австріи, если только война не будетъ вызвана революціею въ итальянскихъ государствахъ, а будетъ находить себѣ оправданіе съ точки зрѣнія дипломатической и предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Цѣлью войны должно было быть совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи: ни одной пяди земли не слѣдовало оставлять имъ по сю сторону Альпъ и рѣки Изонцо. Освобожденныя Ломбардія и Венеціанская область вмѣстѣ съ Романьей и Мархіей объединяются съ Пьемонтомъ-Сардиніей въ одно государство. Папа во всякомъ случаѣ сохраняетъ за собою Римъ съ окрестностями. Остальная часть папской области и Тоскана образуютъ средне-итальянское королевство. Корону послѣдняго Кавуръ предложилъ передать герцогинѣ Пармской, на что Наполеонъ согласился, такъ какъ ему было пріятно выступить въ роли покровителя бурбонской принцессы. Неаполь, если бы тамъ была изгнана династія, онъ отдавалъ Мюрату. Всѣ три королевства и Папская область должны были объединиться въ итальянскій союзъ подъ главенствомъ папы. Въ видѣ компенсаціи и благодарности за помощь Франціи Наполеонъ потребовалъ

аннексіи Савойи и Ниццы. Относительно первой Кавуръ не возражалъ, но по поводу Ниццы замѣтилъ, что она является по языку и по обычаямъ вполнѣ итальянской областью. Тогда императоръ сказалъ, что эти вопросы имѣютъ для него второстепенное значеніе, и онъ займется ими впослѣдствіи. Далѣе онъ указалъ, что война должна быть строго локализована. Наполеонъ твердо разсчитывалъ на нейтралитетъ Англіи. Расположить общественное мнѣніе послѣдней онъ поручилъ Кавуру. Враждебное отношеніе прусскаго принца-регента къ Австріи обезпечивало, какъ казалось императору, нейтралитетъ Пруссіи и Германскаго союза. Полную въ этомъ отношеніи гарантію неоднократно давалъ и русскій государь.

По возвращеніи изъ Пломбьера, Кавуръ пригласилъ къ себѣ Гарибальди и просилъ его быть наготовѣ. Вполнѣ соглашаясь съ Кавуромъ въ оцѣнкѣ момента, народный вождь началъ проповѣдывать необходимость военной диктатуры и энергично боролся съ происками Мадзини, который старался подорвать въ народѣ довѣріе къ способностямъ и намѣреніямъ короля Виктора-Эммануила.

Отношенія къ великимъ державамъ продолжали выясняться. Въ концѣ сентября 1858 года принцъ Наполеонъ былъ посланъ въ Варшаву къ императору Александру II зондировать почву, согласна ли будетъ Россія воевать съ Австріей взамѣнъ предоставленія «свободной руки» въ славянскомъ вопросѣ и на Балканахъ. Принцу было сказано, что Россія сама останется нейтральною, но принудитъ соблюдать нейтралитетъ и германскія государства. Тѣмъ временемъ въ Пруссіи министерство Мантейфеля подало въ отставку, и во главѣ правительства сталъ князь Гогенцоллернъ. Отношенія къ Франціи и Сардиніи замѣтно ухудшились. Тогда въ Берлинъ былъ посланъ родственникъ Гогенцоллерна, маркизъ Пеполи, съ спеціальною миссіею выяснить положеніе. Это ему не удалось, а на доводы его о томъ, что Австрія представляетъ собою прошлое, Пруссія же—будущее, вслѣдствіе чего, должна, совершая свое призваніе въ Германіи, заключить союзъ съ Франціей и Сардиніей,—министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шлейвицъ отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ. Видимыя колебанія Пруссіи мало безпокоили Кавура вслѣдствіе позиціи, занятой русскимъ правительствомъ. Гораздо серьезнѣе были опасенія, вызывавшіяся поведеніемъ Англіи, которая въ то время шла на сближеніе съ Австріей. Правда, виги сохраняли традиціонное расположеніе къ Италіи. Но у кормила правленія былъ торійскій кабинетъ, отнюдь не скрывавшій своихъ симпатій къ Австріи.

Тѣмъ не менѣе сардинское правительство начало самымъ рѣшительнымъ образомъ готовиться къ войнѣ. Въ арсеналѣ Турина было собрано громадное количество воинскаго матеріала. Спѣшно заканчивались укрѣпленія Генуи и Спеціи. Національное Общество составило подробный планъ организаціи возстанія на полуостровѣ во время войны, и 19 октября 1858 годи Кавуръ этотъ планъ утвердилъ. Одновременно туринская пресса стала, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, проповѣдывать необходимость войны

за объединеніе Италіи. Въ Парижѣ газеты проявляли значительную сдержанность, и только офиціозы систематически нападали на Австрію, которая «спитъ на кучѣ бумажныхъ трактатовъ». Иностранную политику Сардиніи въ ту эпоху лучше всего опредѣляетъ біографъ ея премьера, Никомедъ Бьянки Онъ говоритъ: «Основными задачами Кавура было возбуждать европейское общественное мнѣніе противъ императорско-королевскаго владычества въ Италіи, изолировать гордый домъ Габсбурговъ, увѣнчать Австрію терніями, такъ ее раздразнить, чтобы толкнуть къ отчаянному шагу, который, сдѣлавъ войну неизбѣжною, возложилъ бы отвѣтственность за все на Австрію и тѣмъ удачно разрѣшилъ бы проблему, данную Наполеономъ въ Пломбьерѣ».

Въ Вѣнѣ не могли не замѣчать поведенія Сардиніи. Однако, графъ Буоль, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, рѣшилъ до времени съ презрѣніемъ игнорировать своего сосѣда. Дипломатія Гофбурга, не искавшая союзниковъ, обнаруживала полное спокойствіе въ сознаніи своихъ правъ, установленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, собственнаго могущества и ничтожества противника. Непосредственныя сношенія съ Пьемонтомъ за нѣсколько лѣтъ до того уже были признаны невозможными и прерваны. Интересы Австріи и Германскаго союза были представлены въ Туринѣ прусскимъ посланникомъ.

Наполеонъ проявлялъ все большую рѣшимость. Въ ноябрѣ онъ уже нашелъ возможнымъ сказать лорду Кларендону слѣдующія знаменательныя слова: «Восточная политика Франціи имѣла въ виду двойную задачу — вмѣшательство въ судьбу Италіи и Польши; отъ Польши приходится отказаться изъ за необходимости сохранить дружескія отношенія съ Россіею, но Италія остается».

Еще въ Пломбьерѣ Наполеонъ выразилъ Кавуру свое желаніе скрѣпить союзныя отношенія между обоими государствами посредствомъ брака принца Жерома Наполеона съ старшею дочерью Виктора-Эммануила, принцессою Клотильдою. Послѣдней было въ то время всего пятнадцать лѣтъ. Лично ей бракъ съ принцемъ Наполеономъ, которому было 36 лѣтъ и который имѣлъ дурную славу ловеласа и совершенно неуравновѣшеннаго человѣка, не могъ сулить ничего отраднаго. Но друзья Виктора-Эммануила, ознакомивъ ее съ исторіей Савойской династіи, внушили ей мысль, что каждая королевская дочь должна жертвовать своимъ счастьемъ для блага отечества. Узнавъ о желаніи Наполеона, дѣвушка выразила съ такимъ воодушевленіемъ и восторгомъ свою готовность исполнить долгъ, что Кавуръ, собиравшійся обставить этотъ бракъ еще нѣкоторыми выгодными для Сардиніи условіями, былъ немало смущенъ поведеніемъ принцессы въ присутствіи французскихъ посредниковъ—посланника въ Туринѣ, де-ля-Туръ-д'Оверна, и генерала Ніэля. Старый Савойскій домъ не считалъ для себя особенною честью породниться съ фамиліею выскочки, тогда какъ Наполеонъ находилъ это родство важнымъ для поднятія престижа своей ди-

настіи. Кавуръ сумѣлъ использовать положеніе. Пломбьерскія бесѣды превратились въ договоры, которые, по настоянію Кавура, были собственноручно подписаны Наполеономъ въ декабрѣ 1858 года. Сардинія получала Ломбардію, Венецію, Парму, Модену, Романью и легатства и уступала за первыя двѣ области Савойю, а за остальное—Ниццу. Папѣ оставлялся Римъ и, по выраженію Абу, «садикъ».

1 января 1859 года на пріемѣ дипломатическаго корпуса Наполеонъ III обратился къ австрійскому послу барону Гюбнеру со слѣдующими историческими словами: «Сожалѣю, что отношенія между нашими правительствами не такъ хороши, какъ прежде; передайте однако же Вашему Государю, что мои личныя чувства къ нему не измѣнились». Эти слова произвели на Европу впечатлѣніе громового удара въ ясную погоду и, по удостовѣренію банкира Перейра, обошлись Франціи паденіемъ всѣхъ ея фондовъ въ милліардъ.

Появившемуся вслѣдъ затѣмъ въ оффиціальномъ Moniteur'ѣ объясненію, что «безпокойные слухи ни на чемъ не основаны», никто не повѣрилъ.

10 января, въ Туринѣ, при открытіи сессіи парламента въ палаццо Мадама, Викторъ-Эммануилъ прочелъ знаменитую, Кавуромъ составленную, рѣчь, съ текстомъ коей, какъ потомъ выяснилось, былъ предварительно ознакомленъ Наполеонъ III. Съ особымъ удареніемъ и душевнымъ подъемомъ произнесъ король конецъ рѣчи:

«Господа сенаторы, господа депутаты. Горизонтъ новогодняго неба не совсѣмъ ясенъ. Тѣмъ не менѣе вы съ обычною энергіею возьметесь за свой парламентскій трудъ.

«Окрѣпнувъ въ испытаніяхъ прошлаго, мы съ рѣшимостью идемъ навстрѣчу возможностямъ будушаго. Это будущее окажется счастливымъ, если наша политика будетъ покоиться на началахъ справедливости, на любви къ свободѣ и отечеству. Наше государство, малое пространствомъ, завоевало себѣ почетное положеніе среди европейскихъ державъ, потому что оно является носителемъ великихъ идей и привлекаетъ къ себѣ общія симпатіи.

«Наше положеніе не свободно отъ опасностей, такъ какъ мы, при всемъ уваженіи существующихъ трактатовъ, не можемъ быть безучастными къ крику скорби и отчаянія, который доносится къ намъ со всѣхъ концовъ Италіи.

«Сильные единодушіемъ и вѣрою въ наше право, мы съ твердостью и рѣшимостью ожидаемъ воли Господней».

Не поддается описанію восторгъ и ликованіе, вызванные этою рѣчью среди присутствовавшихъ. Франціи она стоила, по словамъ Перейра, второй милліардъ.

Въ то время итальянскихъ патріотовъ охватило чрезвычайное воодушевленіе. Они сознавали, что близокъ часъ, когда рѣшатся судьбы ихъ многострадальной родины. По соглашенію съ Кавуромъ Гарибальди началъ

формировать корпусъ итальянскихъ добровольцевъ, которому дано было названіе альпійскихъ стрѣлковъ (cacciatori delle Alpi). Туринскій парламентъ вотировалъ заемъ въ 50 милліоновъ на военныя нужды. Въ нѣсколько дней этотъ заемъ былъ покрытъ въ самомъ Пьемонтѣ, причемъ капиталисты, преимущественно мелкіе и средніе, предложили своему правительству вмѣсто 50—80 милліоновъ.

31 января состоялось бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды. Прибытіе новобрачныхъ въ Парижъ сопровождалось двумя важными политическими актами. 4 февраля вышла въ свѣтъ проредактированная самимъ императоромъ брошюра Лагеронньера «Наполеонъ III и Италія». Въ брошюрѣ опредѣленно говорилось о правахъ національностей и о необходимости пересмотра трактатовъ 1815 года, формально оправдывавшихъ австрійское владычество въ Италіи, но утратившихъ всякую нравственную цѣнность. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на неизбѣжность конфликта Пьемонта съ Австріей и на недопустимость для Франціи въ этомъ случаѣ нейтралитета, благодаря которому Австрія можетъ овладѣть пограничными альпійскими проходами. Авторъ брошюры дѣлалъ выводъ, что интересы и честь Франціи требуютъ освобожденія Италіи.

7 февраля, открывая засѣданія законодательнаго корпуса, Наполеонъ произнесъ рѣчь, въ которой, говоря о внѣшней политикѣ, объяснилъ, что Франція заинтересована вездѣ, гдѣ затронуты вопросы справедливости и культуры, что ненормальное положеніе Италіи вызываетъ особыя заботы французской дипломатіи, но что онъ надѣется на сохраненіе мира и его поражаетъ всеобщее волненіе, такъ какъ очевидной опасности войны нѣтъ; это волненіе свидѣтельствуетъ столько же о взаимномъ недовѣріи державъ, сколько о чрезмѣрномъ страхѣ.

Между тѣмъ, во Франціи начались военныя приготовленія. Еще 11 января маршалъ Кастелланъ въ Ліонѣ получилъ приказъ привести войска на походное положеніе. Стали закупать большія партіи лошадей, преимущественно въ Германіи. Военные корабли начали перевозить солдатъ изъ Алжира. 12 февраля въ Марсели высадился авангардъ дивизіи Рено.

Австрія, не соглашаясь въ то время ни на какія уступки, повидимому, принимала вызовъ. Въ январѣ были посланы значительныя подкрѣпленія въ ея итальянскую армію. 30.000 солдатъ въ полной боевой готовности, съ пѣснями и музыкою вошли въ Миланъ. Кругомъ Піаченцы стали спѣшно воздвигать новые форты. Во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ были поставлены гарнизоны, главнымъ образомъ, чтобы воспрепятствовать бѣгству подлежащихъ набору итальянцевъ въ Пьемонтъ. Не взирая на то, что, по требованію Кавура, революціонеры до времени не проявляли никакой дѣятельности, австрійскія власти, введенныя въ заблужденіе газетами Пьемонта, начали борьбу съ революціей. Въ Ломбардіи и Венеціанской области было фактически введено военное положеніе. Нѣмецкія вывѣски въ городахъ окружались предохранительными желѣзными рѣшетками. Съ почты, теле-

графа и желѣзныхъ дорогъ были удалены служащіе итальянской національности. Университеты были закрыты.

На дѣйствія Австріи Кавуръ отвѣтилъ объявленіемъ Пьемонта на осадномъ положеніи. Отдаленные гарнизоны Савойи были стянуты въ направленіи рѣки Тичино, т. е. къ австрійской границѣ, но были предусмотрительно поставлены въ разстояніи десяти часовъ пути отъ нея, чтобы потомъ имѣть право называть Австрію нападавшею стороною. Крѣпость Александрія перевооружалась новыми дальнобойными пушками.

Своимъ чередомъ шли дипломатическіе переговоры. Позиція британскаго кабинета выяснялась, какъ безусловно нейтральная и примирительная. Однако, въ Пруссіи замѣчались колебанія. Общественное мнѣніе и газеты отстаивали поддержку Австріи. Тогда впервые была провозглашена формула: «Рейнъ надо защищать на По». Въ февралѣ, посланный въ Петербургъ для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ адмиралъ Ла-Ронсьеръ-Ле-Нури заѣхалъ по дорогѣ въ Берлинъ и предлагалъ Голштинію, Ганноверъ и Гессенъ за поддержку Пруссіи въ итальянскихъ дѣлахъ. Шлейницъ отвѣтилъ, что предпочитаетъ политику «свободной руки». На одинъ моментъ сдѣлалось двусмысленнымъ и поведеніе Россіи: она поставила свои дѣйствія въ зависимость отъ отмѣны непріятныхъ для нея условій парижскаго мира, чего Наполеонъ, считаясь съ Англіей, не рѣшился обѣщать, но зато охотно обѣщалъ вовсе болѣе не касаться польскаго вопроса.

Въ началѣ того же февраля англійское правительство, заинтересованное въ сохраненіи враждебной Россіи группировки державъ эпохи крымской войны, рѣшило выступить съ мирнымъ посредничествомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Мальмсбюри, предложилъ чрезъ пословъ французскому и сардинскому кабинетамъ формулировать свои желанія. 16 февраля министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, отъ имени Наполеона III потребовалъ: отмѣны договоровъ, заключенныхъ Австріею съ итальянскими государствами, введенія въ послѣднихъ представительныхъ учрежденій, отдѣльнаго управленія легатствами чрезъ назначеннаго папою римскаго князя и уменьшенія налоговъ въ папской области. Кавуръ медлилъ отвѣтомъ и только 1 марта вручилъ англійскому посланнику меморандумъ, въ которомъ нападалъ на всѣ трактаты, опредѣлявшіе положеніе Австріи въ Италіи, и дѣлалъ выводъ, что дипломатія врядъ ли способна помочь горю Италіи.

Еще не выждавъ отвѣта Кавура, Мальмсбюри 23 февраля поручилъ англійскому послу въ Парижѣ, лорду Коулею, бывшему въ личной дружбѣ какъ съ Наполеономъ, такъ и съ графомъ Буолемъ, отправиться въ Вѣну и приступить къ переговорамъ, взявъ для нихъ основаніемъ французскія требованія. Прусскій посолъ въ Вѣнѣ, баронъ Вертеръ, долженъ былъ содѣйствовать успѣху посредничества, сводившагося къ предложенію созвать европейскую конференцію по итальянскому вопросу. Буоль объяснилъ

Коулею, что договорныя права Австріи совершенно неоспоримы, такъ какъ каждому суверенному государству принадлежитъ право заключать договоры съ другимъ суверенным государствомъ. Но, изложивъ ихъ содержаніе британскому дипломату, Буоль все-таки заявилъ, что Австрія при соблюденіи извѣстныхъ условій согласна участвовать въ европейскомъ конгрессѣ. Однако, прежде всего нужно изыскать средства водворить какимъ нибудь инымъ путемъ спокойствіе въ Италіи, въ частности положить конецъ притязаніямъ Сардиніи играть роль великой державы на Апеннинскомъ полуостровѣ; остальныя участницы конгресса, великія державы, должны также представить договоры, заключенные ими съ итальянскими государствами (разумѣлось интересовавшее Австрію соглашеніе Франціи съ Сардиніею), а всѣ переговоры имѣютъ происходить единственно на почвѣ заключительныхъ актовъ вѣнскаго конгресса 1815 года, которые не подлежатъ ни малѣйшему измѣненію.

Франція и Сардинія продолжали усиленно готовиться къ войнѣ, такъ же, какъ и Австрія. Но при мало развитой въ то время желѣзнодорожной сѣти военныя приготовленія шли медленно. Дипломатическіе переговоры затягивали время и были тѣмъ на руку обѣимъ сторонамъ.

6 марта, въ Туринѣ, на засѣданіи совѣта министровъ Викторъ Эммануилъ уполномочилъ Кавура произвести мобилизацію запасныхъ и не отмѣнилъ этого распоряженія даже, когда англійскій посланникъ, сэръ Джемсъ Гудзонъ, официально сообщилъ ему, что австрійское правительство завѣрило британское объ отсутствіи у него намѣренія напасть на Сардинію. Было ли это счастьемъ Кавура или же правильнымъ расчетомъ геніальнаго дипломата, но, именно благодаря приказу о мобилизаціи, Коулей покинулъ 10 марта Вѣну, не добившись никакихъ результатовъ своего мирнаго посредничества. Наоборотъ, ему передъ отъѣздомъ дано было понять, что Австрія не приметъ участія въ конгрессѣ до тѣхъ поръ, пока не разоружится Сардинія: разоруженіе ея должно служить залогомъ искренности Франціи.

Наполеонъ III-былъ недоволенъ посредничествомъ британскаго правительства по понятнымъ причинамъ. Опубликованіе договора съ Сардиніей совершенно не входило въ его планы. Между тѣмъ, Мальмсбюри признавалъ это требованіе вполнѣ справедливымъ со стороны Австріи. Наконецъ, по всѣмъ признакамъ Англія, въ сущности, не добивалась и созыва конгресса, но имѣла въ виду совмѣстно съ Пруссіей мирно уладить дѣло посредствомъ обычныхъ дипломатическихъ сношеній.

Изъ создавшагося положенія Наполеонъ вышелъ весьма искусно. Въ величайшемъ секретѣ онъ словесно, черезъ посла, попросилъ русское правительство выступить съ предложеніемъ созвать конференцію изъ представителей пяти великихъ державъ для разрѣшенія итальянскихъ дѣлъ. Предполагая самыя добросовѣстныя побужденія Наполеона, наше правительство выразило полную готовность содѣйствовать дѣлу мира и немед-

ленно послало соотвѣтствующую циркулярную ноту своимъ представителямъ за границею. Кабинеты Лондона, Турина и Вѣны были непріятно поражены неожиданнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Кавуръ объявилъ, что его министерство подаетъ въ отставку, если Пьемонтъ не будетъ предоставленъ на конгрессѣ; въ Лондонѣ на послѣднее требованіе не только не соглашались, но предлагали Наполеону заставить Пьемонтъ разоружиться; Буоль къ этому добавилъ, что конгресъ не долженъ обсуждать существующихъ границъ.

Наполеонъ офиціально заявилъ, что принимаетъ русское предложеніе, но не высказался объ условіяхъ совѣщаній конгресса.

Тѣмъ временемъ вооруженія Франціи и Пьемонта шли успѣшно. Австрія, которой финансы и тогда были плохи, истощала ихъ, готовясь къ войнѣ. Уже былъ недалекъ моментъ, когда ей неминуемо пришлось бы для предотвращенія государственнаго банкротства поставить ребромъ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Зная это, Наполеонъ затягивалъ дипломатическіе переговоры.

Недальновидный вообще, Мальмсбюри былъ застигнутъ врасплохъ выступленіемъ Россіи. Онъ не считалъ возможнымъ отклонить ея предложеніе, въ виду миссіи Коулея, но все же не хотѣлъ окончательно подчиниться русской иниціативѣ. Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшилъ пойти по среднему пути. Принимая предложеніе, обусловилъ его пунктами, которые должны были служить основаніемъ для совѣщаній конгресса.

22 марта русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, одобрилъ эти пункты. Они были слѣдующіе:

1. Обезпеченіе способовъ къ установленію мирныхъ отношеній между Австріей и Сардиніей.

2. Эвакуація изъ папской области иноземныхъ войскъ и реформы въ итальянскихъ государствахъ.

3. Компенсаціи для Австріи за ея отказъ отъ договоровъ съ этими государствами.

4. Неприкосновенность границъ и трактатовъ 1815 года.

21 марта русскій посолъ при австрійскомъ дворѣ, Балабинъ, сообщилъ Буолю предложеніе нашего правительства; 28 марта англійскій посолъ, лордъ Лафтусъ, вручилъ Буолю ноту, содержавшую въ себѣ пункты Мальмсбюри.

23 марта Балабинъ получилъ отвѣтъ, который гласилъ, что Австрія въ принципѣ принимаетъ русское предложеніе; единственно труднымъ вопросомъ является вызывающая политика Сардиніи, которой необходимо положить конецъ; всѣ предметы совѣщаній конгресса должны быть опредѣлены заранѣе, и если дѣло коснется другихъ суверенныхъ государствъ, то они могутъ быть приглашены къ участію въ переговорахъ, но не иначе, какъ на основаніяхъ Ахенскаго конгресса 1818 года; однако, совѣщанія при шумѣ оружія и военныхъ приготовленій не только кроютъ въ себѣ

опасность, но они недопустимы нравственно; ранѣе всякаго конгресса Сардинія должна разоружиться.

31 марта Буоль отвѣтилъ Лафтусу. Повторяя соображенія, высказанныя Балабину, австрійскій министръ указалъ, что, если Сардинія демобилизуется, Австрія обязывается не нападать на нее во время конгресса. На первый и четвертый пунктъ англійскихъ условій конгресса Буоль соглашался; по второму пункту онъ, допуская самое обсужденіе, оговаривалъ право наиболѣе заинтересованныхъ державъ—Австріи, Франціи и Папской области—соглашаться между собою въ деталяхъ. Но не подлежали сужденію конгресса договоры Австріи съ итальянскими государствами; однако, если прочія великія державы представятъ на конгрессъ свои договоры съ этими государствами, Австрія поступитъ также, и въ послѣднемъ случаѣ возможенъ обмѣнъ мнѣній между заинтересованными державами относительно необходимости пересмотра договоровъ. Къ четыремъ пунктамъ Буоль добавилъ пятый: соглашеніе великихъ державъ объ одновременномъ всеобщемъ разоруженіи.

Пока Наполеонъ преслѣдовалъ свои цѣли, а европейскіе дипломаты все болѣе запутывались въ стремленіи другъ друга перехитрить, въ Пьемонтѣ уже теряли терпѣніе. Кавуръ началъ угрожать французскому посланнику, говоря, что дѣло можетъ пойти своимъ ходомъ помимо императора: революціонные комитеты, организованные повсюду съ согласія Наполеона, готовы дѣйствовать; онъ, Кавуръ, рѣшилъ поднести зажженный фитиль къ этому горючему матеріалу, и если Италія будетъ истекать кровью, Франціи такъ или иначе придется выступить на ея защиту. Хотя относительно Кавура никогда нельзя было сказать, сколько въ подобныхъ его выступленіяхъ заключалось горячности и сколько тонкаго расчета, но, безъ сомнѣнія, онъ былъ способенъ пойти на отчаянный шагъ, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ.

Въ то время туринское національное общество и девяносто его провинціальныхъ отдѣленій собирали деньги и вербовали добровольцевъ всюду, отъ Альпъ до Рима включительно. Матери и сестры посылали молодежь на войну, оставшійся дома былъ обреченъ на позорную роль въ патріотически настроенныхъ дамскихъ кругахъ. Тысячами шли добровольцы въ Пьемонтъ. Лучшими изъ нихъ пополнялись сардинскія регулярныя войска. Королевскимъ декретомъ 17 марта Гарибальди въ чинѣ генералъ-маіора былъ назначенъ командиромъ корпуса альпійскихъ стрѣлковъ. Онъ избралъ ближайшими своими помощниками неаполитанскаго эмигранта Энрико Козенца, прославившагося искусствомъ и беззавѣтною храбростью при оборонѣ венеціанскаго форта Мальгеры отъ австрійцевъ въ 1848 г., и ломбардца Джакомо Медичи, геройски защищавшаго въ числѣ послѣднихъ бойцовъ Римъ въ 1849 году отъ французовъ. Такой командный составъ арміи добровольцевъ чрезвычайно не нравился Наполеону. Онъ, эксъ-карбонаро, тщательно скрывавшій «грѣхи молодости», чувствовалъ себя ском-

прометированнымъ явно революціоннымъ товариществомъ, но всего болѣе онъ боялся со стороны итальянцевъ эксцессовъ, которые могли причинить непоправимый вредъ дипломатической подготовкѣ войны. Въ виду такихъ соображеній, онъ въ послѣднихъ числахъ марта, вызвавъ къ себѣ Кавура, просилъ его быть терпѣливѣе и держать въ уздѣ революціонеровъ. Но сардинскій министръ, боясь, что Наполеонъ въ послѣдній моментъ можетъ раздумать, либо удовлетворится какими-нибудь компенсаціями, требовалъ энергичныхъ дѣйствій, а въ случаѣ отказа грозилъ уѣхать въ Америку и опубликованіемъ документовъ доказать, что императоръ самъ создалъ конфликтъ, а Кавуръ былъ только орудіемъ въ его рукахъ. Тогда же Наполеонъ получилъ отъ Виктора-Эммануила письмо, въ которомъ имѣлась слѣдующая фраза: «Принужденный отречься отъ трона моихъ отцовъ, къ чему меня обязываетъ имя нашего дома и благо отечества, я былъ бы поставленъ въ необходимость раскрыть міру основанія, заставившія меня пойти на эту тяжелую жертву». Такая твердость имѣла успѣхъ. 30 марта Кавуръ уѣхалъ изъ Парижа въ сознаніи, что война неизбѣжна.

По возвращеніи въ Туринъ, онъ послалъ циркулярную ноту правительствамъ великихъ державъ, въ которой объявлялъ, что Сардинія не приступитъ къ разоруженію, если не будетъ допущена къ участію въ конгрессѣ на равныхъ съ прочими государствами основаніяхъ.

Тѣмъ временемъ, Мальмсбюри все еще пытался склонить Буоля принять англо-русское предложеніе безъ всякихъ условій, доказывая превосходство въ такомъ случаѣ дипломатическаго положенія Австріи. Онъ находилъ достаточнымъ, если обѣ арміи отойдутъ отъ границъ, а вопросъ о разоруженіи ихъ будетъ предоставленъ разрѣшенію конгресса. Эти представленія англійскаго министра не имѣли никакого успѣха въ Вѣнѣ. Тогда онъ выступилъ съ предложеніемъ немедленнаго разоруженія всѣхъ великихъ державъ и Сардиніи. Пруссія и Россія производили уже частичныя мобилизаціи, причемъ Россія стягивала войска къ своей западной границѣ. Но и эта попытка Мальмсбюри была обречена на неудачу. Правда, Валевскій объявилъ себя 10 апрѣля принципіально согласнымъ на общее разоруженіе, но подробности послѣдняго онъ желалъ бы установить на конгрессѣ. Въ тотъ же день Наполеонъ, которому Кавуръ наканунѣ телеграфировалъ, что 9-му и 10-му австрійскимъ корпусамъ приказано итти въ Италію, предписалъ сформировать двѣ новыхъ дивизіи и послалъ полковника Саже въ Туринъ передать, чтобы были наготовѣ провіантъ и повозки для первой надобности, и что, если Австрія нападетъ, онъ, Наполеонъ, обрушится на нее съ молніеносною быстротою, не взирая ни на какія препятствія.

12 апрѣля на сообщеніе лорда Лафтуса о послѣднемъ французскомъ предложеніи графъ Буоль отвѣтилъ: только, когда разоруженіе державъ или хотя бы одной Сардиніи станетъ совершившимся фактомъ, Австрія согласится участвовать въ конгрессѣ, и это ея послѣднее слово.

Узнавъ отвѣтъ Буоля, Коулей заявилъ Валевскому, что при создавшемся положеніи никто не можетъ болѣе вѣрить въ миролюбіе французскаго императора. Тогда Наполеонъ рѣшилъ снова уступить, обѣщалъ Коулею начать разоруженіе своей арміи и посовѣтовать разоружаться въ Туринѣ, если великія державы согласятся на равноправное участіе въ конгрессѣ всѣхъ итальянскихъ государствъ.

При этомъ извѣстіи, Кавуръ, до послѣдней минуты сомнѣвавшійся въ Наполеонѣ, впалъ было въ отчаяніе и телеграфировалъ принцу Наполеону: «лучше быть побѣжденнымъ и умереть съ оружіемъ въ рукахъ», но затѣмъ успокоился, понявъ всю невыполнимость поставленнаго императоромъ условія. Поэтому, на предложеніе Англіи приступить къ демобилизаціи сардинскій министръ отвѣтилъ: его правительство не затруднилось бы прибѣгнуть, подобно французскому, къ такой мѣрѣ, если бы оно было приглашено на конгрессъ; теперь оно можетъ только обѣщать не продолжать своихъ вооруженій въ томъ предположеніи, что Австрія не будетъ усиливать своей итальянской арміи. Отвѣтъ Кавура былъ 18 апрѣля опубликованъ въ офиціальной газетѣ.

Въ тотъ же день Мальмсбюри, будучи убѣжденъ, что Австрія не допуститъ равноправія Сардиніи на конгрессѣ, телеграфировалъ въ Парижъ, что итальянскія государства слѣдуетъ пригласить къ участію въ разрѣшеніи вопроса не на одинаковыхъ съ великими державами основаніяхъ, а на основаніяхъ того порядка, который имѣлъ мѣсто на конгрессѣ въ Лайбахѣ 1821 года.

Въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ пошелъ и на эту, уже весьма значительную, уступку и въ половинѣ второго ночи на 19 апрѣля послалъ Кавуру телеграмму съ приказомъ обѣщать при такихъ условіяхъ разоруженіе.

Сардинскій министръ рѣшилъ испытать послѣднее средство и послалъ въ Парижъ телеграмму: «Такъ какъ Франція дѣйствуетъ по соглашенію съ Англіею, правительство подчиняется, хотя предвидитъ печальныя послѣдствія такого рѣшенія для спокойствія Италіи». Это была угроза революціею. Тотчасъ же императоръ и принцъ Наполеонъ телеграфировали Кавуру, что, по ихъ предположенію, Австрія не отступитъ отъ своего «послѣдняго слова». Въ самомъ дѣлѣ, 20 апрѣля утромъ Буоль не только отклонилъ предложеніе Англіи, но заявилъ Лафтусу, что еще наканунѣ вечеромъ императоръ Францъ-Іосифъ послалъ въ Туринъ ультиматумъ.

Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля Кавуръ получилъ точныя свѣдѣнія, что австрійскій офицеръ, везшій ультиматумъ, находится уже въ предѣлахъ Пьемонта. Ликованіе Кавура было безгранично: желанная цѣль была, наконецъ, достигнута. Какъ сумасшедшій, помчался онъ къ королю сообщить радостное извѣстіе. Для Франціи наступалъ casus foederis...

Австрія поспѣшнымъ шагомъ испортила свое выгодное дипломатическое положеніе. Даже Англія отвѣтила на ея ультиматумъ формальнымъ

протестомъ. 21 апрѣля въ Moniteur'ѣ было напечатано: въ виду образа дѣйствій австрійскаго правительства, императоръ Наполеонъ III рѣшилъ придвинуть войска къ сардинской границѣ.

Теперь уже не подлежало сомнѣнію, что и Австрія опредѣленно хотѣла войны: въ «Вѣнской Газетѣ» ультиматумъ былъ опубликованъ ранѣе, чѣмъ былъ доставленъ въ Туринъ. Изложенный въ формѣ ноты графа Буоля графу Кавуру, онъ въ резолютивной своей части гласилъ:

«Императоръ, мой высокій повелитель, призналъ за благо поручить мнѣ сдѣлать послѣднюю попытку, дабы отклонить правительство его сардинскаго величества отъ рѣшенія, которое оно, повидимому, приняло. Это и является, графъ, цѣлью настоящаго письма. Я имѣю честь просить ваше превосходительство взвѣсить его содержаніе самымъ серьезнымъ образомъ и затѣмъ увѣдомить меня, намѣрено ли королевское правительство безотлагательно привести свою армію къ мирному контингенту и распустить добровольцевъ, или же не намѣрено. Податель сего письма, коему вы, графъ, благоволите дать отвѣтъ, получилъ приказаніе ожидать такового въ теченіе трехъ дней. Если же онъ по прошествіи этого времени не получитъ вовсе отвѣта или послѣдній не окажется вполнѣ удовлетворительнымъ, то отвѣтственность за тяжкія послѣдствія такого уклоненія должна всецѣло пасть на правительство его сардинскаго величества. Послѣ того, какъ императоромъ напрасно исчерпаны всѣ средства съ цѣлью обезпечить для своихъ народовъ залогъ мира, который онъ имѣетъ право настоятельно требовать, его величество, къ крайнему своему сожалѣнію, сочтетъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Въ надеждѣ, что отвѣтъ, о которомъ я прошу ваше превосходительство, будетъ соотвѣтствовать нашимъ желаніямъ сохранить миръ, я пользуюсь случаемъ и т. д.»...

23 апрѣля, въ 12 часовъ дня, собралась палата, которой Кавуръ предложилъ законопроектъ, облекавшій короля диктаторскими полномочіями на время войны. Взволнованнымъ голосомъ, при бурныхъ выраженіяхъ сочувствія депутатовъ и публики, Кавуръ воскликнулъ: «И кто могъ бы быть лучшимъ хранителемъ нашей свободы, кто болѣе достоинъ довѣрія народнаго, чѣмъ онъ? Онъ, чье имя въ продолженіе десятилѣтняго царствованія было синонимомъ честности и порядочности, онъ, всегда высоко и твердо державшій въ рукахъ своихъ трехцвѣтное знамя, онъ, въ это мгновеніе готовый бороться за нашу свободу и независимость!» Въ 3 часа дня палата большинствомъ 110 голосовъ противъ 24 приняла законопроектъ. Оставляя залъ, Кавуръ сказалъ: «Теперь я выхожу изъ послѣдняго засѣданія Пьемонтскаго парламента; слѣдующее будетъ имѣть мѣсто въ парламентѣ королевства Италіи».

Въ $5^1/_4$ ч. пополудни австрійскій офицеръ, баронъ Келлерспергъ, явился къ Кавуру и вручилъ ультиматумъ. Прочитавъ его, Кавуръ просилъ барона зайти за отвѣтомъ 26 апрѣля въ $5^1/_2$ ч.

24 апрѣля французское правительство было официально увѣдомлено объ ультиматумѣ. 26 апрѣля, днемъ, въ Туринъ пришло извѣстіе, что первый французскій корпусъ подъ начальствомъ маршала Барагэ д'Илліэ началъ высаживаться въ Генуѣ. Въ тотъ же день, въ назначенный часъ, въ половинѣ шестого пополудни, Кавуръ передалъ барону Келлерспергу лаконическій отвѣтъ: «Другія великія державы выразили согласіе на предложеніе Англіи о разоруженіи. Желая мира, и Сардинія приняла таковое безъ оговорокъ, безъ задней мысли. Графъ Буоль не можетъ не знать ни англійскаго предложенія, ни отвѣта Сардиніи. Поэтому я не нахожу нужнымъ что-либо добавлять къ послѣднему, чтобы ставить въ извѣстность о намѣреніяхъ королевскаго правительства». Отвѣтъ, въ которомъ не заключалось ни утвержденія, ни отрицанія, являлся отклоненіемъ императорско-королевскаго ультиматума. «Жребій брошенъ, — весело вскричалъ Кавуръ обступившимъ его друзьямъ,—мы сдѣлали исторію, пойдемте теперь обѣдать».

Въ послѣдній моментъ Мальмсбюри еще разъ предложилъ въ Вѣнѣ и Парижѣ свое посредничество на основаніяхъ парижскаго протокола 1856 г. Единственнымъ и врядъ-ли предвидѣннымъ послѣдствіемъ этого посредничества явился переходъ австрійской арміей рѣки Тичино 30 вмѣсто 27 апрѣля, благодаря чему союзники выиграли еще 3 дня.

26 апрѣля между Франціей и Австріей были прерваны дипломатическія сношенія. 29 апрѣля послѣдовали прокламаціи къ войскамъ въ Вѣнѣ и Туринѣ, 3 мая—въ Парижѣ. Такъ началась война 1859 года, ознаменовавшаяся блестящими побѣдами франко-итальянскаго оружія подъ Монтебелло, Палестро, Маджентою, Маленьяно и Сольферино. Послѣднее сраженіе, самое серьезное по числу жертвъ и военному значенію, произошло 24 іюня. Спустя нѣсколько дней во французскій лагерь прибылъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ съ собственноручнымъ письмомъ императора Александра II. Въ этомъ письмѣ было опредѣленно сказано, что Россія не поддержитъ Францію въ войнѣ, одновременно европейской и революціонной. Обнаружились также серьезныя разногласія по восточному вопросу. Удовлетворить въ послѣднемъ отношеніи русскія требованія Наполеонъ не могъ, справедливо опасаясь, что тогда Англія примкнетъ къ Австріи. Между тѣмъ, позиція, занятая Россіею, грозила развязать руки германскому союзу, армія котораго была готова къ выступленію на Рейнѣ. Вести войну на два фронта или предварительно уничтожить все еще многочисленную австрійскую армію, базировавшуюся на крѣпостной четвероугольникъ—Мантуя, Верона, Леньяго, Пескіера,—Наполеону не представлялось возможнымъ, а потому, прекративъ завязавшіяся было сношенія съ итальянскими, венгерскими и сербскими инсургентами, онъ поспѣшилъ заключить (8 іюля) перемиріе въ Виллафранкѣ, а затѣмъ и миръ въ Цюрихѣ (10 ноября).

Непосредственная цѣль войны достигнута не была. Сардинія получила только Ломбардію до рѣки Минчіо. Но война вызвала революцію въ госу-

дарствахъ Средней и Южной Италіи, фактическое прекращеніе дѣйствія ихъ договоровъ съ Австріею и присоединеніе ихъ территорій къ Сардиніи на основаніи всеобщаго голосованія. Въ эпоху борьбы итальянцевъ за національное объединеніе эти событія были важнѣйшими и, учитывая ихъ, Наполеонъ добился присоединенія къ Франціи Ниццы и Савойи, хотя и не выполнилъ принятаго на себя обязательства вести войну съ Австріей до анексіи Венеціанской области включительно. Таковая послѣдовала, какъ извѣстно, лишь въ 1866 году, уже благодаря союзу объединенной Италіи съ Пруссіей.

Разбираясь въ вышеизложенномъ, мы найдемъ внѣшнее и внутреннее сходство между обстоятельствами, вызвавшими и сопровождавшими европейскіе конфликты 1859 и 1914 г.г. А потому, мнѣ кажется возможнымъ сдѣлать нѣкоторые выводы въ области политики практической, примѣнительно къ настоящему моменту и къ ожидаемымъ событіямъ.

Вы слышали, какихъ важныхъ результатовъ съумѣлъ добиться своею дѣятельностью большой человѣкъ, стоявшій во главѣ дипломатическаго вѣдомства маленькаго государства и не задумавшійся ради ясно сознанной выгоды пожертвовать цѣнными территоріями этого маленькаго государства. И мы видимъ, что въ другой критическій моментъ европейской исторіи на постахъ министровъ иностранныхъ дѣлъ большихъ государствъ оказались лишенные политическаго размаха и творческой энергіи, маленькіе люди, которые, не дооцѣнивая значеніе и смыслъ происходившаго, поскупились своевременно пріобрѣсти очень нужныхъ союзниковъ отдачею имъ территорій, не представляющихъ особой цѣнности для великой державы.

Создавая непримиримость интересовъ тамъ, гдѣ они были вполнѣ примиримы, большой человѣкъ твердо пошелъ къ намѣченной цѣли и быстро достигъ ея. Опираясь единственно на уже существующія естественныя тяготѣнія и отталкиванія, маленькіе люди проявили безконечныя колебанія, какъ только война начала привлекать новыхъ участниковъ. Въ результатѣ выполненіе поставленныхъ этимъ людямъ событіями задачъ ушло въ далекую перспективу.

Въ 1859 году, какъ и въ 1914 году, оффиціально напавшею стороною была Австрія въ лицѣ императора Франца-Іосифа. Какъ тогда въ защиту Сардиніи выступила Франція, такъ нынѣ заступницею за Сербію явилась Россія. Сардинія—Пьемонтъ была ядромъ, къ которому центробѣжно притягивались итальянскія національная идея и государственность, отъ береговъ Сезіи до Изонцо, отъ Альпъ и до Іоническаго моря. Объединеніе Италіи могло совершиться лишь послѣ военнаго разгрома Австріи. Королевство Сербія притягивало къ себѣ соплеменныя Хорватію, Далмацію, Славонію, Боснію и Герцеговину. Объединеніе сербскаго народа могло произойти только за счетъ этихъ территорій Австро-Венгріи, которыя надлежало предварительно отторгнуть вооруженною силою.

Въ 1859 году едва не случилась общеевропейская война, въ коей замѣчалась группировка воюющихъ державъ, тождественная, исключая

строго нейтральную тогда Англію, съ группировкою державъ 1914—1916 годовъ. Тогда и нынѣ на одну сторону становились главнѣйшіе народы романскіе и славянскіе, на другую—таковые же германскіе и вассальные имъ венгры и славяне.

Въ 1859 году войну съ Австріею провоцировала сама Сардинія, для которой, въ видахъ національныхъ, конфликтъ былъ необходимъ. Но Австрія охотно приняла вызовъ, такъ какъ съ точки зрѣнія Гофбурга, надо было обуздать врага, извнѣ революціонировавшаго населеніе Ломбардіи, Тироля, Истріи и Венеціи. Въ 1914 году, вѣнское правительство использовало Сараевское убійство для предъявленія Сербіи наиболѣе унизительнаго ультиматума, какой только знаетъ исторія, въ цѣляхъ созданія неизбѣжнаго повода къ войнѣ. Ошибочно предполагать, что на берегахъ Дуная исполняли только указку Германіи. При общей съ послѣднею задачѣ вызвать міровой конфликтъ ради расширенія границъ и улучшенія финансовъ за чужой счетъ, Австро-Венгрія преслѣдовала свои особыя цѣли, логически вытекавшія изъ самаго существованія ея, какъ государства. Надо было разгромить Сербію и поставить ее въ вассальную зависимость для подавленія національнаго движенія въ юго-славянскихъ земляхъ. Побѣдою надъ Россіею нужно было прекратить тяготѣніе части польскаго общества въ Варшавѣ, созданіемъ Эрцгерцогства Кіевскаго предоставить торжество украинофильству надъ москвофильствомъ въ Галиціи, чеховъ же и всѣхъ другихъ габсбургскихъ славянъ принудить къ Австрійской оріентаціи. Если втянется въ войну Италія, то слѣдовало отнять у нея хотя бы Венецію и горные проходы въ цѣляхъ болѣе прочнаго обладанія Истріею и Тиролемъ. А венгерской половинѣ двуединой монархіи было важно, въ случаѣ выступленія Румыніи, обезсилить послѣднюю ради обузданія трансильванскихъ сепаратистовъ...

Передъ настоящею войною государственный организмъ Австро-Венгріи напоминалъ зданіе, у котораго фундаментъ началъ разваливаться, а стѣны дали трещины. И происходило это самымъ мирнымъ путемъ, благодаря естественному развитію самосознанія у народовъ лоскутной монархіи, подвластныхъ нѣмцамъ и венграмъ.

Въ цѣляхъ самосохраненія, Австро-Венгрія должна была стремиться къ вооруженному конфликту, тѣмъ болѣе, что была обезпечена союзомъ съ могущественною Германіею, въ войнѣ не нуждавшеюся, но искавшею случая захватить всемірную гегемонію.

Итакъ, и въ 1859, и въ 1914 г.г. Дунайская монархія воевала по необходимости, ради неприкосновенности территоріи. И если это государство будетъ существовать далѣе, то оно отъ времени до времени единолично или въ коалиціи съ другими будетъ нападать на сосѣдей, по силѣ причинъ однородныхъ. Въ ту эпоху, когда Австрія создавалась счастливыми браками, національнаго вопроса не существовало, и въ ней могли

мирно уживаться всякія племена подъ самодержавнымъ скипетромъ Габсбурговъ. Теперь времена другія.

Національная идея—лютый, безпощадный врагъ Австро-Венгріи. Вѣчно ей угрожая изнутри и извнѣ, онъ заставляетъ и ее вѣчно угрожать зарубежнымъ государствамъ, эту идею питающимъ даже только духовно.

Но если Австро-Венгрія является постоянной угрозой европейскому миру, то по окончаніи настоящей войны она должна перестать вовсе существовать. Эта война, съ нашей точки зрѣнія, имѣетъ цѣлью установить прочный миръ на землѣ и благоволенье въ людяхъ. Однимъ сокрушеніемъ военной мощи Германіи цѣль достигнута не будетъ. Надо раздѣлить самое яблоко вѣчнаго раздора, устранить причину, производящую войны и создающую поводы къ ней, всегда готовые для желающихъ ими воспользоваться.

Іезуитской монархіи, въ теченіе столѣтія раздѣляя властвовавшей своими подданными, идейному источнику самой черной реакціи, изобрѣвшему для замѣны представительнаго строя пресловутый § 14, грубой силѣ, лишающей десятки милліоновъ людей ихъ національной государственности,—не можетъ быть мѣста въ XX вѣкѣ.

Интересы Россіи, Италіи и Сербіи, интересы народовъ славянскаго и романскаго племенъ, интересы всего человѣчества повелительно требуютъ прекращенія государственнаго бытія Австро-Венгріи.

И. Зекъ.

Памятники искусства въ разоренныхъ войною мѣстностяхъ.

Бельгія и сѣверная Франція охваченныя войною, потеряли съ одной стороны, рядъ первоклассныхъ сокровищъ, какъ церкви Св. Петра, Св. Іакова и Св. Михаила въ Лувенѣ, Думу г. Арраса, и одно изъ величайшихъ произведеній созданныхъ человѣчествомъ, именно Реймскій соборъ, съ другой стороны, погибли всѣ дома и церкви XIV—XVI в. Разрушеніе повидимому велось не безъ меркантильнаго разсчета, на что намекаетъ сопоставленіе снимковъ Лувена, гдѣ «Дума»—цѣла, и Реймса, гдѣ разрушено самое цѣнное, скульптуры соборнаго портала. Тѣмъ значительнѣе и страшнѣе гибель этихъ сокровищъ и тѣхъ, о которыхъ мы узнаемъ по окончаніи войны. Потеря ихъ тяжело отзовется и на исторіи искусства, и на самомъ искусствѣ. Для искусства тяжело исчезновеніе и великихъ произведеній, и всѣхъ остатковъ великаго искусства былыхъ временъ, разсыпанныхъ въ видѣ налета по городамъ Франціи. Только тамъ и въ Италіи художникъ могъ жить въ атмосферѣ высшаго художественнаго совершенства, заражаться имъ и самъ требовалъ отъ себя произведеній не низшихъ. Для исторіи искусства и исторіи культуры тяжела потеря звеньевъ необходимыхъ для представленія о развитіи искусства и культуры. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи и Бельгіи, напр. въ Реймсѣ, Малинѣ, Санлисѣ и Брюжѣ, можно было переноситься въ обстановку XV и XVI вѣковъ.

Упомянутыя мѣстности являются одними изъ главныхъ очаговъ, гдѣ изъ романскаго стиля былъ выработанъ готическій стиль. Выработка эта сводилась къ достиженію возможно полной прозрачности стѣнъ, а послѣднее стало возможнымъ лишь тогда, когда горожане перестали считать себя врагами другъ друга и образовали общины. Романскихъ церквей, т. е. созданныхъ по образцу римскихъ базиликъ, въ данной мѣстности сохранилось немного, такъ какъ всѣ онѣ перестроены во времена расцвѣта готики. Имѣются только церковь Св. Реми въ Реймсѣ (недавно попорченная бомбардировкою), нефъ собора въ Турнэ и церковь Св. Этьенна въ Бовэ.

Готическія церкви въ этой мѣстности (Шампань, Артуа, Пикардія и Бельгія) весьма многочисленны, такъ какъ самый стиль выработанъ въ Иль де Франсѣ, Нормандіи, Пикардіи и Шампани. Лаонъ съ его дивными соборами переходнаго типа еще до сихъ поръ въ рукахъ нѣмцевъ, въ

Санлисѣ (разрушенномъ бомбардировкою) былъ ранній соборъ съ порталомъ—первымъ изъ тѣхъ, что были цѣликомъ посвящены жизни Богородицы, съ чудесною колокольнею, праобразомъ реймскихъ. Въ томъ же Санлисѣ аббатство Св. Винцента, основанное королевою Анною Ярославною, имѣетъ колокольню, являющуюся предшественницею соборной, въ Бовэ и Амьенѣ могли пострадать величайшіе по совершенству образцы соборовъ (въ Амьенъ бросали бомбы, какъ и въ Парижъ, а въ послѣднемъ бомбы авіаторовъ едва не подожгли драгоцѣннѣйшій соборъ Нотръ Дамъ). Чудесные соборы имѣются въ Шалонѣ на Марнѣ, въ Суассонѣ, въ С. Омерѣ, въ Турнэ, въ Льежѣ—Св. Петра и Св. Іакова, въ Гюи—Нотръ Дамъ, въ Малинѣ—Св. Ромбо (неоконченная колокольня послѣдняго служила прицѣломъ), въ Антверпенѣ и т. д.

Послѣ того какъ всѣ крупные города получили большіе соборы, архитекторы перешли къ новымъ задачамъ, а именно къ достиженію возможнаго богатства и разнообразія украшеній.

Въ церквахъ выработалась «пламенная» готика, примѣнявшая сильно изогнутую (напоминающую языки пламени) линію. Такая готика продержалась въ Бельгіи до Рубенса. Во Франціи имѣются лучшіе ея образцы, особенно Notre Dame de l'Epine около Шалона на Марнѣ, церковь въ S. Riquier, церковь Св. Вульфрана въ Аббевиллѣ и т. д., а въ Бельгіи сохранились отличныя церковныя украшенія, особенно алтарныя преграды въ церкви Льерра (разрушенъ) и соборѣ Св. Петра Лувена (разрушенъ) и навѣсы надъ алтарями (Лувенскій соборъ).

Во Фландріи и сѣверной Франціи, какъ странахъ торговыхъ и первыхъ, создавшихъ городскія общины, появились первыя гражданскія постройки новой эпохи. Частью они имѣютъ готическій видъ, какъ Дума въ Брюжѣ, частью выполнены въ смѣлыхъ сочетаніяхъ готическихъ и классическихъ формъ, что принято называть французскимъ ренессансомъ. Уже думы Оденарда, Брюсселя и Лувена только по частностямъ относятся къ готикѣ, дума Арраса, С. Кантена и Компьена имѣютъ совсѣмъ новый типъ. Въ ту же эпоху XV—XVI вырабатывается новый типъ домовъ—съ сильно открытыми фасадами. Ихъ было много въ Амьенѣ, въ Бовэ, въ Гентѣ, Малинѣ, Брюжѣ и т. п. Сверхъ того, во Фландріи на выходѣ изъ великаго рейнскаго пути появились первые рынки и какъ разъ первый по времени и самый великолѣпный Ипрскій разрушенъ на-дняхъ.

Послѣ XVI вѣка центромъ французскаго искусства дѣлается Парижъ, а фламандская архитектура замираетъ до Рубенса (его архитектурные этюды имѣются въ Эрмитажѣ). Готическое вліяніе, какъ въ сильномъ вытягиваніи фасадовъ, такъ и въ пріемахъ орнаментики іезуитскихъ церквей (церковь Св. Михаила въ Намюрѣ,—Божьей Матери въ Малинѣ, С. Лупа въ Намюрѣ), всѣ, быть можетъ, разрушены. Послѣднимъ отзвукомъ готическаго изобилія скульптуръ были колоссальныя разныя кафедры въ бельгійскихъ церквахъ (Св. Баво въ Гентѣ, Св. Гудулы въ Брюсселѣ, исповѣдальня въ Ниновѣ и т. д.).

Потери скульптуры и живописи, кромѣ крупныхъ и трудно переносимыхъ кафедръ и алтарныхъ преградъ, установить весьма трудно; кое-что, можетъ быть, спасено, напримѣръ, картины Рубенса были вывезены изъ Малина за нѣсколько часовъ до бомбардировки. Опасны пожары и гибель провинціальныхъ французскихъ музеевъ, напр. Лилля и Арраса, такъ какъ музеи эти очень богаты и едва ли во время начали вывозить и многое успѣли вывезти. Въ Лиллѣ могла погибнуть единственная въ своемъ родѣ, восковая головка дѣвушки, приписываемая и Леонардо, и Рафаэлю, а въ С. Кантенѣ нѣсколько десятковъ пастелей Латура, проникновеннѣйшаго портретиста XVIII в.

По сравненію со всѣми этими утратами для искусства, безконечно тяжела потеря Реймскаго собора, являющагося однимъ изъ величайшихъ созданій человѣческаго генія. Онъ былъ начатъ послѣ соборовъ Санлиса, Лаона и Парижа въ 1212 г., по проекту геніальнаго Жана д'Орбэ или д'Арбуа.

Его планъ является самымъ стройнымъ и яснымъ, построеніе стѣнъ самымъ естественнымъ и самымъ нарядным, фасадъ великолѣпно связанъ съ боковыми стѣнами и является образцомъ строительной логики и пышности. Каждому нефу соотвѣтствуетъ свой входъ, въ видѣ углубленныхъ въ стѣну арокъ, надъ среднимъ входомъ помѣщена громадная роза, освѣщающая средній нефъ, а надъ боковыми—колоссальныя окна, сквозь которыя видны (упоры) контрфорсы боковыхъ стѣнъ. Еще выше башни связаны «галлереей королей»—рядомъ нишъ съ фигурами французскихъ королей, начиная съ Хлодвига, а еще выше подымаются прозрачныя башни. Внутри соборъ поражалъ стройностью пропорцій и прозрачностью. Даже западная стѣна, гдѣ рядомъ съ колоссальною розою и главнымъ входомъ оставались свободныя пространства, была покрыта нишами со статуями и скульптурными изваяніями. Еще значительна цѣнность Реймсскаго собора тѣмъ, что архитектура его была дополнена дивными изваяніями, полными орнаментальнаго мастерства готики и владѣнія формою, близкою къ мастерству античныхъ мастеровъ. Таковы статуи главнаго входа, особенно группа «Встрѣча Маріи и Елизаветы». Въ соборѣ были и чудныя цвѣтныя стекла. Все это погибло, и особенно жестоко разрушены статуи главныхъ входовъ.

Въ соборѣ Реймса мы оплакиваемъ потерю совершенно цѣлаго, мало тронутаго реставраціей величайшаго памятника человѣческаго творчества, созданнаго послѣ того, какъ жители городовъ перестали считать другъ друга врагами. Война народовъ погубила его. Потеря его тяжелѣе потерь музейныхъ сокровищъ, потому что соборъ остался живымъ, потому что скульптурами портала можно было любоваться всегда. Франція въ теченіе семи вѣковъ черпала красоты, созданныя готическими матеріалами, художники и инженеры учились красотѣ и смѣлости у Ж. д'Орбе, его преемниковъ и сотрудниковъ. Поэтому гибель Реймса еще тягостнѣе для тѣхъ странъ, которыя не умѣли или не успѣли этого сдѣлать.

В. Курбатовъ.

Старая Варшава [1]).

Колыбелью Варшавы слѣдуетъ считать сохранившуюся въ ней до настоящихъ дней береговую мѣстность съ улицей подъ названіемъ «Рыбаки», со стариннымъ костеломъ—«Panny Maryi», время основанія котораго считается съ 1419 года, съ незначительными уклоненіями отъ первоначальнаго типа. Въ этой мѣстности протекала рѣчка «Дрна», теперь давно не существующая, впадавшая въ Вислу [2]).

Я страстный поклонникъ старины и считаю для варшавянина однимъ изъ великихъ его культурныхъ благъ оставшіеся въ наслѣдство дары «Стараго города». Душеприказчиками этихъ даровъ являются — два Общества. Одно — «Краевѣдѣнія» (Towarzystwo Krajoznawcze) съ «отдѣлами» въ другихъ городахъ, устраивающее различныя «образовательныя» поѣздки и пѣшія путешествія и выпускающее свое изданіе «Ziemia» (Земля). Другое — «Попеченія объ историческихъ памятникахъ» (Towarzystwo opieki nad zabytkami przesztosci).

Весной 1911 года это «Общество» устроило въ зданіи Магистрата выставку «Старой Варшавы».

Но «рѣка временъ» унесла уже многое, и «Старая Варшава» замѣтно осыпается подъ напоромъ новыхъ теченій. Закрыты нѣкоторыя узкія улички, перестраиваются многіе дома и идутъ на сносъ, по постановленіямъ Магистрата, ради расширенія и проведенія новыхъ улицъ и общаго благоустройства.

Снесены съ Замковой площади Краковскія ворота и застроенный за ними на «Краковскомъ Предмѣстьи» цѣлый кварталъ старыхъ домовъ. На выставкѣ обращали вниманіе виды старыхъ воротъ «Gdańska Brama»,— съ помѣтой 1755 годъ, «Zelazna Brama» — 1785 годъ и «Krakowska Brama»—1795 г. Но многое остается въ первобытномъ состояніи со времени построекъ послѣ огромнаго пожара въ 1607 году; а иные дома и

[1]) Замѣтки эти представляютъ отрывокъ изъ готовящагося мною къ печати очерка: «Старая Варшава». *Л.* Въ 1915 году вышла по-русски книга Юрія Шамарина «Старая Варшава». *Ред.*

[2]) Weinert. O lasach w obrębie Warszawy. Kalendarz Jaworskiego; 1860 г.

На дворахъ домовъ №№ 68—70 по Дикой улицѣ до настоящихъ дней непросыхающій топкій слѣдъ отъ этой бывшей рѣки.

значительно ранѣе. Обычный типъ старыхъ домовъ—шириной въ три окна и два и даже въ одно. Немногіе — въ 4 и 6 оконъ въ ширину. Внутри сводчатыя сѣни. Нѣкоторые дома съ бывшими бойницами, въ видѣ крытаго углового балкона. Лѣстницы съ желѣзными перилами узорчатаго рисунка. Надъ входными дверями украшенія изъ кованаго желѣза. Старинныя скобы. Стѣнные различные барельефы. На нѣкоторыхъ домахъ статуи Спасителя и Пресвятой Дѣвы. Одинъ изъ домовъ Стараго города, съ помѣтой его постройки въ 1643 году, украшенъ статуями Пресвятой Дѣвы, покровителя Польши Св. Станислава и Святой Елизаветы. На Пивной улицѣ красуется домъ съ сохранившимся орломъ польскаго герба.

Обращаетъ вниманіе своимъ видомъ съ фигурой Спасителя на крышѣ, домъ на улицѣ «Узкій Дунай», занимаемый правленіемъ сапожнаго цеха. Домъ этотъ бывшій печальной извѣстности члена Совѣта Магистрата отъ ремесленниковъ, — башмачника Килинскаго, главаря шайки, произведшей въ 1794 году, въ Страстной четвергъ, рѣзню молившихся русскихъ солдатъ. По сообщенію Костомарова нападеніе это произведено было на солдатъ 3-го баталіона Кіевскаго полка [1]). Въ день столѣтія провозглашенія польской конституціи, въ 1894 году, 5 апрѣля, послѣ обѣдни въ каѳедральномъ костелѣ Св. Яна, бывшіе въ немъ богомольцы, въ количествѣ свыше двухсотъ, демонстративной толпой прошли мимо дома Килинскаго, подымая шляпы [2]).

Для бѣглой справки о времени начала Варшавы, неоспоримо одно,— исторически установленная дата съ 1199 года, какъ вотчины Конрада Перваго, владѣльца города Черскъ, отъ котораго остались развалины замка на берегу Вислы, вблизи Варшавы, куда лѣтомъ совершаются, по воскреснымъ днямъ, дешевыя поѣздки на пароходѣ. Въ актахъ 1289 года находимъ указаніе, свидѣтельствующее, что Варшава становится свободной отъ вотчинныхъ отношеній къ Черску, а съ 1313 года именуется удѣльнымъ городомъ Мазовецкаго княжества и упоминается съ нынѣ уѣздными городами Сохачевымъ и Цѣхановымъ.

Съ 1526 года, съ другими землями Мазовецкаго княжества, Варшава входитъ въ составъ городовъ польскаго государства. Съ 1556 г. тамъ собираются сеймы и совершаются избранія королей. Соединеніе въ 1569 году Литвы съ Польшей слѣдуетъ вписать золотыми буквами на страницы лѣтописи Варшавы. Взоры польскихъ правителей склонились къ Варшавѣ, по ея нахожденію между Вильной и Краковымъ. Поселокъ Варшава разрастается въ городъ. Въ 1596 г. Сигизмундъ Третій объявилъ Варшаву столицей Польши. На сохранившемся, представленномъ на выставкѣ, въ ряду другихъ, видѣ Варшавы, самомъ старинномъ, помѣченномъ 1581 годомъ, красуется на Вислѣ наводный

---

[1]) «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Т. 2-й, стр. 467—477.

[2]) А. Сидоровъ. «Къ столѣтней годовщинѣ третьяго раздѣла Польши». Петербургъ. 1895 годъ.

мостъ [1]). Надъ видомъ — старый гербъ Варшавы, но уже имѣющій нѣкоторое сходство съ современнымъ — типа русалки.

Первоначальный варшавскій гербъ представлялъ символъ воина. Превратили его въ русалку, какъ ни странно объясненіе, — сами рѣзчики печатей. Таковы догадки польскихъ изслѣдователей, и я привожу только ихъ заключеніе.

Первое замѣтное уклоненіе герба Варшавы отъ первоначальнаго, — въ печати 1459 года. Подлинная печать эта находится въ Königsberg'ѣ, бывшемъ Królewcu.

На печати представленъ мужчина, съ торсомъ, покрытымъ чешуею, съ крыльями, длиннымъ хвостомъ, звѣриными ногами и мечемъ въ правой рукѣ; въ лѣвой рукѣ круглый выпуклый щитъ.

На указываемомъ штемпелѣ отъ 1459 года можно даже легко разглядѣть соединенныя части герба, слившіяся въ одно цѣлое. Вооруженный мужчина—доблестный воинъ. Чешуйчатый торсъ и звѣриныя ноги, крылья и длинный хвостъ — части дракона. На печати 1598 года изображена уже сирена, съ ногами, покрытыми чешуей и съ широко распростертыми крыльями и длиннымъ, загнутымъ, чешуйчатымъ хвостомъ. Другія печати — конца 16-го вѣка и начала 17-го представляютъ подобіе сирены—съ птичьими ногами; у нихъ—рыбій хвостъ и небольшія крылья. Таковъ Варшавскій гербъ 1614 года. Первое оффиціальное признаніе герба Варшавы, въ видѣ сирены, относится, по свидѣтельству придворнаго зодчаго Яржембскаго, къ 1643 году. Внизу этого герба, однако, еще стояло отдѣльное изображеніе дракона, съ загнутымъ кверху хвостомъ [2]).

Основаніемъ для заключенія, что въ 12-мъ и 13-мъ вѣкахъ, имя Георгія было особенно почитаемо, какъ доблестнаго воина, спасшаго дѣву и служившаго символомъ борьбы со зломъ, — сохранившіеся до настоящихъ дней слѣды перваго повремени построенія, бывшаго костела на улицѣ его имени. Время построенія костела относится, по лѣтописнымъ источникамъ, къ 1133 году, когда поставлена была деревянная часовня во имя Георгія, монахами Червинскаго монастыря, естественно стремившимися къ распространенію христіанства [3]). Въ актахъ 1459 года здѣсь значится уже каменный костелъ.

Монастырь существовалъ до 1818 года, когда былъ упраздненъ, какъ старый. Пустующія монастырскія постройки сданы были въ 1823 году въ долгосрочную аренду, на устройство чугунно-плавильнаго завода.

---

[1]) Обстоятельная объ этомъ первомъ мостѣ статья извѣстнаго польскаго историка Korzona въ «Ziemia» 1911 г. 8 Lipca; № 27. Съ рисункомъ

[2]) Sobieszczanski: «Wiadomości historyczne o sztukach pięknych w dawnej Polsce». T. I. 1847. Стр. 209–210.

[3]) Czerwinsk—нынѣ посадъ Плонскаго уѣзда Варшавской губ. Время основанія монастыря относится къ 1117 году.

Несмотря на сдѣланныя заводомъ перестройки, зданіе костела не было снесено до 1850 года. Типъ его постройки сохранился, благодаря покойному художнику Герсону. Онъ возстановилъ его старину въ трехъ рисункахъ. Одинъ — съ внѣшней стороны; другой съ внутренней; третій — башню. Къ рисункамъ было приложено описаніе [1]).

Отличительной чертой этого костела — замѣтная древность его постройки, съ башнею не спереди костела, а надъ главнымъ алтаремъ. Этотъ обычай постройки встрѣчается, преимущественно, въ костелахъ до 12-го вѣка. Вторымъ признакомъ — бывшія полукруглыя окна, а не на подобіе острой луковицы, какового типа были окна костеловъ въ 15-мъ вѣкѣ. Третье доказательство ранней постройки — большой алтарь.

Судя по этимъ даннымъ, Герсонъ относитъ время постройки костела съ его башней къ 12-му вѣку и полагаетъ, что Болеславъ въ 1459 году только его расширилъ.

Въ 1899 году, я осматривалъ внутреннія помѣщенія этого бывшаго костела и видѣлъ слѣды алтаря, обращеннаго престольной стороной на востокъ и значительной ширины. Въ настоящее время, перестроенное зданіе это перешло въ еврейскія руки и обращено подъ различные склады.

Новая Варшава, два вѣка тому назадъ, начиналась за городскими стѣнами, какъ показываетъ и названіе одной изъ улицъ «Подвальная», — т. е. за валомъ.

По описаніямъ современниковъ, Варшава представляла тогда пеструю картину барской усадьбы, въ видѣ дворцовъ и кругомъ ихъ лачугъ. Снимокъ новой Варшавы въ заграничныхъ письмахъ Фонвизина къ роднымъ. Въ письмѣ изъ Варшавы — въ сентябрѣ 1777 г., онъ нѣсколькими словами даетъ точное опредѣленіе — какова была Варшава: «Она съ Москвою невѣроятное сходство имѣетъ».

Но это «сходство» надо объяснить также остановкой роста Варшавы вслѣдствіе чумы въ 1624 году, не прекращавшейся до 1682 г., и войны съ шведами въ 1655—1656 годахъ и въ 1702—1711 годахъ, когда Варшава была совершенно опустошена непріятелемъ. На выставкѣ «Старой Варшавы» были многіе снимки [2]) развалинъ дворцовъ того времени [3]).

В. Лукаковскій.

---

[1]) Въ прекратившемся изданіи «Wieniec» за 1872 г., № 7, стр. 57—60. Судя по рисункамъ, костелъ этотъ, кромѣ старины, не представлялъ особаго интереса въ смыслѣ красотъ его.

[2]) Съ картинъ и рисунковъ художниковъ того времени Bellotti-Canaletti (1724—1780) и Zygmunt'a Vogel'a (1764—1826).

[3]) Для русскаго человѣка большой интересъ представляетъ старая московская часовня, гдѣ былъ погребенъ Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. *Ред.*

При шести министрахъ.

(1875—1897 г.г.).

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

До упраздненія въ недавнее время должности Главнаго начальника флота и морского вѣдомства съ званіемъ Генералъ-Адмирала, лица, стоявшія во главѣ собственно Морского Министерства, не назывались министрами, а носили болѣе скромное званіе Управляющихъ Морскимъ Министерствомъ. Однакожъ, фактически, да и по закону, лица эти пользовались одинаковыми съ прочими министрами правами и, самостоятельно рѣшая всѣ доходившія до нихъ дѣла, предварительно докладывали Генералъ-Адмираламъ только о такихъ дѣлахъ, по которымъ требовались Высочайшія разрѣшенія. Служившія въ Министерствѣ лица также звали своихъ главныхъ начальниковъ, титуловавшихся по закону Управляющими, не иначе, какъ Морскими Министрами. Поэтому и я, отчасти слѣдуя старой привычкѣ, а отчасти для упрощенія своего изложенія, позволилъ себѣ назвать, въ заголовкѣ статьи, тѣхъ управлявшихъ Морскимъ Министерствомъ, при коихъ мнѣ довелось служить, министрами. Того же названія буду я держаться и во всемъ своемъ сообщеніи.

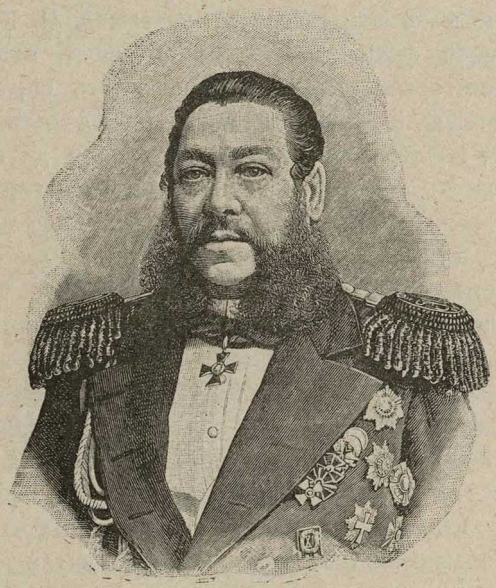
Кромѣ этой оговорки, прошу принять во вниманіе, что я далекъ отъ мысли входить въ оцѣнку дѣятельности своихъ бывшихъ министровъ, считая такую оцѣнку принадлежащею исторіи; ограничусь же я исключительно такими фактами и, пожалуй, анекдотами [1]), которые едва ли найдутъ себѣ мѣсто въ серьезномъ историческомъ трудѣ, но которые между тѣмъ въ иныхъ случаяхъ рельефнѣе самой исторіи освѣщаютъ данную личность съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Поступилъ я на службу въ Морское Министерство въ послѣдній годъ управленія имъ Генералъ-Адъютантомъ Н. К. Краббе. Уговорившись со мною относительно должности и содержанія, мой будущій новый начальникъ отпустилъ меня со слѣдующими заключительными словами:

---

[1]) Редакція не вполнѣ согласна съ авторомъ, называющимъ свои очерки анекдотами. Конечно, сообщаемые Н. Н. Мамантовымъ факты не имѣютъ крупнаго объема. Но они въ высшей степени любопытны, жизненны и составляютъ тѣ бытовыя черточки, которыхъ совокупность рисуетъ обликъ описываемаго лица. *Ред.*

«О моемъ намѣреніи переманить васъ къ себѣ я еще вчера говорилъ съ Сомушкой» (такъ онъ дружески величалъ моего тогдашняго начальника, Государственнаго Контролера С. А. Грейга). «Онъ увѣрялъ меня, что вы не захотите перейти съ вашего вѣрнаго положенія при немъ на что-то невѣрное въ морскомъ вѣдомствѣ. Теперь же, разъ вы согласились на переходъ, поѣзжайте тотчасъ же къ Сомушкѣ и подразните его». Я передалъ эти слова дословно по адресу и вызвалъ въ адресатѣ не малое удивленіе. «Какими способами выполнитъ Н. К. данныя вамъ обѣщанія», услышалъ я въ отвѣтъ, «мнѣ пока неизвѣстно; но разъ онъ что-либо



Н. К. Краббе.
(1860—1876 гг.).

обѣщалъ, то онъ то и исполнитъ. На авось Н. К. никогда не говоритъ и не дѣйствуетъ».

Вотъ какую симпатичную черту подмѣтилъ Грейгъ въ характерѣ Н. К. Краббе, и правильность этого взгляда мнѣ не разъ подтвердили впослѣдствіи какъ многія лица, ближе и дольше меня знавшія покойнаго министра, такъ и дѣла за время его управленія, попадавшіяся мнѣ въ руки. Твердость его характера, соединенная съ необыкновеннымъ добродушіемъ и рыцарскою честностью, сказывалась во всѣхъ его поступкахъ. «Все для офицера и ничего для подрядчика», была заповѣдь, которую онъ давалъ подчиненнымъ и которой самъ неуклонно слѣдовалъ.

За упущенія по службѣ онъ обыкновенно разносилъ прямо съ яростію, но избѣгалъ всячески отдачи подъ судъ и, наругавшись надъ виновнымъ,

скоро смягчался и всегда понималъ, стоитъ ли передъ нимъ виновный по неосторожности или намѣренный преступникъ. Такъ, передъ первымъ же моимъ докладомъ онъ выходилъ изъ себя, дѣлая выговоръ своему чиновнику особыхъ порученій и именуя его нелестнымъ именемъ «чертовой куклы», а затѣмъ, накричавшись, спросилъ дрожавшаго хуже гоголевскаго городничаго чиновника о здоровьѣ его жены и назначилъ ему денежное пособіе на леченіе больной.

Въ другой разъ мнѣ случилось войти въ кабинетъ министра, когда онъ разносилъ прямо непечатными словами одного изъ черноморскихъ адмираловъ. Никогда не слышавъ отъ прежнихъ моихъ начальниковъ ничего подобнаго, я не могъ скрыть своего удивленія. Н. К., поймавъ, очевидно, выраженіе моей физіономіи, меня выдавшее, сказалъ мнѣ такъ: «Васъ удивляетъ моя горячность, но не удивляйтесь ей, а скорѣе—похвалите. Вышедшаго отсюда адмирала слѣдовало бы отдать за его грязныя дѣлишки подъ судъ; но вѣдь у него жена и пятеро дѣтей, какъ мнѣ извѣстно. И вотъ, если въ немъ есть хоть капля совѣсти, то, выйдя отсюда обруганнымъ, онъ долженъ бы въ сосѣдней комнатѣ молиться за меня, не сдѣлавшаго его несчастнымъ».

По поводу этого случая я долженъ пояснить, что въ кабинетъ министра, въ служебные часы, могъ входить всякій безъ предварительнаго доклада, и быть невольнымъ свидѣтелемъ тамъ происходившаго. Каждаго входившаго министръ принималъ со стереотипною фразою: «садитесь». И вотъ однажды, когда въ кабинетѣ уже находилось 12 лицъ, и между ними свѣтлѣйшій князь Горчаковъ, въ тотъ же кабинетъ ввалилась съ плачемъ какая то баба-просительница. И министръ, встрѣтивъ эту бабу своею обычною фразою, указалъ ей на кресло какъ разъ рядомъ со свѣтлѣйшимъ. Ближайшіе подчиненные министра хорошо знали такія его привычки и часто, имѣя къ нему доклады, не подлежавшіе оглашенію, являлись съ ними въ первомъ часу ночи, когда министръ пріѣзжалъ изъ театра и лица постороннія уже не допускались. Обычныхъ посѣтителей только въ рѣдкихъ случаяхъ министръ принималъ одѣтымъ въ форму; обыкновенно же онъ сидѣлъ за своимъ столомъ въ утреннемъ халатѣ на распашку и не думалъ, что такой туалетъ могъ бы кого-нибудь шокировать. Поэтому, когда до него дошелъ однажды слухъ, что кто-то изъ офицеровъ, часто къ нему являвшихся, позволилъ себѣ громко высказывать свое за «министерскій халатъ» негодованіе, Н. К. отдалъ курьерамъ приказъ не допускать къ нему этого офицера безъ предварительнаго доклада и при первой же послѣ того его явки, продержавъ его болѣе трехъ часовъ въ пріемной, вышелъ къ нему въ полной парадной формѣ. Данный такимъ способомъ урокъ остался офицеру на вѣки памятнымъ.

Въ другой разъ, по одинаковому же поводу, онъ принялъ посѣтителя, приподнявъ сорочку до усовъ, и извинился, что его застаютъ случайно за бритьемъ.

Вообще, какъ своимъ туалетомъ, такъ и словами Н. К. никогда не стѣснялся и прослылъ поэтому въ министерствѣ необычайнымъ циникомъ. Въ подтвержденіе этого о немъ ходили цѣлыя сотни разсказовъ и анекдотовъ большею частію непечатнаго содержанія. Не рѣшаюсь и я повторять ихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они дошли до меня со словъ другихъ, а самъ я за свою короткую службу при Краббе видалъ его рѣдко за столомъ, а чаще больнымъ въ постели. Впрочемъ, и лежа въ постели изъ-за больной ноги, причинявшей ему тяжелыя страданія, онъ сохранилъ свой обычный юморъ, тонкое остроуміе и бодрость духа, никогда его не покидавшую. Такъ, изъ постели онъ дѣлалъ свои распоряженія и изъ постели же училъ меня носить непривычную мнѣ морскую саблю, которая въ то время была обязательна для гражданскихъ чиновъ. Съ этою цѣлью онъ заставилъ меня по нѣсколько разъ отходить въ глубь его обширнаго кабинета и оттуда, по его командѣ, подходить къ его постели. Натѣшившись вдоволь моею неловкостью, Н. К. отпустилъ меня съ миромъ, указавъ, что теперь послѣ его урока я «ничего» себѣ не отобью неловко пристегнутымъ оружіемъ и не навлеку на себя, своею неловкостью, неудовольствія Великаго Князя Генералъ-Адмирала, которому мнѣ предстояло представиться.

Покойный Николай Карловичъ страстно любилъ театръ. Пока былъ здоровъ, онъ бывалъ въ томъ или другомъ театрѣ почти ежедневно; перезнакомился со всѣми лучшими силами тогдашняго театральнаго міра; устраивалъ для избранныхъ веселыя ночи въ своихъ министерскихъ залахъ и, наконецъ, построилъ въ Кронштадтѣ каменный казенный театръ. Будучи умѣлымъ администраторомъ, онъ понималъ, что траты на этотъ театръ сторицею вознаградятся отвлеченіемъ матросовъ отъ разгула и улучшеніемъ ихъ нравственности, что въ свою очередь уменьшитъ издержки на содержаніе морского госпиталя. Къ сожалѣнію, Кронштадтскій театръ просуществовалъ недолго и послѣ бывшаго, вслѣдъ за смертію Краббе, пожара не возобновлялся.

О близости Н. К. къ театральному міру было хорошо извѣстно Государю Императору Александру II. Поэтому, одобривъ, при посѣщеніи городского театра въ Тифлисѣ, пѣніе молодой въ то время артистки Абариновой, Государь поручилъ министру принять мѣры къ ея переводу на столичную сцену. Повелѣніе это было въ скорости выполнено, и, благодаря такимъ образомъ Краббе, наша столица пріобрѣла въ Абариновой сперва прекрасное контральто для оперы, а позднѣе высоко-даровитую драматическую актрису. Ему же, Н. К. Краббе, много обязаны своими успѣхами на сценѣ актриса Глѣбова и извѣстный въ свое время баритонъ Прянишниковъ.

Но если Н. К. покровительствовалъ людямъ для него симпатичнымъ, то онъ же умѣлъ ловко парировать удары, готовившіеся ему со стороны недруговъ. Такъ, однажды, дошло до него извѣстіе, что одинъ изъ под-

чиненныхъ ему адмираловъ намѣревается, при предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ флота, подать Государю всеподданнѣйшую докладную записку о разныхъ представлявшихся ему недочетахъ управленія морскимъ вѣдомствомъ и о мѣрахъ ихъ пресѣченія. Долго не задумываясь, министръ приказалъ изготовить всеподданнѣйшій докладъ о какой-то, выходящей изъ ряда, наградѣ тому адмиралу, и когда послѣ благополучно кончившагося смотра Государь находился въ судовой каютѣ наединѣ съ Краббе, послѣдній преподнесъ свой докладъ о награжденіи, какъ онъ выразился, «главнаго виновника сегодняшняго торжества». Въ отвѣтъ на эту просьбу Государь передалъ Н. К. полученную Имъ отъ адмирала записку со словами: «Прочти и знай, за кого ты просишь». Знавъ заранѣе содержаніе поданной записки, Н. К. бѣгло пробѣжалъ ее и искусно притворился падающимъ въ обморокъ. Государь поспѣшилъ къ нему со стаканомъ воды и старался всячески его успокоить. Случай этотъ получилъ во флотѣ названіе «исторіи стакана воды», а интриговавшій адмиралъ не былъ уволенъ, что сдѣлалъ бы всякій другой министръ, но былъ, по добродушію Краббе, лишь перемѣщенъ на такую должность внѣ столицы, на которой онъ уже не могъ имѣть близости къ придворнымъ сферамъ.

Крѣпко держался Краббе своей должности и въ постоянной борьбѣ съ жестокою болѣзнію не выпускалъ изъ своихъ рукъ бразды правленія. Когда же правая рука отказалась ему служить, онъ завелъ свой грифъ и лѣвою рукою прикладывалъ его къ бумагамъ вмѣсто собственноручной подписи. Умеръ Н. К. 3 января 1876 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Должность Морского Министра, послѣ его смерти, занялъ бывшій при немъ Товарищемъ Адмиралъ С. С. Лесовскій, уже ранѣе извѣстный чуть не всему міру своимъ внезапнымъ появленіемъ во главѣ русскаго флота у береговъ Сѣверной Америки при концѣ происходившей тамъ войны между Сѣверными и Южными Штатами. Вступленіе его въ должность весь флотъ привѣтствовалъ восторженно, уважая въ немъ боевого Адмирала. Самъ же онъ, отъ природы скромный и высоко честный, открыто сознавался въ маломъ знакомствѣ съ гражданскою частью своего вѣдомства и потому, при всемъ своемъ необычайномъ трудолюбіи, по гражданскимъ дѣламъ всецѣло полагался на своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, нерѣдко въ ущербъ самому себѣ.

Съ докладчиками Лесовскій, какъ человѣкъ хорошо воспитанный, былъ необычайно вѣжливъ и, конечно, никогда не позволялъ себѣ тѣхъ нецензурныхъ ругательствъ, которыми часто награждалъ подчиненныхъ его предмѣстникъ. Но при этихъ достоинствахъ, С. С. много вредилъ себѣ своею неумѣренною горячностью и разсѣянностью, нерѣдко тормозившими дѣлопроизводство.

Такъ если въ бытность его на строевой службѣ ему удалось сразу прекратить вспыхнувшій на суднѣ мятежъ внезапнымъ появленіемъ на па-

лубѣ среди бушевавшихъ матросовъ съ револьверомъ въ рукѣ и мѣткимъ выстрѣломъ, положившимъ на мѣстѣ одного изъ нихъ, то проявленіе такой же горячности съ министерскаго кресла не могло быть оправдываемо. Между тѣмъ бывали случаи, когда по самымъ мелочнымъ дѣламъ, недовольный тѣмъ или другимъ распоряженіемъ кого-либо изъ подчиненныхъ, С. С. приходилъ въ такую ярость и такъ стучалъ своимъ кресломъ, что его можно было заподозрить въ болѣзненной ненормальности.

Наученные опытомъ докладчики собирали, въ такихъ случаяхъ, свои бумаги, тѣмъ выражая намѣреніе прервать докладъ, а министръ, предуга-

С. С. Лесовскій.
(1876—1880 гг.).

дывая это намѣреніе, моментально успокаивался, извинялся и снова садился на кресло, и тогда не было предѣловъ его добродушію.

Такъ, однажды, придя въ ярость отъ доложеннаго ему недисциплинарнаго проступка пьянаго писаря, С. С. приказалъ подвергнуть его самой высшей мѣрѣ наказанія. Позднѣе ему было доложено, что право наказанія принадлежитъ въ данномъ случаѣ не ему, министру, а ближайшему начальнику виновнаго, и С. С. тотчасъ же отмѣнилъ свой грозный приговоръ, предоставивъ кому слѣдовало распорядиться по своему усмотрѣнію. И дѣло кончилось простымъ выговоромъ виновному.

Помню также и такой случай. Двое молодыхъ людей, окончившихъ гимназію, пожелали поступить во флотъ юнкерами, каковыхъ въ то время не полагалось, и подали о томъ прошеніе. Лесовскій въ просьбѣ имъ отказалъ; когда же ему вторично было доложено объ обстоятельствахъ, вы-

нуждавшихъ молодыхъ людей искать флотской службы, Лесовскій счелъ этотъ вторичный докладъ дерзостью и готовъ былъ броситься на докладчика съ кулаками... Но, успокоившись и выслушавъ представленные ему доводы, онъ рѣшилъ дѣло въ пользу просителей, и оба они, поступивъ во флотъ, дослужились до генеральскихъ чиновъ.

Просили министра однажды о зачетѣ очень знающему и способному бухгалтеру его вольнонаемной службы въ дѣйствительную съ производствомъ, по числу лѣтъ службы, въ соотвѣтственный чинъ. Пришлось три раза докладывать это дѣло, и два раза довести вспыльчиваго министра чуть не до удара; при третьемъ же докладѣ получилось его согласіе, и, произведенный тогда сразу въ штабъ-офицерскій чинъ, этотъ бухгалтеръ благополучно служитъ и по настоящее время, дослужившись до высшихъ гражданскихъ чиновъ и орденскихъ знаковъ.

Въ доказательство разсѣянности Лесовскаго приведу два слѣдующіе извѣстные мнѣ случая.

Торопясь однажды на докладъ къ Государю въ Царское Село, министръ позабылъ захватить съ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ свой портфель съ докладными бумагами. Курьеру удалось во-время замѣтить эту оплошность, но нагнать уѣхавшаго министра уже не было времени, а слѣдующій очередной поѣздъ желѣзной дороги отходилъ только черезъ часъ. Пришлось нанять въ Ямской извозчичью тройку за баснословную цѣну и съ отвѣтственностію за загнанныхъ лошадей,—и портфель былъ поданъ министру на порогѣ Царскаго кабинета, когда министръ уже готовился повиниться передъ Государемъ въ своей забывчивости.

Въ другой разъ, тотчасъ по выходѣ изъ министерскаго кабинета управляющаго министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретаря Макова, С. С. раскрылъ лежавшій на столѣ объемистый портфель съ бумагами къ подписанію, быстро подписалъ ихъ и въ портфелѣ выслалъ въ канцелярію для отправки. Портфель же этотъ оказался принадлежащимъ ушедшему Статсъ-Секретарю, и исходящія бумаги были помѣчены къ подписи не «Управляющаго Морскимъ Министерствомъ», а «Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ». Не мало пришлось похлопотать, чтобы не конфузить самого С. С. и скрыть его опрометчивость передъ министромъ другого вѣдомства. Случай этотъ разсказанъ въ Русской Старинѣ (№ 1 за 1909 г.), къ сожалѣнію, совершенно напрасно, въ шутовскомъ тонѣ, и виновата въ немъ исключительно разсѣянность почтеннѣйшаго адмирала, а ничто другое.

Трудолюбіе этого Министра было безпримѣрное. Онъ не зналъ ни театра, ни выѣздовъ, кромѣ обязательныхъ-офиціальныхъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи казенную дачу, онъ ею не пользовался, чтобы не терять времени на поѣздки съ дачи и обратно. Все лѣто оставался на городской квартирѣ, часто не имѣвъ даже возможности выйти на свой балконъ или отворить, въ душные дни, окна кабинета, такъ какъ, въ александровскомъ

саду, подъ окнами министерской квартиры, были въ тѣ времена расположены городскія уборныя съ нестерпимымъ по лѣтамъ зловоніемъ. Въ годы же турецкой войны (1877—1878) Лесовскій даже не рѣшался выѣзжать на воздухъ, не сказавшись своему адъютанту, куда именно онъ намѣревается ѣхать и не обязавъ его находиться безотлучно при его квартирѣ на все время его отсутствія. Въ тѣ же два года приходившія по ночамъ телеграммы приказано было подавать ему немедленно по пріемѣ, не обращая вниманія, спитъ ли онъ или бодрствуетъ; онъ немедленно ихъ прочитывалъ, и со своими резолюціями отсылалъ къ высшимъ чинамъ Министерства для немедленнаго же, несмотря на ночное время, исполненія. При такомъ порядкѣ ближайшимъ сотрудникамъ министра приходилось нерѣдко по пяти разъ въ одну ночь вставать съ постели и снова ложиться. Пользоваться же дачами, соединенными со столицею желѣзными дорогами, безусловно воспрещалось. «Вы можете жить на дачѣ»,—говаривалъ С. С.,—«но живите такъ, чтобы я могъ во всякое время дня и ночи послать къ вамъ и за вами своего курьера на казенной лошади». Подчиненные, правда, ворчали, но безропотно подчинялись такимъ порядкамъ—отнюдь не изъ желанія выслужиться или изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе министра, но прямо изъ сознанія неусыпнаго трудолюбія самого своего начальника и изъ стремленія не отставать отъ него въ усердіи къ службѣ.

Газетъ онъ не читалъ, отговариваясь неимѣніемъ на это времени, и прочитывалъ лишь присылавшійся ему листокъ Телеграфнаго Агентства. Поступавшую же къ нему казенную почту онъ читалъ, напротивъ того, съ большимъ вниманіемъ, и не брезгалъ даже толстыми періодическими вѣдомостями (которыхъ обыкновенно не читаютъ), дѣлая въ срединѣ ихъ отмѣтки, за которыми въ управленіяхъ рѣдко кто слѣдилъ. Обыкновенно же такія вѣдомости складывались въ шкафы безъ просмотра и въ концѣ года уничтожались. Не прерывалъ Лесовскій своихъ служебныхъ занятій даже при сильнѣйшихъ приступахъ подагры, которой онъ былъ подверженъ, и принималъ въ этихъ случаяхъ доклады сидя, съ плотно забинтованною больною ногою, въ катальномъ креслѣ.

Только одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ, министръ нарушалъ обычный порядокъ своей жизни и отвлекался отъ службы, приглашая въ этотъ день къ своему обѣду ближайшихъ подчиненныхъ по очереди и нѣсколькихъ лично ему близкихъ постороннихъ лицъ. Будучи въ то время вдовымъ, онъ садился во главѣ стола, занималъ гостей воспоминаніями изъ своей прежней строевой службы и вызывалъ и ихъ къ откровенной бесѣдѣ. На этихъ обѣдахъ забывались различія въ рангахъ и много сообщалось на нихъ случаевъ изъ морской жизни и много смѣхотворныхъ анекдотовъ. Большинство изъ нихъ остались незаписанными и навсегда пропали для исторіи. Къ одному изъ такихъ обѣдовъ былъ приглашенъ, за одно со мною, покойный З. П. Рождественскій, пріѣхавшій изъ Чернаго моря курьеромъ, съ докладомъ о подвигѣ Баранова на «Вестѣ». И Боже

мой, какъ онъ прославлялъ тогда Баранова, называя его прямо героемъ; а черезъ нѣсколько времени онъ же, въ газетной статьѣ, втопталъ того же Баранова прямо въ грязь. Такіе министерскіе обѣды продолжались обыкновенно не долго, и, вставъ изъ-за стола, хозяинъ внезапно уходилъ во внутреннія комнаты, а гости расходились на короткое время по гостинымъ и затѣмъ разъѣзжались веселыми и довольными. Передъ концомъ своего управленія министерствомъ, Лесовскій вступилъ во второй бракъ, и продолжались ли послѣ сего его обѣды, мнѣ неизвѣстно; а вскорѣ послѣ этого брака онъ принялъ назначеніе командующаго нашимъ флотомъ въ Восточномъ океанѣ.

На эту должность, исключительно въ то время важную въ виду угрожавшаго намъ разрыва съ Англіею, намѣчались два другихъ вице-адмирала, но оба они отказались отъ этого почетнаго назначенія. Одинъ сослался на болѣзнь жены, а другой на свои денежные разсчеты. И тогда Лесовскій рѣшился для пользы родины поступиться своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ и предложилъ Государю самого себя, не взирая на свой преклонный возрастъ. Вернувшись съ доклада въ Царскомъ Селѣ, онъ со слезами радости на глазахъ разсказывалъ, съ какимъ удивленіемъ и съ какою затѣмъ Высочайшею признательностью было принято его предложеніе. До войны, однако же, не дошло, и Лесовскому, быстро собравшемуся въ отъѣздъ, не удалось показать себя. Къ тому же, онъ имѣлъ неосторожность сломать себѣ ногу и, вернувшись въ Петроградъ, вскорѣ скончался. Андреевскій флагъ, покрывающій его могилу въ Новодѣвичьемъ монастырѣ,—вполнѣ приличествующая этому достойному адмиралу награда.

Съ отъѣздомъ Лесовскаго на востокъ преемникомъ ему былъ назначенъ еще сравнительно молодой, но высокодаровитый контръ-адмиралъ А. А. Пещуровъ, бывшій незадолго передъ тѣмъ моимъ директоромъ въ канцеляріи министерства.

Министромъ онъ былъ недолго, и мои воспоминанія о немъ сводятся больше къ его директорству, когда, будучи его ближайшимъ помощникомъ въ теченіе свыше пяти лѣтъ, я успѣлъ близко изучить его. Главнѣйшія черты его характера, сколько знаю, и на новой высокой должности не измѣнились.

Попрежнему всѣ важнѣйшія дѣла по Министерству рѣшались новымъ министромъ коллегіально, по соглашенію съ подлежащими директорами, какъ до того дѣла канцеляріи рѣшались не иначе, какъ по соглашенію со мною. По хозяйственнымъ дѣламъ, министръ только въ исключительныхъ случаяхъ расходился въ мнѣніи съ докладчикомъ и настаивалъ на своемъ заранѣе принятомъ имъ рѣшеніи. Преимущественно такія разномыслія происходили только по дѣламъ двухъ морскихъ заводовъ,—Балтійскаго и Обуховскаго. Хозяйство этихъ заводовъ велось не безъ дефектовъ; Пещуровъ же шелъ на всевозможныя для нихъ льготы и послабленія, но отнюдь не изъ корысти, какъ по этому поводу говорили его

враги, и мнѣ доподлинно извѣстно, что первому заводу онъ покровительствовалъ единственно изъ стремленія угодить Великому Князю генералъ-адмиралу, матеріально въ томъ заводѣ заинтересованному, а второму потому, что во главѣ его стоялъ личный другъ Пещурова (А. А. Колокольцевъ), который по его личному взгляду (едва ли, однакожъ, правильному) долженъ былъ признаваться за образцоваго хозяина и безупречнаго эконома. Равнымъ образомъ, не изъ личныхъ выгодъ, а лишь въ угоду Великому Князю, и даже вопреки собственному его желанію, многоцѣнная

А. А. Пещуровъ.
(1880—1881 гг.).

операція очистки Кронштадтскихъ гаваней была поручена не подрядчику съ торговъ, какъ бы слѣдовало, а морскому офицеру (Н. М. Б.) коммерческимъ способомъ, котораго тогда въ морскомъ вѣдомствѣ по закону не существовало. Получивъ авансъ въ 100 тыс. рублей, этотъ офицеръ гаваней не очистилъ и въ полученныхъ деньгахъ не отсчитался, а на Пещурова безвинно посыпались тяжелыя обвиненія въ поблажкѣ будто бы изъ корыстныхъ видовъ.

Были еще и другія дѣла, по которымъ исполнители оказались очень не высокой марки; но и по этимъ дѣламъ Пещурова можно осуждать только за неудачный выборъ тѣхъ исполнителей, самому ему казавшихся еще по корпусному съ ними знакомству людьми безупречными.

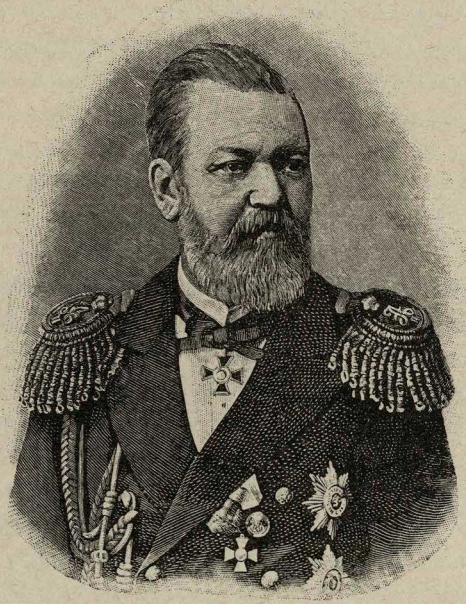
Будучи отъ природы малообщительнымъ и притомъ же не принадлежа по происхожденію къ высшему обществу, А. А., даже будучи министромъ, велъ дружбу и знакомство преимущественно съ бывшими своими товарищами по корпусу и собиралъ ихъ на свои скромные вечера по средамъ. На этихъ вечерахъ играли по маленькой въ обычный тогда ералашъ, немного танцовали и послѣ скромной закуски расходились, благодаря гостепріимныхъ хозяевъ. Супруга министра была родомъ англичанка и другихъ языковъ, кромѣ своего родного, не знала; поэтому понятно, что и она избѣгала чопорныхъ знакомыхъ, предпочитая имъ, одинаково съ мужемъ, моряковъ, какъ лицъ, говорившихъ по-англійски.

Въ лѣтніе мѣсяцы эти среды прекращались, и, отправивъ семью въ деревню, Пещуровъ посвящалъ свой досугъ музыкѣ и, какъ музыкантъ-самоучка, часами просиживалъ за роялемъ, отчасти фантазируя, а отчасти разыгрывая по памяти довольно трудныя вещи.

Министромъ пробылъ Пещуровъ, какъ я уже сказалъ, недолго—менѣе двухъ лѣтъ. Не взлюбилъ его почему-то новый Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, и ему была предложена должность главнаго командира Черноморскаго флота. Пилюлю эту, правда, слегка позолотили, указавъ ему, что вся Россія возлагаетъ на него свои надежды въ дѣлѣ начавшагося тогда возрожденія Черноморскаго флота. Но этого утѣшенія было для Пещурова слишкомъ мало, тѣмъ болѣе что смѣщеніе его послѣдовало совершенно неожиданно. Еще утромъ онъ принималъ, какъ министръ, своего подчиненнаго, вице-адмирала Ш.; вечеромъ получилъ приказъ о назначеніи въ Черное море, а на другое утро явился къ тому же, Шестакову, какъ къ своему начальнику. Самолюбіе его было сильно уязвлено, и эта нравственная язва сразу отразилась и на его здоровьѣ. При своей необычайной сдержанности, онъ даже отъ жены скрылъ тяжесть незаслуженно нанесенной ему обиды; но при отъѣздѣ въ Николаевъ А. А., обнимая меня и вспомнивъ объ обидѣ, мнѣ нанесенной неутвержденіемъ, послѣ него, директоромъ канцеляріи, не удержался и тихо сказалъ: «моя обида горьше вашей; простите меня и не питайте ко мнѣ злобы». Оказанныя впослѣдствіи почести не могли возстановить его надорваннаго неожиданнымъ ударомъ здоровья; всѣ восемь лѣтъ службы на югѣ онъ чувствовалъ себя нехорошо и, вернувшись въ Петербургъ, окончательно заболѣлъ и вскорѣ скончался. При послѣднемъ нашемъ свиданіи за мѣсяцъ до его смерти, въ скелетѣ, обтянутомъ кожею, съ трудомъ можно было признать прежняго красиваго, моложаваго и всегда молодцоватаго адмирала.

Съ преемникомъ Пещурова Вице-Адмираломъ Шестаковымъ я познакомился впервые въ Ниццѣ, гдѣ Адмиралъ жилъ въ опалѣ, считаясь морскимъ агентомъ въ Италіи и Австріи, которыя въ то время не имѣли еще своихъ флотовъ. Принялъ онъ меня тогда съ большимъ радушіемъ и угостилъ хорошимъ обѣдомъ, а при моемъ отъѣздѣ долго стоялъ у вагон-

наго окна, стараясь узнать отъ меня возможно больше новостей о Петербургѣ, куда, какъ я узналъ позднѣе, онъ не имѣлъ доступа. Умный и глубоко образованный, онъ поразилъ меня тогда своею любезностію, и я не могъ предполагать, чтобы онъ, какъ позднѣе оказалось, принципіально презираетъ всѣхъ лицъ гражданскихъ, а служащихъ въ Морскомъ Министерствѣ считаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ паріями. Подать руку гражданскому лицу, ему подчиненному, въ какомъ бы высокомъ чинѣ оно ни было, Ш. считалъ для себя унизительнымъ; да и при докладахъ у него онъ рѣдко кому изъ гражданскихъ предлагалъ сѣсть, и заставлялъ стоять



И. А. Шестаковъ.
(1882—1888 гг.).

передъ нимъ на вытяжку. Уже по этимъ своимъ пріемамъ новый министръ не могъ быть симпатиченъ Морскому Министерству; и это нерасположеніе къ нему постоянно поддерживалось во флотѣ воспоминаніями о многихъ фактахъ изъ прежней службы этого адмирала.

Изъ Морского Корпуса за какія-то нехорошія продѣлки онъ былъ исключенъ и до конца дней не скрывалъ своей ненависти къ бывшимъ сверстникамъ, ставшимъ позднѣе его подчиненными. Поднимаясь по служебной лѣстницѣ, онъ былъ одно время адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича и былъ много ему обязанъ своимъ быстрымъ повышеніемъ, а этого, по его злобному характеру, было достаточно, чтобы уронить въ глазахъ Государя и Великаго Князя Генералъ-Адмирала, и Морского Министра Краббе. Съ этою цѣлью онъ сочинилъ на нихъ

обоихъ тотъ памфлетъ, о которомъ я уже говорилъ раньше, съ единственною цѣлью собственнаго возвышенія. Цѣли этой онъ, однакожъ, не достигъ, и послѣ разсказаннаго мною случая со стаканомъ воды онъ былъ переведенъ на низшую должность Таганрогскаго Градоначальника, затаивъ въ сердцѣ ненависть къ высшему Морскому Начальству. Въ Таганрогѣ онъ успѣлъ сблизиться съ наказнымъ атаманомъ Генералъ-Адъютантомъ Потаповымъ, и когда этотъ послѣдній былъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края, Ш. получилъ мѣсто Виленскаго Губернатора. Но и этотъ постъ не удовлетворилъ честолюбца. Привычный къ интригамъ, онъ послалъ въ столицу доносъ и на Потапова, обвиняя его въ поляко-фильствѣ. Однакожъ, на этотъ разъ самъ онъ не только не выигралъ, но, напротивъ, былъ отставленъ отъ должности и зачисленъ по флоту безъ опредѣленныхъ занятій. Будучи въ то время человѣкомъ состоятельнымъ, онъ мало горевалъ о своей неудачѣ и пустился въ казенные подряды. Но на этомъ поприщѣ судьба не долго ему покровительствовала. Онъ имѣлъ неосторожность довѣрить свое состояніе въ залогъ подрядчику, оказавшемуся неисправнымъ, и, потерявъ его, былъ вынужденъ уже изъ нужды снова проситься на дѣйствительную коронную службу, предварительно принеся повинную попрежнему ненавистному для него Морскому Министру Краббе. Тогда-то, вдоволь натѣшившись надъ своимъ ненавистникомъ, добродушный Краббе заключилъ свое свиданіе съ Шестаковымъ словами: «я дамъ тебѣ мѣсто; но только за границей и съ условіемъ не смѣть появляться въ Петербургѣ». На данномъ Шестакову новомъ мѣстѣ—морского агента въ Австріи и Италіи—я и познакомился съ нимъ впервые во время моей заграничной командировки.

Съ мѣста своего изгнанія Шестаковъ нашелъ возможнымъ своими секретными донесеніями расположить въ свою пользу Наслѣдника Цесаревича, не вполнѣ сходившагося, какъ извѣстно, съ Генералъ-Адмираломъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и съ воцареніемъ Александра III былъ тотчасъ же вызванъ въ столицу на должность сперва Предсѣдателя Морского Техническаго Комитета, а вскорѣ затѣмъ и Управляющаго Морскимъ Министерствомъ.

Тогда-то онъ получилъ возможность уже не келейно, а открыто заявить свою ненависть ко всему тогдашнему морскому строю и въ особенности ко всѣмъ порядкамъ, созданнымъ за время Генералъ-Адмиральства Великаго Князя Константина Николаевича. Съ этою цѣлью Шестаковъ не замедлилъ образовать Комиссію для коренного преобразованія Морского Министерства и во главѣ ея поставилъ свирѣпаго Адмирала (А. П. Ж.), уже давно не служившаго по министерству, но носившаго морской мундиръ и знакомаго Шестакову еще по Севастополю. Много страннаго, незаконнаго и прямо уродливаго было сдѣлано этою Комиссіею, но главнѣйшая ея цѣль—уничтоженіе началъ, напоминавшихъ прежніе, введенные при бывшемъ Генералъ-Адмиралѣ порядки—была достигнута; а лица, тѣ

порядки помнившія, замѣнены клевретами новаго министра. Насколько вновь созданный строй будетъ худъ или хорошъ—до этого Шестакову не было никакой заботы; лишь бы строй этотъ былъ новый, не похожій на прежній. Въ особенности свирѣпо Шестаковъ ломалъ и уничтожалъ все, созданное бывшимъ Министромъ Краббе, и даже самый портретъ послѣдняго онъ велѣлъ вынести изъ оффиціальнаго министерскаго кабинета, сказавъ сторожамъ при многихъ свидѣтеляхъ: «Уберите отсюда эту рожу».

Впрочемъ, подобнаго рода капризовъ этого министра было не мало. Проснувшись однажды на пароходѣ и не найдя на ночномъ столикѣ двухъ апельсиновъ, которые онъ ежедневно съѣдалъ въ постели, онъ сдѣлалъ строгое внушеніе своему адъютанту. «Сейчасъ спрошу лакея,—отвѣтилъ адъютантъ,—почему онъ не догадался положить апельсины, если онъ обязанъ дѣлать это ежедневно». Этихъ словъ было достаточно, чтобы въ первомъ же послѣ этого случая приказѣ отправить адъютанта на одно изъ плававшихъ судовъ.

Всякому анонимному доносу Шестаковъ давалъ ходъ и производилъ по такимъ доносамъ дознанія, обыкновенно безрезультатныя, но требовавшія отъ слѣдственной власти усиленныхъ трудовъ.

Во всѣхъ портахъ Шестаковъ держалъ своихъ соглядатаевъ, которые доносили ему о самыхъ мелочныхъ, внѣ служебныхъ проступкахъ офицеровъ и были обязаны въ особенности прислушиваться къ сужденіямъ о немъ самомъ, какъ главномъ ихъ начальникѣ. Такъ, одинъ уважаемый командиръ судна, критически отнесшійся къ какому-то распоряженію министра, былъ уволенъ въ отставку, безъ производства въ адмиральскій чинъ, на который имѣлъ несомнѣнное право.

Вступивъ, будучи уже министромъ, во второй бракъ со своею бывшею сожительницею, Шестаковъ устроилъ раутъ, на который были приглашены всѣ начальствующія по вѣдомству лица и масса флотскихъ офицеровъ. Принимая гостей у входа въ залъ, Шестаковъ представлялъ каждаго своей супругѣ и ожидалъ, какъ позднѣе оказалось, что всѣ женатые, бывшіе на раутѣ, явятся на поклонъ къ его супругѣ со своими женами. Это ожиданіе было однакожъ угадано только немногими адмиралами, и всѣ они быстро пошли въ гору.

Бралъ Шестаковъ свою новую адмиральшу въ Москву на коронацію Императора Александра III и просилъ Государя представить свою супругу Императрицѣ. «Это дѣло не по моей части», улыбнувшись отвѣтилъ ему Государь, «просите сами Императрицу». Просить Государыню Шестаковъ не дерзнулъ.

За шесть лѣтъ своего управленія Шестаковъ часто ѣздилъ по портамъ и чуть не два раза въ недѣлю въ Кронштадтъ, едва ли однакожъ изъ дѣйствительной надобности въ этихъ поѣздкахъ; а вѣрнѣе съ цѣлью полученія прогонныхъ и суточныхъ денегъ. Будучи въ чинѣ адмирала, онъ собралъ этимъ способомъ изрядный капиталецъ, тѣмъ болѣе что ни на

желѣзныхъ дорогахъ (всегда получая даровой казенный вагонъ) ни на казенныхъ судахъ проѣздной платы не вносилъ и своего стола не держалъ.

Послѣдняя его поѣздка была на Дальній Востокъ, откуда онъ доѣхалъ, на обратномъ пути, до Севастополя и тамъ умеръ. Тѣло его было выставлено,—къ крайнему неудовольствію моряковъ,—въ парадномъ залѣ Морского Собранія, которое было по этому случаю изъято на трое сутокъ изъ пользованія офицеровъ.

Неудовольствіе моряковъ возросло еще болѣе, когда изъ Петербурга было получено, по телеграммѣ его вдовы и безъ вѣдома Министерства, разрѣшеніе похоронить умершаго министра подъ храмомъ Св. Владиміра,

Н. М. Чихачевъ.
(1888—1896 гг.).

на каковой почетъ имѣли право только четыре адмирала, участники Севастопольской кампаніи.

Смерти Шестакова Морское Министерство и флотъ прямо радовались, какъ своему избавленію отъ этого деспота и лицемѣра, и уже не стѣсняясь стали говорить, что покойный былъ даже и на руку не совсѣмъ чистъ, какъ давно ходила молва.

Въ доказательство этого о немъ заключенія поясняли, что, вступивъ въ Министры послѣ своего разоренія на подрядахъ безъ всякихъ средствъ, Шестаковъ успѣлъ построить и завѣщалъ своей супругѣ большой домъ въ Севастополѣ. Нужныя же для этого средства Шестаковъ пріобрѣлъ, какъ указывали, отдачею морскихъ заготовленій безъ торговъ, излюбленнымъ подрядчикамъ и постройкою судовъ на французскихъ заводахъ, съ кото-

рыми онъ поддерживалъ знакомства, завязавшіяся во время проживанія его въ Ниццѣ и которые по обычаю отчисляли заказчикамъ приличные проценты.

Нерѣдко возбуждались, по поводу замѣчавшихся въ распоряженіяхъ Шестакова неправильностей, контрольные запросы. Онъ умѣлъ однакожъ или отъ нихъ отписываться или оставлялъ ихъ безъ отвѣтовъ, или наконецъ покрывался испрошенными Высочайшими повелѣніями, не задаваясь мыслію, на сколько тотъ или другой исходъ дѣла соотвѣтствуетъ взглядамъ Государственнаго Контролера или соотвѣтственнаго министра.

П. П. Тыртовъ.
(1896—1903 гг.).

Помню я однакожъ и такой случай, когда ему пришлось смириться и уступить, противъ желанія, Государственному Контролеру (въ то время Статсъ-Секретарю Сольскому). Послѣднимъ былъ поднятъ вопросъ объ установленіи въ морскомъ вѣдомствѣ предварительнаго контроля по хозяйственнымъ операціямъ, т. е. такой мѣры, которой, при деспотическомъ нравѣ, Шестаковъ не могъ, очевидно, сочувствовать. И вотъ на полученный запросъ Шестаковъ собственноручно изготовилъ объемистый, крайне рѣзкій отвѣтъ, украсивъ его такими, неподходящими для оффиціальной переписки выраженіями, какъ напр. китайскія церемоніи, венеціанская инквизиція и т. п. Государственный Контролеръ не нашелъ возможнымъ пере-

дать полученную бумагу въ подлежащій Департаментъ и черезъ начальника послѣдняго возвратилъ ее Шестакову обратно, словесно заявляя, что или онъ, Шестаковъ, замѣнитъ эту бумагу другою, болѣе мягкою и упрощенною, или онъ, Сольскій, въ противномъ случаѣ, доложитъ ее въ подлинникѣ Государю. Этого послѣдняго исхода Шестаковъ убоялся и, принявъ бумагу обратно, поспѣшилъ замѣнить ее другою въ краткой и сдержанной редакціи.

Не убоялся Шестаковъ вступить въ борьбу съ всесильнымъ въ то время К. П. Побѣдоносцевымъ и путемъ ложнаго всеподданнѣйшаго доклада вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Побѣдоносцевъ, независимо отъ прямой своей должности Синодскаго Оберъ-Прокурора, состоялъ Предсѣдателемъ Общества Добровольнаго Флота, бывшаго въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ. Такую, хотя и косвенную, подчиненность учрежденія чисто-морского гражданскому вѣдомству Шестаковъ признавалъ ничѣмъ неоправдываемою, и легко убѣдилъ Побѣдоносцева перейти съ его Обществомъ въ вѣдѣніе Морского Министерства. Съ этимъ предложеніемъ, существа дѣла не мѣнявшимъ, Побѣдоносцевъ согласился, и Шестаковъ поспѣшилъ, ссылаясь на происшедшее соглашеніе, испросить Высочайшее повелѣніе на передачу Добровольнаго Флота не въ вѣдѣніе, а прямо въ составъ Морского Министерства, съ упраздненіемъ самаго Общества съ его Предсѣдателемъ и Правленіемъ. Происходили ли по этому поводу какія-либо объясненія Побѣдоносцева съ Шестаковымъ мнѣ неизвѣстно, но, выслушавъ объявленную Правленію совершенно для него неожиданную Высочайшую волю, Побѣдоносцевъ вздрогнулъ, прослезился и немедленно вышелъ изъ засѣданія Правленія, сознавъ, вѣроятно, престижъ у Государя своего въ данномъ дѣлѣ соперника.

Престижемъ этимъ Шестаковъ пользовался до самой смерти, и быстро его лишился, по словамъ молвы, послѣ смерти, когда оставленныя покойнымъ записки разоблачили бывшаго временщика.

Мѣсто Шестакова занялъ въ Морскомъ Вѣдомствѣ адмиралъ Н. М. Чихачевъ. Онъ здравствуетъ и по нынѣ въ званіи члена Государственнаго Совѣта. Поэтому я не рѣшаюсь до времени предать гласности мои о немъ воспоминанія и скажу только, что годы моего служенія подъ его начальствомъ (1888—1896) я считаю лучшими для меня въ Морскомъ Вѣдомствѣ. Поэтому я къ имени Н. М. не перестаю относиться съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и нелицемѣрной, горячей признательности. Управляя, до его назначенія Министромъ, Россійскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли и поднявъ послѣднее на небывалую до него высоту, Н. М. былъ опытнѣйшимъ администраторомъ. Понимая, насколько необходимы для администраціи знанія гражданскаго характера, онъ одинаково цѣнилъ своихъ сотрудниковъ, какъ съ морскими чинами, такъ и съ гражданскими и не смотрѣлъ на послѣднихъ, подобно Шестакову, какъ на элементъ во флотѣ непригодный или нежелательный. Недоброжелатели Н. М. много злословили на него за выборъ Либавы для сооруженія морского

порта, къ которому будто бы, изъ за постоянной волны, не могутъ приставать большія суда, между тѣмъ, въ этомъ порту долгіе годы послѣ Чихачева держали весь нашъ Балтійскій флотъ, а теперь нѣмцы спокойно подошли со своимъ флотомъ къ Либавѣ и заняли ее. Постоянная волна имъ не помѣшала, и ею одною оправдывать непригодность для насъ этого Либавскаго порта едва ли правильно.

Послѣднимъ Министромъ за время моей службы въ Морскомъ Министерствѣ былъ преемникъ Н. М. Чихачева П. П. Тыртовъ и всего на полгода до назначенія меня къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ. Назначеніе Тыртова состоялось въ бытность мою заграницей, и когда по возвращеніи я явился ему представиться, онъ тутъ же объявилъ мнѣ, что имъ уже возбуждена переписка о назначеніи меня Сенаторомъ. Это назначеніе должно было служить мнѣ наградою за совмѣстное съ нимъ служеніе при Чихачевѣ и за невозможностью мнѣ, какъ лицу гражданскому, получить высшую должность въ самомъ Морскомъ Министерствѣ. Я глубоко уважалъ этого адмирала, способнаго и свѣдущаго по всѣмъ отраслямъ управленія и безусловно уравновѣшеннаго. Поэтому, искренне сожалѣю, что съ назначеніемъ его министромъ, незамѣтно подкравшаяся сердечная болѣзнь сдѣлала его черезъ мѣру раздражительнымъ и лишила его тѣхъ общихъ симпатій во флотѣ, которыми онъ ранѣе пользовался, какъ командиръ и какъ строевой адмиралъ.

Н. Мамантовъ.

На Новый годъ.

У мыслящихъ существъ, одаренныхъ сознаніемъ, есть душевная потребность—на рубежѣ стараго и новаго года окидывать мысленнымъ взоромъ прошедшее и пытаться заглянуть въ будущее, подвести итоги прожитому и намѣтить задачи предстоящаго.

Если мы обратимся къ жизни нашего Общества въ минувшемъ году, то не можемъ не признать, что она выдавалась рѣдкимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія и тѣмъ повышеннымъ темпомъ, который является признакомъ высокой интеллектуальной среды.

Основную стихію жизни Общества составляли доклады,—тѣ интересные и поучительные вечера, на которые мы приходили съ охотой и съ которыхъ уносили чувство полной удовлетворенности [1]).

По вопросамъ организаціи и самодѣятельности и предметамъ, относящимся къ самой природѣ Общества, мы слышали доклады о взаимномъ общеніи историческихъ обществъ, объ архивномъ законодательствѣ, объ устройствѣ музея нынѣшней Великой Войны, объ организаціи занятій по изученію петроградской старины, объ историческомъ значеніи наименованій улицъ, о семейныхъ архивахъ.

Историческое прошлое раскрылось предъ нами на глубинѣ девяти вѣковъ,—когда наша родина только впервые еще слагалась въ великое восточно-славянское единодержавіе. Предъ нашими взорами прошелъ окруженный былинными богатырями, въ ореолѣ исторической святости, отецъ и родоначальникъ нашей самобытной культуры, князь Владиміръ Равноапостольный, Красное Солнышко нашей земли, мечомъ укрѣпившій единство Руси, просвѣтившій ее крещеніемъ, положившій въ ней прочныя основы христіанской политики.

Захватывающія все наше вниманіе великія современныя событія — одни переходили сами непосредственно на страницы исторіи, другія вызывали историческія воспоминанія. Предъ нами прошли доклады объ историческихъ причинахъ нынѣшней войны, о способахъ ея изученія и увѣковѣченія, объ отраженіи ея въ историческомъ сознаніи.

---

[1]) Въ 1915 г. были прочитаны въ Обществѣ 91 докладъ. *Ред.*

Оживились воспоминанія о прежнихъ войнахъ, въ частности объ отечественной войнѣ Двѣнадцатаго года и войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ съ ея восточнымъ вопросомъ и золотымъ къ нему ключемъ—Царьградомъ. Нѣсколько докладовъ посвящено было западному славянству,—и здѣсь мы слышали кликъ соболѣзнующаго сердца о тяжелой годинѣ растерзанной рыцарской Польши, надѣемся, годинѣ скоропреходящей,—и крикъ негодованія Іудину предательству болгаръ.

Въ мирной нашей средѣ стремительно пронесся предъ нашими глазами образъ храбраго казака Кузьмы Крючкова и тихимъ эхомъ ему отвѣтилъ безсмертный подвигъ рядового Архипа Осипова. Война заставила поставить на очередь вопросы о замыслахъ нѣмцевъ противъ Россіи, объ ихъ вліяніи тамъ, гдѣ этого быть не должно,—какъ на рисункѣ русскихъ знаменъ, о германской промышленности, о стратегіи Мольтке; мы припомнили свою безпечность по вопросу объ устройствѣ военнаго порта на Мурманѣ. Оживленно дебатировались вопросы дипломатіи, этой старшей, но едва ли всегда способной къ вполнѣ здоровому руководству сестры войны.

Должное вниманіе удѣлено было и историческимъ воспоминаніямъ нашихъ достойныхъ союзницъ—Франціи, Бельгіи, Италіи. Вспомнили тяжелую историческую судьбу армянъ.

Наши средніе вѣка, старая Русь, выдвинули какъ бы два противоположныхъ полюса: съ одной стороны веселыхъ скомороховъ, съ другой — утомительную, но важную сторожевую русскую и ратную иноземную службу въ Московскомъ государствѣ.

Старая же Русь дала матеріалъ докладамъ, о древней Коложанской церкви, о походахъ Литвы на Русь и Москву, о трехсотлѣтнемъ юбилеѣ Кіевской Духовной Академіи.

Великаго нашего Преобразователя мы живо видѣли въ двухъ докладахъ: въ дѣятельности его по народному просвѣщенію и въ его бытность въ Брюсселѣ, въ одно изъ заграничныхъ его путешествій.

Мы еще надняхъ какъ бы наяву посѣтили домикъ Императора Александра I въ Таганрогѣ, слушали петицію финляндскаго войска и слышали доклады объ Императорѣ Николаѣ I въ его отношеніи къ Полякамъ, слушали переписку Императора Александра II съ главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ передъ войною 1877—1878 годовъ, и переписку Цесаревича Николая съ Герцогомъ Н. М. Лейхтенбергскимъ; сопровождали мысленно Высочайшихъ Особъ въ ихъ путешествіи на Уралъ, исправляли текстъ славянской Библіи, вычисляли литературный заработокъ русскихъ писателей, прочли «послѣднюю страницу въ политикѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ царствованіе Императора Николая I».

Вмѣстѣ съ докладчиками мы «полвѣка назадъ» служили «при шести министрахъ», обозрѣвали историческіе памятники на кладбищахъ, были въ

усыпальницѣ герцоговъ курляндскихъ въ Митавѣ и въ усыпальницѣ польскихъ королей въ Краковѣ, слѣдили за шпіономъ въ Черноморскомъ флотѣ, вспоминая Ломоносова, думали думу о системахъ русскаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ библіотекаремъ Лужковымъ переносились въ хранилища Императорскаго Эрмитажа въ блестящій вѣкъ Великой Екатерины.

Напрасно говорятъ, что мы не любимъ своего города. Петроградъ вызвалъ цѣлый рядъ докладовъ. Мы слушали о жизни въ старомъ Петербургѣ, путешествовали по знатнѣйшимъ его проспектамъ и смотрѣли его удивительнаго старожила, занимались исторіей его академическихъ сфинксовъ, любовались стрѣлкой Васильевскаго острова и, наконецъ, завершили дѣло учрежденіемъ комиссіи петербургской старины.

Мы были въ храмахъ тихой молитвы и на поляхъ шумныхъ битвъ, ходили по морю и по сушѣ и даже пытались подняться на воздухъ на «тайныхъ воздушныхъ корабляхъ», посѣщали дворцы, палаты, хижины, одинъ разъ заходили въ театръ, слушали исторію пушки и провѣряли финансовую политику министра Бунге.

Проникновенный лучъ историческаго свѣта время отъ времени освѣщалъ намъ въ талантливомъ изложеніи загадочныя печати и эмблемы масонства, а маститый мастеръ слова живописалъ намъ борьбу съ дьявольскою силою зеленаго змія.

Кромѣ докладовъ—обычнаго проявленія жизни ученыхъ обществъ,—наше Общество устраивало осмотры историческихъ памятниковъ, организовало выставку и нынѣ занято устройствомъ музея. Когда всѣ несли свою помощь жертвамъ войны, Общество удовлетворило и съ своей стороны требованію этого патріотическаго долга. Въ своихъ собраніяхъ—важнымъ значеніемъ предметовъ рѣчи, компетентностью докладчиковъ и свѣжестью постановки докладовъ Общество достигло вершинъ, которыя едва ли возможно превзойти. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно привлекло въ свою среду—сотни избранныхъ интеллектуальныхъ силъ и въ сферу своего вліянія—при помощи выставки—сотни тысячъ публики.

Всѣмъ этимъ мы обязаны, разумѣется, дѣятельности Совѣта. Высказывать какія бы то ни было пожеланія въ смыслѣ директивъ Совѣту на предстоящій годъ было бы излишне. Но за нами несомнѣнно остается долгъ предъ тѣми, кому мы болѣе всего обязаны истекающимъ годомъ Общества.

Если Общество отличалось жизненностью и богатствомъ иниціативы, доклады—содержательностью, разнообразіемъ и свѣжестью, а собранія—серьезностью, благородствомъ тона и неизмѣнною оживленностью, если Обществу удалось привлечь въ свою среду столько интеллектуальныхъ силъ, сколько мы въ немъ нынѣ видимъ,—то этимъ Общество обязано прежде всего и главнымъ образомъ тремъ лицамъ, являющимся къ тому же и основателями Общества: нашему предсѣдателю герцогу Г. Н. Лейхтенберг-

скому, замѣстителю предсѣдателя М. К. Соколовскому и ученому секретарю Т. О. Соколовской. Кто по опыту знакомъ съ дѣломъ устройства собраній, тотъ знаетъ сколько въ подобныхъ случаяхъ требуется энергіи, ума и таланта. Съ нашей стороны было бы только элементарнымъ актомъ справедливости, если бы свою признательность названнымъ лицамъ мы выразили къ новому году тѣмъ реальнымъ и достойнымъ способомъ, какимъ мы это сдѣлать можемъ, а именно—избраніемъ ихъ въ званіе почетныхъ членовъ Общества, вполнѣ ими заслуженное. Если постановленіе собранія объ этомъ состоится, то мы будемъ просить присутствующаго члена Совѣта дать ему надлежащее движеніе [1]).

С. Рункевичъ.

[1]) Постановленіемъ общаго собранія 23 декабря 1915 г. единогласно рѣшено просить Совѣтъ Общества избрать въ почетные члены Общества Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго, М. К. Соколовскаго и Т. О. Соколовскую. Это постановленіе утверждено Совѣтомъ Общества 30 декабря 1915 г.

Историческое призваніе Россіи въ мнѣніяхъ русскихъ поэтовъ.

Русь борется великою, кровавою борьбою. Мощная, ощетинилась она милліонами штыковъ; жерла тысячъ пушекъ извергаютъ огонь. Рѣшается старый, вѣковой споръ славянъ съ германцами, споръ грозный, тяжкій...

Но не страшитъ насъ этотъ споръ. Русь — крѣпка! Россія — бранная царица. Великолѣпный стихъ Пушкина отмѣтилъ эту мощь Россіи. Онъ смѣло ставитъ вопросъ: «Сильна ли Русь?» и гордо отвѣтствуетъ:

...«Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали,—
Смотрите-жъ—все стоитъ она!
Клеветники, враги Россіи!!!
Что взяли вы?.. Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колосъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча,—лживый сонъ?»

Обращаясь къ Европѣ, надменно-горделивой, всегда любившей бряцать оружіемъ, Пушкинъ напоминаетъ о мощи Россіи, славной побѣдами былого.

«Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,

Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ!!»

Почему Россію такъ не любитъ Западъ? Увы, причина—самая обыденная,—зависть. Еще Лермонтовъ писалъ:

...«Хитрой зависти ехидна—
Васъ пожираетъ, вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!»

Безуміемъ считаетъ Мей надежду враговъ сломить Россію.

«Предположить, что сорокъ милліоновъ
Всѣ—богатырь въ богатыря,
Всѣ—кровные по духу и по плоти
Исполнятъ волю горсти пришлецовъ,
Надѣяться, что русскій государь,
Державный стражникъ русской славы,
Не соблюдетъ своей державы,
Не охранитъ святой алтарь,—
Безуміе!»...

Юбилей Шекспира, этого великана всемірной литературы, даетъ поводъ Майкову пояснить, печему успѣхъ Шекспира такъ великъ въ Россіи.

«Товарищъ сильному быть можетъ только сильный...
Ты нашъ—по ширинѣ могучаго размаха,
Ты нашъ затѣмъ, что мы предъ правдой не дрожимъ
И смотримъ въ пропасти безъ страха;
И вдаль увѣренно глядимъ!»

Москва—сердце Россіи. Образно воспѣлъ силу этой Москвы Глинка

«Кто силачъ возьметъ въ охапку
Холмъ кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?»

Русь сильна своими Мининами. Въ годы тяжкихъ испытаній, изъ нѣдръ Россіи, изъ толщъ земской силы выходятъ Минины. Они способны сплотить вокругъ себя русскихъ людей и зажечь въ нихъ искрою своего личнаго воодушевленія готовность жертвы. Вдохновенно говоритъ Мининъ въ драмѣ Кукольника: «я босъ пойду спасать святую Русь; я нагъ пойду въ крови купаться вражьей!» Изъ сердца, обливающагося кровью за терзаемое отечество, раздается его призывный голосъ: «Возстань же, Русь, отъ мала до велика»! И Русь возстала: Рука Всевышняго отечество спасла!

Тотъ же Мининъ у Островскаго говоритъ:

«Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что-жъ? Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ-ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ-ль мы братья отъ одной купели?
И, аще братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній,
Не пощадимъ казны и животовъ;
Мы продадимъ дворы свои и домы,—
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!»

Россія—могуча. Но и ея задачи—велики. Кому много дано, съ того много и спрашивается. Россія должна стоять во главѣ славянскаго движенія, защищать и освобождать славянскіе народы.

Въ горячемъ нетерпѣливомъ порывѣ Тютчевъ взываетъ:

«Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ?
И подать другъ другу руки,
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?»

Борьба за славянъ — историческое призваніе Россіи. Это—ея судьба, предназначенная Провидѣніемъ. Пламенно призываетъ Хомяковъ Россію на бранный пиръ.

«Иди! Тебя зовутъ народы,
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ.
Иди! Свѣтла твоя дорога;
Въ душѣ—любовь; въ десницѣ—громъ;
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!»

Мечъ, который поднимаетъ Россія за братьевъ,—Божій мечъ. Хомяковъ призываетъ Россію вступиться за братьевъ, быть вѣрною своему призванью:

«И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ,
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ,—то Божій мечъ!»

Идти войною за братьевъ, безъ мысли о какой-либо наградѣ, безъ надежды на какую-либо личную пользу, только во имя права и справедливости—какой увлекательный подвигъ, какая чудная, неземная красота.

«За наше славянское общее дѣло
Сомкнемся мы тѣсной семьей,
За вѣру, свободу, отважно и смѣло
Всѣ станемъ подъ стягъ намъ родной.
И въ дружномъ союзѣ окрѣпнетъ сознанье,—
Сыны мы единой, великой семьи.
И ярко заблещетъ свободы сіянье
Надъ мирною нивой славянской земли!»

Возрожденію славянъ глубоко вѣритъ Хомяковъ. Онъ вѣритъ—заря новой жизни взойдетъ надъ славянами, молодыми орлятами, когда орелъ Россіи простретъ свои сильныя крылья надъ ихъ слабой главой. Тогда—

«Ихъ часъ придетъ; окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!»

Онъ вѣритъ, что подъяремная, галицкая Русь возсоединится съ Россіей. Пробьетъ часъ—

«И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,
Снова, какъ во время оно,
Успокоиться прійдутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ!»

Враги славянства—сильны. Крѣпкими цѣпями оковали они славянскія народности. Русь миролюбива, но вражій обидный вызовъ не разъ исторгалъ ея мечъ изъ ноженъ. Такъ было въ двѣ послѣднія турецкія войны, такъ есть и теперь.

Некрасовъ пѣлъ:

«Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ
Поставлены мы зрителями нынѣ,—
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полміра обхватилъ.
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія, и подступаетъ время,
Когда Рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукою
И свѣту потрясенному покажетъ».

Мягкій, любвеобильный Майковъ чувствуетъ, что каждая война залита кровью и каждая побѣда омыта горючими слезами о погибшихъ герояхъ. Но—суровъ законъ исторіи, война—неизбѣжна. Это,—кровавая, очистительная купель.

...«Господь! Долинамъ шлешь Ты грозы—
Да утучняются! Даешь Ты людямъ слезы—
Да перстъ познаютъ Твой! Кровавую купель
Народамъ—да ярмо грѣховное съ нимъ канетъ,
И новый человѣкъ изъ стараго возстанетъ!»

Чѣмъ же побѣждаетъ Россія? Ея надежда—воины. Это они, чудо-богатыри, вырываютъ искромётную побѣду у своевольнаго счастья. Даже въ тѣ войны, когда конечный успѣхъ не былъ нами достигнутъ, русскіе воины свершали все, что было въ ихъ силахъ. Про Восточную войну Розенгеймъ выражался:

«Безсмертный Синопъ, Кадыкъ-Ларъ высоты,
Далекій, камчатскій Петрополь,
И Карсъ, и Четати, Одесса и ты,
Нашъ грозный, нашъ злой Севастополь,
Вы скажете міру, что русскій солдатъ
Былъ тѣмъ же, что въ пору иную,
И также умѣлъ отражать супостатъ
И гибнуть за землю родную!»

Августѣйшій поэтъ К. Р., почетный членъ нашего общества, посвятилъ портъ-артурцамъ теплыя строки:

«Вы претерпѣть готовы до конца;
Богатырей въ васъ ожили сердца
Съ ихъ мужествомъ, отвагою и рвеньемъ.

Россіи слава, гордость и любовь,
За подвигъ вашъ, страданія и кровь
Мы скорбью платимъ вамъ и восхищеньемъ».

Крѣпка на Руси вѣра въ непобѣдимость русскихъ воиновъ. Но упованіе свое она возлагаетъ на Бога, на Его милосердіе, на Его помощь. Въ молитвѣ, въ смиреніи предъ Всевышнимъ—сила русскаго люда.

«Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка,
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильнѣй молящихся рука!»

Такъ думалъ Хомяковъ. Христолюбивая Русь относитъ все побѣдное счастье—помощи милосерднаго Бога и дважды чеканитъ на медаляхъ: «Не намъ, не намъ, а Имени Твоему». Россія знаетъ Бога. Она богомольна. Крестъ—ея символъ. Нынѣ мы вступили въ бой съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. Сто лѣтъ назадъ Державинъ говорилъ: «Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ». По выраженію Майкова, крестъ

...«велъ насъ за Дунай во дни и ночи,
На высоты Балканъ, гоня предъ нами тьму...
И падшихъ, съ поля битвъ, тускнѣющія очи
Съ послѣднею мольбой стремилися къ нему...
Сіялъ онъ—надъ простымъ походнымъ лазаретомъ,
Въ сердцахъ тѣхъ чудныхъ женъ, что, бросивъ домъ и кровъ,
И нѣгу, и покой, простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудѣ—святѣйшемъ изъ трудовъ...
Онъ—вождь нашъ искони, и имъ лишь предводима,
Какъ Божье воинство, съ безтрепетной душой,
Русь отъ начала лѣтъ по днесь непобѣдима!»

Онъ же въ другомъ стихотвореніи картинно изображалъ, что каждую войну Россія ведетъ со смиреніемъ.

«Мы—сила въ мірѣ; насъ мильоны;
Но эта сила—въ чемъ она?
Смотрите: вотъ алтарь походный;
Царь передъ нимъ; полки кругомъ,
И нѣтъ конца толпѣ народной.
И мигъ!.. предъ поднятымъ крестомъ
Священный трепетъ пробѣгаетъ,
Склонились долу знамена,
И Царь колѣно преклоняетъ

И все за нимъ—бѣжитъ волна
Во все людское это море!..
Одна молитва въ каждомъ взорѣ,
Одна у всѣхъ звучитъ струна,
Одно роднитъ всѣхъ умиленье,
Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ—смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христосъ!»

У Россіи—особенная стать. Ее нельзя мѣрить общимъ аршиномъ. И тотъ способъ борьбы, которому слѣдуетъ Россія, отличенъ отъ способа нашихъ враговъ. У нихъ—потоки крови, у насъ—любовь. Это высказалъ Тютчевъ въ строфѣ:

«Единство»,—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней,—
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью».
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ посмотримъ,—что сильнѣй!»

Такъ думалъ и Державинъ:

«Вы рветесь за прибытокъ свой,
Воюетъ россъ за общее благо;
Вы—жертва зла и своевольства,
Онъ—жертва долга и геройства.
Суля вы вольность, взяли дани,
Въ защиту царствъ простеръ онъ длани;
Вы—чада тьмы; онъ—свѣта сынъ!»

Князь Вяземскій преклонялся передъ смиреніемъ Россіи.

«Какъ я люблю твое значенье
Въ земномъ, всемірномъ бытіи,
Твое высокое смиренье
И жертвы чистыя твои,
Твое предъ Промысломъ покорство,
Твое безстрашье предъ врагомъ,
Когда идешь на ратоборство,
Пріосѣнивъ себя крестомъ!
... Блюди тобой избранный путь,
И предъ людьми, и передъ Богомъ,
Святая Русь,—святою будь!»

Борьба славянъ съ ея врагами, это—борьба двухъ міровъ. Иванъ Аксаковъ, при поступленіи въ ополченіе, писалъ:

«Чудный мигъ! Мигъ строгій и суровый!
Тамъ, въ бою сшибаясь роковомъ,
Стонутъ царствъ могучія основы,
Старый міръ о міръ крушится новый».

Колесо исторіи движется безъ отдыха. Одни народы старѣютъ, другіе, мужаясь, вступаютъ на ихъ мѣсто. Западъ дряхлѣетъ. Выдвигается востокъ. По словамъ Хомякова, прекрасенъ былъ прежде западъ, но его смѣнить долженъ востокъ.

«Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ,
И чудно озаренъ его великой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ.
Но!.. Вѣкъ прошелъ и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ западъ весь. Тамъ будетъ мракъ глубокъ.
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій востокъ!»

Это стихотвореніе называлось мечтою. Нынѣ Востокомъ, т. е. Россіей, давно оставлена дрема и, быть можетъ, въ наши великіе, историческіе дни эта мысль, когда-то казавшаяся мечтою, получитъ жизнь, и лучезарное будущее займется надъ свободными славянскими народами.

Россія чужда политики насилія, захвата. Она не томится, не страждетъ страстью замысловъ любовластныхъ, завоевательныхъ. Карамзинъ отмѣчаетъ: «наши завоеванія никогда не были чисто завоевательными, а только образовательными пріобрѣтеніями». Жуковскій въ народномъ гимнѣ величаетъ русскаго Царя смирителемъ гордыхъ, хранителемъ слабыхъ, всѣхъ утѣшителемъ и молитъ о ниспосланіи Руси мирныхъ дней:

«Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное»...

Долгоденствіе возглашается не воинамъ-завоевателямъ, а воинамъ-мстителямъ за попранное народное право и честь.

«Воинамъ-мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миро-творителямъ
Долгіе дни!»

У графа Алексѣя Толстого Царь Борисъ говоритъ:

...«Прошли тѣ времена,
Когда Руси шатаніе и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!

Она стоитъ спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!»

Царь Борисъ... Весь—въ желаніи крѣпости Россіи, онъ понимаетъ, что его царствованіе должно быть—милостью къ русскимъ, нещадной твердостью къ врагамъ. Въ великій часъ вѣнчанія на царство, Борисъ—въ помыслахъ о его благоденствіи. Съ душою, раскрытою передъ Богомъ, онъ въ молитвѣ проситъ царствовать «на тишину Руси, на страхъ врагамъ». Это же выраженіе «на страхъ врагамъ» мы повторяемъ нашимъ народнымъ гимномъ.

Въ страдный Двѣнадцатый годъ цѣлый сонмъ малыхъ стихотворцевъ, нынѣ забытыхъ, въ произведеніяхъ своей музы проводилъ взглядъ о постоянномъ выступленіи Россіи не изъ-за стремленій къ завоеванію, но для отмщенія за насилія надъ правами народовъ и для водворенія мира и законовъ любви. Такъ, Герасимъ Сокольскій обращался къ Россіи: «О ты, Россія, отчизна древняя славянъ, издревле ты враговъ карала, неправыхъ браней не искала, другихъ спасала отъ смертей». И какъ подходятъ къ нашимъ днямъ слова, написанныя сто лѣтъ назадъ: «зри подвигъ твой—спасти полсвѣта; се—воля Вышняго Совѣта; да знаетъ мощь твою злодѣй!»

Въ единеніи—сила!.. Стародавнее, мудрое изреченіе, старый призывъ всѣхъ народныхъ вождей!..

Въ единеніи сила! Огненными письменами должны бы запечатлѣться эти словеса мудрости въ сердцахъ всѣхъ славянъ. О, какъ несокрушимо сильно было бы тогда славянство! Не подъ силу былъ бы съ нимъ споръ иноплеменныхъ враговъ!..

Но, не разъ забывался великій завѣтъ единенія. Не разъ разгорался споръ славянъ между собою, и разрѣшалъ его мечъ, залитый братскою кровью. Потому-то изъ наболѣвшихъ сердецъ поэтовъ, скорбѣвшихъ народною скорбью, вырывался властный призывъ къ единенію.

Майковъ взывалъ:

«Да сгинетъ рознь въ семьѣ единородной,
И дружно Русь, свободна и свѣтла,
Пойдетъ свершать свой подвигъ всенародно,
Подъ знаменемъ двуглаваго орла».

Тютчевъ, полный вѣры въ предопредѣленное небесами конечное единеніе всѣхъ славянъ, восклицалъ:

«И грянетъ крикъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ,
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью,
Ему извѣстны день и часъ!»

«О, всѣ славяне—родные братья!» настойчиво повторялъ Хомяковъ.

...«Мы—родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ—братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!»...

Пѣсня Хомякова снова и снова воспѣваетъ то желанное, прекрасное будущее, когда

«Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ заодно!»

Наконецъ, какимъ страстнымъ призывомъ къ пробужденію звучитъ воззваніе Хомякова къ славянскимъ братьямъ:

Вскипите-жъ, славянскія волны,
Проснитеся, гнѣзда орловъ!»

Т. Соколовская.

Владиміръ Красное Солнышко въ русской поэзіи.

Стольнаго кіевскаго князя Владиміра Красное Солнышко пѣли поэты великой земли русской.

Слагались въ честь и во славу его многострофныя поэмы, сказочно-волшебныя, мистически-героическія, пересыпанныя цвѣтами красной рѣчи. Измышлялись высокія трагедіи, преисполненныя нравоучительнаго смысла. Напѣвались сладкозвучныя пѣсни, душевныя, веселыя, бодрящія сердце древне-славянскою удалью.

Поэты славословили, величали князя русскаго, властителя полсвѣта, князя Владиміра Святославича, свѣтлаго разумомъ, сердцемъ прямого, правдолюбца, отъ зорко-соколинаго глаза коего не сокрыться было кривдѣ въ глубинѣ сердецъ бояръ силоумовъ-сребробрадовъ, не утаиться лести подъ кровомъ темныхъ словъ. Славили князя, въ ночи безбожія подобнаго лунѣ, въ дни мирной тишины для всей Руси какъ маковъ цвѣтъ, какъ соты съ молокомъ, въ дни бѣдствій и войны — безъ страха ратоборца, Перуна кроваво-грозныхъ сѣчъ. Славили князя, краснымъ солнцемъ возсіявшаго своей странѣ, открывшаго Руси великій свѣтъ ученія Христова.

Въ концѣ XVIII вѣка поэты вдохновляются великою эпохою въ жизни Россіи — княженіемъ Владиміра. Херасковъ пишетъ пространную, сказочно философскую поэму въ 15 пѣсняхъ,—цѣлую книгу «Владиміръ Возрожденный». Самъ мистикъ, Херасковъ придаетъ особую выпуклость душевнымъ переживаніямъ Св. Владиміра; его исканія свѣта истинной вѣры онъ облекаетъ въ реальные образы. Имъ пишется еще и трагедія «Идолопоклонники или Гориславa». Другой мистикъ, Ѳ. Ключаревъ, сочиняетъ трагедію «Владиміръ Великій», Княжнинъ — «Владиміръ и Ярополкъ». Полная трагизма борьба съ Ярополкомъ и романическое отношеніе къ Рогнѣдѣ — главное содержаніе.

Въ началѣ XIX вѣка сказанія о Владимірѣ продолжаютъ увлекать поэтовъ. Державинъ пишетъ театральное представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, именуя его «Добрыней». Въ иносказаніи едва чувствуется историческая истина. На основѣ исторіи вымыселъ ткетъ свои яркіе цвѣты. Именемъ славнаго богатыря Добрыни, ближняго князя Владиміра, называется и сочиненіе Львова. Воейковъ, самъ мечтая воспѣть Владиміра, указываетъ и Жуковскому эпоху Владиміра, бывшаго, «русскимъ солнышкомъ, Готфридомъ

или Великимъ Карломъ». Батюшковъ совѣтуетъ ему же: «пиши своего Владиміра!» Жуковскій задумываетъ, вырабатываетъ планъ поэмы, знакомится съ источниками, мечтаетъ о посѣщеніи Кіева, Крыма, но поэма не создается. Пушкинъ ждалъ поэмы о Владимірѣ отъ Гнѣдича; «тѣнь Святослава скитается не воспѣтая,—писали вы мнѣ когда-то,—а Владиміръ?» Рылѣевъ занимается судьбою Рогнѣды въ отдѣльной поэмѣ. Въ 1822 г. князь Вяземскій выразился, что Владиміръ «и послѣ Хераскова еще ожидаетъ себѣ пѣснопѣвца». Пушкинъ въ поэмѣ «Русланъ и Людмила» набрасываетъ легкими штрихами обликъ князя Владиміра. Много позднѣе, гр. Ал. Толстой поетъ крещеніе Владиміра, поетъ князя, русскаго помысломъ и обычаямъ, поетъ пиры его въ стольномъ городѣ Кіевѣ.

Благо родимой Руси и благо подданныхъ всегда на сердцѣ и умѣ держалъ Владиміръ. По словамъ Ключарева, онъ не искалъ войнъ, миръ съ сосѣдями почитая благомъ.

«Я мнилъ, остановя гремящія побѣды,
Когда ницъ пали всѣ строптивые сосѣды,
Здѣсь мирно правя всей россійскою страной,
Безсмертіе обрѣсть, духъ успокоя свой,
Далече расширя концы моей державы.
Не въ бронѣхъ, — въ тишинѣ искалъ прямыя славы;
О благѣ подданныхъ раченіе имѣлъ,
И день, что безъ добра на тронѣ я провелъ,
Считалъ потерянымъ»...

Строгій къ себѣ, онъ сознаетъ великое значеніе праведнаго княженія, безъ пристрастія. «Подъ безпристрастнымъ лишь царемъ незыблимъ тронъ», «нарушить истины законовъ не дерзаю»; «у праведныхъ царей нѣтъ ни родни, ни друга», — восклицаетъ Владиміръ, держа судъ надъ виновными въ пьесѣ Державина «Добрыня». Въ отвѣтъ на льстивыя рѣчи онъ говоритъ: «могущъ лишь только тотъ, себя кто побѣдитъ». Необходимость быть осторожнымъ въ выборѣ пособниковъ къ держанію народа въ добромъ подданствѣ заботитъ его; ему противны лесть и подлое коварство. «Великая душа коварство презираетъ». У Ключарева выведенъ первый бояринъ Студъ, возбудившій на Владиміра и Ярополка, и Рогнѣду. Рѣзко осуждается Владиміромъ предательство. «О, коль несчастливы владѣтели бываютъ, когда предателямъ себя во всемъ ввѣряютъ». Въ трагедіи Княжнина Рогнѣда дѣйствуетъ злыми подговорами, но Владиміръ хочетъ открытаго, честнаго боя.

«Открытою войной пойдемъ мы на врага
И не измѣною, побѣдою сразимъ;
Мы далѣ молніи войну распространимъ,
Отъ грома росского тронъ грековъ потрясется».

Въ это княженіе раздвинулись русскіе предѣлы,—по выраженію Коринфскаго,—

«На весь ненаглядный широкій просторъ,
За степи, за крѣпи лѣсныя.
Вкругъ Солнышка-Князя, что солнца лучи,
Росли богатырскія рати,—
Не смѣли тогда подступить къ рубежамъ
Враги—зарубежные тати».

т. е. не смѣли подступать безнаказанно. Херасковъ именуетъ Владиміра «отважностью, копьемъ и шлемомъ вооруженною». «Опасность страхъ другимъ, конечно бъ, въ мысль вложила, его — идти на страхъ опасность воспламенила». Въ спорѣ боговъ о вліяніи ихъ на Владиміра, Чернобогъ, шумящій бронею, говоритъ, что предъ нимъ преклонялся князь. Готовый даже на единоборство съ врагомъ, чтобы спасти Русь, Владиміръ всегда впереди войска. Описывая бой съ печенѣгами, Херасковъ восклицаетъ: «Владиміръ — какъ Перунъ. Примѣръ Владиміровъ — какъ молнія съ небесъ, ослабѣвающе воспламеняетъ войско. Передъ полками князь, исторгнувъ мечъ,—не вслѣдъ. Какъ левъ предъ ними, самъ подвигнулся впередъ». Личную храбрость князя воспѣваетъ и Державинъ. «Великій князь какъ вѣтръ съ полей сдуваетъ прахъ, отъ града отразилъ такъ бусурмански силы».

Съ большею картинностью описанъ набѣгъ печенѣговъ Пушкинымъ. Кіевъ взволнованъ страшною вѣстью о приближеніи врага. Кіевляне высыпаютъ на городскую стѣну

«И видятъ,—въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой;
Щиты, какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемля черный прахъ,
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ»...

Занимается бой. Волнуясь, текутъ къ городскимъ стѣнамъ печенѣги. Ярость заварившейся сѣчи, біеніе боя чувствуются въ горячихъ строкахъ Пушкина.

«Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались,
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;

Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинутъ булавою;
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою,
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ»...

Славу почитаютъ поэты важнѣйшею страстью Владиміра. «Духъ гордый паче всѣхъ соблазновъ слава льститъ», говоритъ Херасковъ. «Трубила передъ нимъ въ звучащій слава рогъ». Боевое счастье сопутствовало ему и, когда Владиміръ отступилъ отъ кумирства, другіе боги упрекаютъ Чернобога въ постоянномъ къ нему благоволеніи. «Ты самъ, о Чернобогъ, ты самъ тому виною, что онъ гнушается побѣдой и войною, — ты въ браняхъ угождать ему не усыпалъ».

Другая страсть Владиміра въ языческій періодъ, пока еще не былъ онъ «вѣрой озаренъ святою», — женолюбіе. «Отъ славы ко любви, а отъ любви ко славѣ, онъ лавры превращалъ во миртовы цвѣты, то громъ войны любилъ, то женски красоты». «Прикованъ къ роскоши блестящей колесницы, онъ въ лаврахъ шествовалъ подъ знаменемъ любви». Въ бывальщинѣ Коринфскаго о Гориславѣ Владиміръ добываетъ дочь полоцкаго князя войною.

«Да гдѣ жъ мнѣ по сердцу невѣсту найти,
По сердцу-ль, по норову княжему?
И впрямь — не добро мнѣ единому быть,
Безъ солнца — встоскуются пажити,
Безъ любы княгинюшкѣ не любо жить,
А съ немилой — лучше не княжити».
Челомъ бьетъ Добрыня. «Свѣтъ, княже, идти
Заутра намъ къ Полоцку вражьему!»

Полоцкій князь покорился; верхъ взялъ Владиміръ, онъ предлагаетъ возвратить Полоцкъ взамѣнъ Гориславы: «Полоцкъ — твой; княжна — моя!»

Владиміръ вѣритъ въ неколебимую мощь Россіи. Онъ любитъ свою русскую Русь, не унывая въ испытаніяхъ. Ему по сердцу широкій размахъ, развеселая удаль и пиры горой. Ярко сказалось это въ пѣсняхъ гр. А. Толстого:

«Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близь стольнаго Кіева — града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованныхъ чаръ.
И молвитъ Владиміръ: чтожъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ...

Онъ предсказываетъ Руси злыя бѣды, но Владиміръ восклицаетъ:

«За честь нашей родины я не боюсь,
А если бъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Подайте жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ...
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ!!!»

Задушевною любовью вѣетъ отъ строфъ, посвященныхъ Кіеву.

Бенедиктовъ зоветъ Кіевъ величавымъ старцемъ, святымъ труженикомъ. Башиловъ именуетъ купелью православія. Поэтъ славянскаго единенія Хомяковъ славитъ Кіевъ.

«Кіевъ, Кіевъ златоглавый,
Пращуръ русскихъ городовъ,
Озаренъ ты дивной славой,
Славой тысячи годовъ!»

Съ именемъ Кіева воскрешается образъ Владиміра.

«Кіевъ»! — восторженно восклицаетъ Державинъ.

«Во всей подсолнечной межъ городовъ звѣзда.
Ахъ, — столица это Солнышка
Святославича, князя русскаго,
Ахъ, того ли Володиміра!
Сколько башенъ бѣлокаменныхъ?
Сколько златоверхихъ теремовъ!
Словно жаръ они въ печи горятъ!»

Рылѣевъ, въ поэмѣ Наливайко, добавляетъ штрихи къ описанію Кіева временъ Князя Солнышка.

«На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы».

Козловъ вспоминаетъ, что «съ вѣрою святою зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ». Все въ Кіевѣ дышетъ стариною.

«Тамъ витязи сражались удалые,
Могучіе, за родину въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли княжны младыя,
Стыдливыя, въ высокихъ теремахъ,
И пѣлъ Баянъ имъ битвы роковыя...»

Нѣжно чувство къ Кіеву. Это — чувство къ русской старинѣ. Кіевъ, это — Іерусалимъ земли русской, какъ выразился Императоръ Александръ II въ рескриптѣ кіевскому митрополиту.

Озареніе Руси свѣтомъ Христова ученія — великій подвигъ Владиміра.

«Клонился къ вѣчности уже десятый вѣкъ,
Сивиллы древнія — оракулы молчали.
Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали,
Но Кіевъ, истины взирая на лучи,
Дремалъ безбожнаго невѣрія въ ночи».
«Въ чемъ сѣверъ признавалъ священы божества,
То были дѣйствія и свойства естества,
Людскія слабости сердецъ слѣпыя страсти».

Повѣствуетъ Херасковъ.

Два храма особо почитались Владиміромъ:

... «разубранный въ цвѣты
Кумирный храмъ сластолюбивой Лады,
Перуна грозный храмъ, политый кровью жертвъ».

Но Владиміръ пресыщенъ благами жизни. Въ его умъ и сердце вкрадываются сомнѣнія. Внутренній голосъ шепчетъ ему: «на тронѣ силенъ ты, но въ духѣ малъ и слабъ». И Владиміръ, смиряясь сердцемъ, восклицаетъ: «Мнѣ-ль властвовать людьми?» Въ видѣніи убіенный Ярополкъ говоритъ: «кумиры наши мракъ», и съ новымъ рвеніемъ устремляется Владиміръ искать истинную вѣру. Полный томленія, князь молитъ Всевышняго:

«Не знаю, кто Ты есть и гдѣ Ты пребываешь,
Но знаю, что меня къ себѣ Ты призываешь!
Увы, но можетъ ли мнѣ въ грудь проникнуть Богъ —
Се гордости сосудъ, се — роскошей чертогъ».

Всѣ силы жрецовъ и окружающихъ направлены къ удержанію Владиміра въ язычествѣ. Они стараются представить всю опасность перемѣны вѣры, возможность народнаго бунта. А одинъ приближенный говоритъ:

«Туманомъ покровенъ лежитъ на небо путь...
При вѣрѣ той, о, князь, останься, наконецъ,
Котору почиталъ твой предокъ, твой отецъ;
Уже главы у насъ въ кумирствѣ посѣдѣли».

Но язычество отжило свой вѣкъ. Томленіе князя передается всей Руси.

«Въ четырехъ стѣнахъ нашъ князь великій
Проронилъ между друзьями слово
Супротивъ своей неправой вѣры,
А пошло то княжеское слово,
Пронеслось стрѣлой по свѣту Божью».

Такъ пѣлъ Алмазовъ. Князь шлетъ пословъ искать вѣры. Пышный Царьградъ, по словамъ поэта, скрывшагося подъ псевдонимомъ Искры, ихъ дивитъ:

«Диву дивуются русскіе люди;
Издали смотрятъ на чудный Царьградъ;
Счастьемъ невѣдомымъ полнятся груди,
Всякій чему-то несказанно радъ».
«Нѣтъ, не видали мы града такого,—
Въ голосъ рѣшили пришельцы Руси,—
Лучшаго мѣста для счастья земного
Людямъ, должно быть, нигдѣ не найти».

Владиміръ крестится въ Херсонесѣ:

«Сожженная солнцемъ пустыня,
Чуть слышенъ далекій прибой,
Да бѣлая чайка несется...
Вокругъ — и безлюдье, и зной.
Сѣдой стариною здѣсь вѣетъ...
Я вижу, какъ предки-славяне
Пришли и осаду ведутъ».

Утомясь отъ мучительной жажды, сдается въ конецъ Херсонесъ, и крестится князь Володиміръ,

«И проситъ у Бога съ небесъ,
Чтобъ внялъ неумѣлымъ молитвамъ
И далъ бы Руси молодой —
Богатство, спокойствіе, силу,
Побѣду для вѣры святой!»

За княземъ торжественно крестилась Русь въ Кіевѣ. По выраженію Чюминой:

«Сіяли хоругви парчей золотою,
Дымились кадила окрестъ,
Сіялъ вознесенный надъ всею толпою
Въ рукѣ архипастыря крестъ.

Подъ стройное пѣнье церковнаго клира
Свершался крещенья обрядъ,
И кроткимъ сіяньемъ душевнаго мира
Свѣтился Владиміра взглядъ».

Навроцкій пѣлъ:

«И кадильный ладонъ къ небу подымался,
И склонилъ колѣни князь Владиміръ самъ,
А въ Днѣпрѣ широкомъ, въ подневольномъ сборѣ,
Полуобнаженный скучился народъ,
И головъ склоненныхъ дышащее море
Высилось на лонѣ быстротечныхъ водъ.
Тишина... Не слышенъ ни единый возгласъ...
Смутны были взоры, сомкнуты уста.
То крестился Кіевъ, Руси первообразъ,
То онъ облекался вѣрой во Христа».

Особою пѣснью воспѣлъ походъ на Корсунь гр. А. Толстой. Владиміръ у Корсуни. Падаетъ городъ. Но не злата требуетъ князь: желанна рука византійской царевны. Торжественно происходитъ вѣнчаніе. Съ молодой княгиней отплываетъ князь въ родной Кіевъ. Вотъ онъ виднѣется.

«Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье.
Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня».

Владиміръ бодритъ гребцовъ.

«И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ
Владиміръ для новой державы»...

Вѣка пронеслись надъ Русью. Христіанство выработало народную мысль. Много разъ вставала Русь на освобожденіе слабыхъ и угнетенныхъ, на защиту права и справедливости. Полонскій пѣлъ:

«Сіяй намъ, вѣра! Прочь сомнѣнья!
Русь не была бы никогда
Такой великою Россіей,
Когда бъ она была чужда
Любви, завѣщанной Мессіей.
Подъ тяжкимъ игомъ мусульманъ
Безъ насъ забыли бы славянъ,—
Мы жизнь несли на ихъ могилы...
Расшатывая вражьи силы,
Мы не считали нашихъ ранъ!..»

И нынѣ, въ дни великой войны, мы не считаемъ нашихъ ранъ. Мы несемъ жизнь на славянскія могилы. И въ неясной дали грядущаго, близкаго грядущаго, намъ мерещится христіанскій крестъ надъ православною цареградскою Софіею!..

Т. Соколовская.

Русская женщина Двѣнадцатаго года.

Въ заревѣ горящей отчизны рисуется мнѣ женщина Двѣнадцатаго года. На всѣхъ ступеняхъ сословной лѣстницы, отъ царственнаго трона и до низкой горницы крѣпостныхъ дѣвушекъ, одѣтыя въ царственный пурпуръ и въ посконныя рубахи, онѣ кажутся мнѣ похожими другъ на друга; что то родственное есть въ этихъ лицахъ: это — отблескъ любви къ отечеству, разгорѣвшейся въ ихъ сердцахъ и свѣтящейся въ ихъ взорахъ. «Когда врагъ человѣчества, внеся въ мирные предѣлы наши войну, встрѣтилъ въ груди россійскихъ воиновъ оплотъ непреоборимый, увидѣлъ свѣтъ, что русскія жены не уступаютъ своимъ супругамъ, своимъ братьямъ, своимъ сыновьямъ въ любви къ отечеству; сила душевная въ нихъ умножилась».

Честь и благо Россіи, — вотъ чѣмъ полна мысль царственныхъ женщинъ того времени, Императрицы Елисаветы и Великой Княгини Екатерины Павловны. Близкія къ Императору Александру, обѣ онѣ сумѣли поддержать въ немъ твердость духа и вдохновить его на тяжкій подвигъ долгой борьбы.

Въ самый день Бородинскаго боя, Императрица Елисавета сообщала своей Матери: «Мы готовы на все, только не на переговоры; чѣмъ дальше будетъ продвигаться Наполеонъ, тѣмъ менѣе онъ долженъ разсчитывать на заключеніе мира». Черезъ день ея же перо писало: «женщины, у которыхъ всѣ близкіе — въ арміи, считаютъ грозящія имъ опасности — второстепенными и опасаются только мира».

Великая Княгиня Екатерина Павловна, умная и пламенная, пользуясь особымъ расположеніемъ къ ней своего царственнаго брата, горячими строками своихъ вдохновенныхъ писемъ, проникнутыхъ любовью къ Россіи, вливаетъ въ мягкаго и впечатлительнаго Александра Благословеннаго героическую рѣшимость до конца продолжать борьбу съ Наполеономъ. Оставленіе русскими Москвы не повергаетъ ее въ уныніе и вызываетъ у нея замѣчательное письмо Государю: «Москва взята... Есть вещи непостижимыя... Но не забудьте только одного, не забудьте рѣшенія — миръ ни за что! другъ мой, мира не надо!.. Будь вы въ Казани, — миръ ни за что!» Все готова она принести въ жертву отечеству, даже жизнь своего мужа. «Мужъ хочетъ служить, — писала она Государю, — и я отъ всего сердца, отъ всей души хочу того же; это — обязательство для него, какъ для человѣка чести

не опасайтесь Моихъ страданій. Я въ тысячу разъ больше хочу, чтобы Онъ исполнилъ свой долгъ, нежели находился въ бездѣйствіи ради меня въ такой мигъ, когда всякій, у кого есть сердце, долженъ желать служить».

Неустанно, въ цѣломъ рядѣ писемъ Государю, Екатерина Павловна удивительно вѣрно схватываетъ обстановку, всю совокупность грозныхъ обстоятельствъ, настойчиво поддерживаетъ всѣ его благородныя начинанія, дружески преподаетъ ему цѣлый рядъ полезныхъ совѣтовъ. И, быть можетъ, этой царственной женщинѣ, въ которой такъ счастливо сочетались и способность убѣжденія, и правильная оцѣнка всего происходившаго, и ея благотворному вліянію на Вѣнценоснаго Вождя Россіи, исторія въ нѣкоторой долѣ обязана тѣмъ, что война Двѣнадцатаго года не закончилась преждевременнымъ миромъ въ Москвѣ.

Жены побуждали своихъ мужей къ храбрости. Въ беззавѣтной храбрости, въ непоколебимомъ мужествѣ мужей жены не видѣли даже особаго подвига. И могло ли быть иначе въ годину страданія родины?.. Храброму генералу Коновницыну, ни за что почитавшему опасность, спокойному въ пылу битвъ, какъ въ кругу семьи, писала жена его: «единственное ты мое блаженство, знаю, что 48 часовъ сражался и новою славою покрылся, въ чемъ никогда не усомнюсь; иначе не можетъ быть; подкрѣпи лишь тебя Богъ и поддержи Своею десницею; не посрамимся, горько видѣть родину въ такомъ положеніи». Слыша лепетъ четырехъ своихъ малютокъ, она именами ихъ наполняла письма и возбуждала мужа и отца къ подвигамъ за родину.

Напѣвали тихо женщины романсъ «И такъ, любовь должна быть славѣ данью; спѣши, герой, прославься славной бранью; лети къ честямъ».

Время сохранило намъ пожелтѣлые листки дѣвичьихъ дневниковъ и женскихъ писемъ. Вѣетъ отъ нихъ безпредѣльной, трогательной любовью къ родинѣ. «О, какъ глубока, какъ сильна любовь наша. Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ?» вписываетъ въ свой дневникъ Аня Хомутова. «Дай, Боже, силы рыданьямъ, моленьямъ. Покори враговъ!» Та же мысль, тѣ же чувства въ письмахъ поэтессы Волковой: «О, какъ дорога и священна родная земля! Забыть о себѣ надобно! Россія! Россія!..»

Нескончаемымъ цугомъ тянутся кареты семействъ, спасавшихся въ глубь отечества. Скорбныя женщины тщательно чертятъ чернымъ углемъ на стѣнахъ убогихъ постоялыхъ дворовъ послѣднее прости своимъ роднымъ, стоявшимъ въ рядахъ арміи; молодыя дѣвушки вырѣзаютъ вензеля на бѣлыхъ березахъ въ тайной надеждѣ, что, быть можетъ, этою дорогою пройдутъ войска и родные ихъ сердцу воины, быть можетъ, прочтутъ ихъ послѣдній привѣтъ и призывъ къ отвагѣ. И проходили войска, и читали послѣднее прости—«васъ ждетъ слава, и я васъ буду ждать! Будь храбръ и помни обо мнѣ! Хвала борцамъ! Вернись героемъ! Я жду!..»

Горѣла Москва. Но словно жаръ великаго пожара горячилъ кровь женщинъ Двѣнадцатаго года. «Пожаръ Москвы — нашихъ дѣло!» торжество-

вали онѣ. «О, можно гордиться именемъ Россіянки. Вселенная изумится великой жертвѣ. Кто сломитъ того, кто самъ себѣ рубитъ руки? Кто жжетъ свою столицу?..»

Смерть теряла свой блѣдный ужасъ отъ краснаго зарева горящей отчизны, отъ пролитой алой крови ея сыновъ. Смерть становилась высоко желанной. Горѣла Москва, гремѣли бои. Смолкло біеніе тысячи отважныхъ сердецъ и, сливая слезы страданья и благороднаго восторга съ моленьями жаркими за отечество, невѣсты и сестры восклицали: «радуйся! онъ счастливъ, онъ убитъ за спасеніе Россіи».

Ополченіе!.. Кто первый подумалъ о призывѣ ополченцевъ? Первою замыслила ополченіе Великая Княгиня Екатерина Павловна. Въ письмѣ князю Оболенскому, ранѣе 27 іюня, когда впервые Государь высказалъ Барклаю-де-Толли свое намѣреніе созвать всеобщее ополченіе, Великая Княгиня писала: «Я хочу вамъ открыть мысль, которая овладѣла мной. Мысль эта—о призывѣ ополченія! Я увѣрена, не найдется ни одного русскаго, который опозорилъ бы себя стыдомъ не пожертвовать для отечества собою!..»

На свои деньги и подъ личнымъ неустаннымъ своимъ наблюденіемъ Екатерина Павловна учредила въ августѣ 1812 г., въ Твери, баталіонъ въ 800 ратниковъ. Этотъ баталіонъ, первый по мысли учрежденія на защиту отечества за праведное дѣло, далеко не былъ послѣднимъ и въ бояхъ. Въ сраженіяхъ 1813 года баталіонъ потерялъ половину своего состава. Баталіонъ носилъ имя Великой Княгини. Первый московскій ополченецъ, Сергѣй Глинка, восклицалъ: «Екатерина Павловна изъявила желаніе вооружить дружину на берегу Волги, когда еще объ ополченіи никто въ Россіи не думалъ».

Щедрую поддержку ополченскому дѣлу оказала Императрица Марія Ѳеодоровна. Она повелѣла отчислять изъ личныхъ средствъ на ополченіе по 50 тысячъ рублей ежегодно.

Воспитанныя на французскихъ романахъ, преклонявшіяся передъ чаровницей Франціей, законодательницей модъ, изысканнѣе говорившія по-французски, чѣмъ на родномъ языкѣ, молодыя дѣвушки, въ порывѣ увлеченія всѣмъ русскимъ, первыми изгнали изъ салоновъ французскій языкъ и были мило-жестоки. Даже острыя словца нельзя было говорить по-французски, и на забывчивыхъ кавалеровъ налагались денежныя пенни въ пользу ополченій.

Отъ театровъ и баловъ первыми отказались женщины. Бакунина, ходившая съ мужемъ въ Персидскій походъ, записываетъ въ дневникѣ: «не знаю, какъ русскій, гдѣ бы онъ ни былъ, можетъ посѣщать театры». Она возмущается Петербургомъ, гдѣ еще шли французскіе спектакли, и пишетъ: «не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ, ихъ посѣщающихъ. Что же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы — русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ?..» О, въ Москвѣ у насъ уже съ іюня у подъѣздовъ въ театры виднѣются по двѣ кареты, не болѣе. А балы... не мы однѣ, москвичи, забыли балы; изъ Тамбова

пишетъ мнѣ подруга: ни одна дама не показывалась на балу, балы превратились въ мужскія собранія!..»

«Всего болѣе сожалѣю я, что не была мужчиной въ 1812 г.», признавалась Екатерина Павловна, а въ оранжево-зеленыхъ гостиныхъ и розовыхъ столовыхъ старой Москвы юныя дѣвушки, возбужденныя войною, мечтали быть то амазонками, то странницами, готовы были щипать корпіи, взяться за копья. «Развѣ нѣтъ отчизны у женщины?» восклицала поэтесса Волкова. «Развѣ кровь русская не кровь сердецъ нашихъ? Или только рождены мы, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома по канвѣ вышивали пастушковъ, пастушекъ, овечекъ и воркующихъ горлицъ? Развѣ у Маріи посадницы не было смѣлости души? Чѣмъ мы хуже?..» Cathérine Пушкина мечтала о батистовомъ чепцѣ, Anette Трубецкая задумывалась о каскѣ. Эти дѣвичьи грезы стали дѣйствительностью въ тотъ вѣкъ героическаго романтизма. Подъ пылавшимъ Смоленскомъ и въ кровавый день Бородина молодая женщина, лихой кавалеристъ, въ синемъ офицерскомъ колетѣ Литовскаго уланскаго полка, держала въ обнаженной рукѣ саблю и ходила въ атаки. То была нынѣ всѣмъ извѣстная Надежда Андреевна Дурова-Александровъ. «Смоленскъ, — пишетъ Дурова, — опять слышу гулъ пушекъ, грозный, величественный, опять вижу блескъ штыковъ. Мужествомъ душа моя пламенѣетъ. Нѣтъ, нѣтъ, трусъ не имѣетъ души! Черезъ бугры, ямы, какъ бурный вихрь, несетъ меня Зеландъ, горячій конь мой отъ толпы непріятельской. Выбравшись на ровное мѣсто, эскадронъ въ минуту пришелъ въ порядокъ, построился и грозною тучею понесся на непріятеля. Земля застонала подъ копытами ретивыхъ коней, вѣтеръ свисталъ въ флюгерахъ пикъ нашихъ, казалось смерть со всѣми ея ужасами неслась впереди фронта храбрыхъ уланъ. Врагъ догнанъ, разбитъ, разсѣянъ». «Адскій день, — пишетъ она же про Бородинскій бой, — я едва не оглохла отъ дикаго неумолчнаго рева обѣихъ артиллерій; ружейныя пули свистали, визжали, какъ градъ, осыпали насъ, не обращали ничьего вниманія; до нихъ ли было намъ? Эскадронъ нашъ ходилъ нѣсколько разъ въ атаку. Нѣтъ робости въ душѣ моей, и цвѣтъ лица моего ни разу не измѣнялся. Я покойна»...

Дурова вступила на военную службу еще въ 1806 г. Дочь военнаго, выросшая на рукахъ денщика-гусара, съ дѣтства лелѣяла мысль о вольной жизни, наконецъ, 23-хъ лѣтъ, тайно оставляетъ свой домъ, вступаетъ рядовымъ, т. е. товарищемъ въ Коннопольскій полкъ подъ именемъ Александра Васильевича Соколова, проводитъ въ рядахъ этого полка кампанію 1807 г., участвуетъ съ безумною храбростью въ сраженіяхъ и совершаетъ выдающійся воинскій подвигъ спасенія офицера Финляндскаго драгунскаго полка. Но мысль о покинутомъ отцѣ тревожитъ ее. Въ письмѣ открываетъ она мѣсто своего служенія, и отецъ требуетъ возврата бѣжавшей дочери. Начальствомъ она отправлена въ Петербургъ. Дважды она удостоена лич-

нымъ пріемомъ у Государя, милостивой бесѣдой. Горячо молитъ Дурова объ одной только милости, о позволеніи остаться на военной службѣ, и Государь не только не велитъ отослать ее подъ мірный кровъ отца, но производитъ ее въ офицеры. «Когда я перестала молить,—вспоминаетъ Дурова,— Государь минуты двѣ оставался какъ будто въ нерѣшимости; наконецъ, лицо его освѣтилось, и онъ сказалъ: «если только одно позволеніе носить мундиръ и оружіе можетъ быть Вашею наградою за храбрость, — Вы будете имѣть ее!» Я затрепетала отъ радости. Государь продолжалъ: «и будете называться по моему имени Александровымъ... Въ какой полкъ хотите вы быть помѣщены? Я произведу Васъ въ офицеры!» — Отдаюсь на волю Вашу, Ваше Величество, воскликнула я. «Маріупольскій гусарскій полкъ — одинъ изъ храбрѣйшихъ, и корпусъ офицеровъ — изъ лучшихъ фамилій. Я прикажу помѣстить Васъ туда», молвилъ Государь. Такъ Дурова была произведена въ корнеты. Рукою Императора Александра на Дурову надѣтъ георгіевскій крестъ. «Я еще разъ была у Государя, — вспоминаетъ она въ восторгѣ, — «встрѣчена словами: «Мнѣ сказывали, что Вы спасли офицера, отбили его у непріятеля.. Хотя поступокъ Вашъ служитъ самъ себѣ наградою, но справедливость требуетъ, чтобы Вы получили и ту, которая вамъ слѣдуетъ, за спасеніе жизни офицера дается георгіевскій крестъ». Государь взялъ крестъ и своими руками вдѣлъ въ петлицу мундира моего. Я вспыхнула отъ радости и въ замѣшательствѣ ухватила обѣ руки Государя, чтобы поцѣловать ихъ, но Государь не допустилъ». Передъ Отечественною войною Дурова-Александровъ переводится въ ряды Литовскаго уланскаго полка; съ нимъ она—въ Отечественную войну и въ послѣдующія кампаніи.

Въ 1816 г. съ чиномъ штабсъ-ротмистра Дурова оставляетъ военную службу и предается литературной дѣятельности. Въ 1836 г., печатая ея записки, Пушкинъ въ предисловіи къ нимъ писалъ: «Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признаніе женщины, столь необыкновенной, съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ».

Въ преданіяхъ народныхъ живы также имена мстительницъ за смерть родныхъ, за спаленныя деревни, за стоптанныя жатвы. Вилы и косы, топоры и колья обращаются въ смертоносныя орудія въ рукахъ женщинъ. Старостиха Василиса и кружевница Прасковья увлекаютъ поселянъ своею безмѣрною отвагою, выносливостью и разсчетомъ. Василиса приспособилась головы вражескія косить, что твое сѣно, — шумѣла стоустая молва. Взмахнетъ косой, голова долой. О, для ликующаго врага отчизны сердце Василисы не знало жалости. Словно героиня русскихъ лѣтописныхъ сказаній, правитъ она страшныя, кровавыя тризны. Гдѣ силой не взять, беретъ коварствомъ. Врагъ требуетъ хлѣба и брашна, врагъ, на мечахъ коего еще не обсохла кровь убитыхъ односельчанъ... Что онъ, этотъ врагъ, для Василисы, какъ не лютый звѣрь? И она ловитъ его капканомъ коварства.

Поклонами низкими онъ встрѣченъ, накормленъ, напоенъ, обманутъ смиреніемъ и, запертый въ хатахъ, сонный, живьемъ сожженъ. А красавица Прасковья, ураганомъ войны оторванная отъ плетенія бѣлыхъ кружевъ, удалью своею увлекаетъ деревенскихъ парней и дѣвицъ. Безстрашный ея отрядъ, изъ засады полуразрушенныхъ селъ, изъ темныхъ овраговъ, лѣсныхъ чащъ, подстерегаетъ врага, бросаясь на него нежданно, словно рысь, и истребляя его въ одиночку. Но тѣ же кровавыя мстительницы становятся сострадательными женщинами, какъ только врагъ изъ заносчиваго побѣдителя обратился въ замерзшаго, голоднаго, безоружнаго полуплѣнника. Эта нотка состраданія, присущая женщинѣ, способствовала развитію въ Двѣнадцатомъ году благотворительности.

Раненые и увѣчные воины наполняли Россію. Тысячи семействъ осиротѣли, нищета взывала о помощи. Человѣческое горе нашло откликъ въ отзывчивомъ сердцѣ Императрицы Елисаветы. По ея замыслу, 12 ноября 1812 г., въ Петербургѣ основано женское патріотическое общество. Возникаетъ особое училище для осиротѣлыхъ дѣтей; съ годами оно обращается въ Патріотическій Институтъ. Пожертвованій — много, очень много. Нерѣдко жертвователи скрываютъ свои имена. Вотъ отвѣтъ простой женщины-благотворительницы, торговки со Щукина двора. Она принесла сто рублей, съ низкимъ поклономъ подала ихъ и пошла къ дверямъ. Ее остановили и просили принять благодарность и объявить свое имя. «Я не за тѣмъ это сдѣлала, чтобы обо мнѣ знали», сурово отвѣтила жертвовательница, «я — крѣпостная графа Орлова, и этого довольно!..»

Огромная нищета требовала и огромныхъ денегъ. Искренностью дышатъ строки письма Волковой: «Я желала бы владѣть милліонами, чтобы возвратить счастіе милліону людей; смотря на этихъ несчастныхъ, забываешь всѣ свои горести и потери». «Каждый день привозятъ раненыхъ; въ госпиталяхъ не достало корпіи и меня первую посадили за работу, и я работаю цѣлые дни; сердце обливается кровью, когда только и видишь раненыхъ, только и слышишь о нихъ».

Несчетно многимъ раненымъ было извѣстно имя фрейлины Императрицы Елисаветы Алексѣевны Роксаны Стурдзы. О, сколько злосчастныхъ спасла Государыня руками Стурдзы, — читаемъ въ запискахъ современниковъ, — отъ стужи и глада, отъ тяжкихъ ранъ и нищеты ужасающей!..

На упоенномъ кровью полѣ Бородина высится женская обитель, воздвигнутая скорбью женщины, обитель, посвященная памяти убіенныхъ въ брани. Это — первый памятникъ надъ великой братской могилой Двѣнадцатаго года, памятникъ живой, съ непрестанной молитвой отшельницъ. Это — нынѣшній Спасо-Бородинскій монастырь, сооруженный Маргаритой Михайловной Тучковой...

Медленно шли полки, приближаясь къ Смоленску. Храбраго генерала Тучкова провожала его жена Маргарита съ малюткой-сыномъ. Недавній

финляндскій походъ она совершила съ мужемъ, часто скрывая свою бѣлокурую косу и переодѣтая денщикомъ. Но теперь ее удерживаетъ долгъ матери. Передъ Смоленскомъ — послѣдній привалъ, грязная, тѣсная, удушливая изба. Для сна — на полу ворохъ соломы и сѣна. Истомленной долгимъ тяжкимъ путемъ Тучковой снятся зловѣщія, кровью начертанныя слова: «участь твоя рѣшится у Бородина»; и съ этихъ страшныхъ словъ капаютъ капли крови. Ужасъ будитъ ее, но невѣдомо еще никому имя Бородина, и успокоенная, она вновь забывается сномъ, чтобы опять увидѣть тѣ же кровавыя, роковыя слова. Пробудившись въ смертельномъ испугѣ, она говоритъ мужу: «тебя убьютъ при Бородинѣ». На утро она разстается съ мужемъ... Тучковъ палъ смертью храбрыхъ при Бородинѣ...

Темная, холодная, вѣтренная, октябрьская ночь. Грозно въ безмолвіи своемъ поле Бородина. Молодая женщина Маргарита Тучкова ищетъ прахъ своего мужа, пытаясь сквозь тлѣніе угадать дорогія черты. Съ тихой молитвой старый схимникъ свѣтитъ ей. Медленъ ихъ скорбный путь. Громоздятся неубранные трупы страшными холмами; въ сыромъ воздухѣ густой дымъ— на берегахъ Огника пылаютъ костры, сжигаются тѣла павшихъ воиновъ. Но напрасны поиски Тучковой!.. Праха мужа нѣтъ!.. Ея великая любовь перенесла разлуку смерти, и свою жизнь она посвящаетъ молитвѣ и дѣламъ милосердія. Всѣ средства отдаетъ она на созданіе обители, которая быстро растетъ и крѣпнетъ, обращаясь въ Спасо-Бородинскій монастырь, съ Тучковой въ званіи игумені.

Прошло 27 лѣтъ. На батареѣ Раевскаго Императоръ Николай I открывалъ памятникъ и, приглашая на это славное торжество Маргариту Тучкову, писалъ: «пріѣзжайте, мы помолимся вмѣстѣ, нашу молитву услышитъ Богъ». Государь встрѣтилъ Тучкову словами: «кланяюсь вашему превосходительству, грустенъ для васъ этотъ великій день; раздѣляю вашу скорбь, да поможетъ вамъ Богъ». Обратившисъ къ свитѣ, Государь сказалъ: «вотъ почтенная вдова генерала Тучкова; она предупредила меня воздвигнуть здѣсь безсмертный памятникъ».

Скованная общественнымъ укладомъ тогдашней жизни, русская женщина Двѣнадцатаго года была ограничена въ своихъ стремленіяхъ и не могла развернуть во всей широтѣ свою дѣятельность. Однако, кромѣ вождей, вѣнчанныхъ славою Двѣнадцатаго года, кромѣ воиновъ, сложившихъ свои головы за честь и въ защиту родины, потомство должно съ признательностью вспомнить и русскую женщину сто лѣтъ назадъ, — эту благословляющую мать, самоотверженную супругу и вдохновляющихъ на подвиги невѣсту и сестру [1]).

Т. Соколовская.

---

[1]) Настоящій докладъ былъ прочитанъ на торжественномъ засѣданіи общества въ память Отечественной войны и дважды повторенъ передъ военнымъ учащимся юношествомъ въ залѣ I-го Кадетскаго Корпуса въ 1914 г. *Ред.*

Мелкія рѣчи.

По случаю Всемилостивѣйшаго пожалованія Обществу званія Императорскаго.

Мы выслушали сообщеніе Его Свѣтлости. Къ сказанному позволяю себѣ присоединить мое небольшое слово.

Итакъ, отнынѣ — мы члены Императорскаго Общества.

Въ настоящій, высокоотрадный день мы должны съ особою признательностью вспомнить лицъ, которыя обратили наше молодое Общество въ жизнеспособное цѣлое и которымъ мы обязаны столь исключительною милостью.

Вспомнимъ тѣхъ ораторовъ, которые съ этой каѳедры произносили свои доклады и рѣчи. Эти доклады оживлялись обмѣномъ мнѣній при участіи многихъ членовъ нашего Общества. Съ признательностью вспомнимъ также сочленовъ, любезно давшихъ свои статьи для перваго тома нашего Вѣстника. Счастливъ, что на мою долю выпала работа по редактированію этого тома. Наконецъ, теплое слово нужно сказать о прессѣ, которая всегда сочувственно относилась къ нашей дѣятельности, усердно реферировала наши доклады и носила неизмѣнно дружелюбный характеръ.

Дабы оцѣнить все значеніе пожалованнаго Обществу почетнаго званія, необходимо принять во вниманіе, что въ Петроградѣ лишь немного болѣе десяти ученыхъ Обществъ пользуются наименованіемъ Императорскаго; притомъ Общества эти относятся къ различнымъ отраслямъ научнаго знанія. Есть многія Общества, старшія насъ по возрасту, но однако еще неудостоенныя этою милостью. Притомъ награда, нами полученная, усугубляется тѣмъ, что она дарована не по случаю какого-либо юбилея или торжества.

Награда намъ дана большая. Но мы не возгордимся. Попрежнему будемъ пытливо вникать въ судьбы минувшаго, съ цѣлью лучшаго пониманія настоящаго и опредѣленія будущаго. Станемъ усердно разрабатывать событія прошлаго, какъ бы мелки ни казались иногда эти событія, ибо для историка нѣтъ мелочей. Станемъ бодро встрѣчать равнодушіе къ нашему дѣлу и пресѣкать — по счастью рѣдкое — недоброжелательство. Пойдемъ

дружно впередъ, ибо всѣхъ насъ соединяетъ въ одно прочное цѣлое благородная любовь къ старинѣ.

Въ настоящіе боевые дни, когда гремятъ громы боевой грозы, насъ не должна смущать мысль о мнимой безполезности или несвоевременности нашихъ занятій. Наоборотъ. Сосредоточимъ мысль на нашей работѣ, проникнемся взглядомъ, что сплоченная общественная организація теперь весьма полезна и даже необходима: каждая организація куетъ психику извѣстнаго кружка лицъ, а психика тыла питаетъ психику арміи.

Царская милость — велика. Да содѣлаемся мы достойными этой милости и да оправдаемъ ее нашею работою во всей полнотѣ. За судьбу же нашего Общества мы можемъ быть впредь спокойными: оно будетъ жить въ долготу дней!..

Памяти преподобнаго Нестора Лѣтописца.

Въ дни боевой грозы — не до юбилеевъ, и подъ громъ пушекъ прошелъ почти незамѣченнымъ день кончины преподобнаго Нестора Лѣтописца, памятный особенно для всѣхъ русскихъ историковъ и ревнителей исторіи. Такъ какъ Несторъ причисленъ къ лику святыхъ, то мы лишены возможности почтить его память обычнымъ свѣтскимъ способомъ — вставаніемъ и должны ограничиться нѣсколькими памятными словами.

О личности Нестора существуетъ цѣлая литература. Писали о немъ корифеи русской исторической науки. Его біографія, считавшаяся прежде непреложной, подверглась тщательной исторической критикѣ. Теперь можно съ увѣренностью сказать лишь, что Несторъ былъ инокомъ Кіево-Печерскаго монастыря, прибывъ сюда при игуменѣ Стефанѣ, который его постригъ и возвелъ въ діаконы. При торжественномъ открытіи мощей преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго Несторъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Кончина его пріурочивается къ 27 октября 1114 г., и такимъ образомъ третьяго дня истекло этому событію 800 лѣтъ. Мощи его почиваютъ въ ближнихъ Антоніевыхъ пещерахъ Кіево-Печерскаго монастыря.

Перу Нестора принадлежатъ:

1) Житіе Бориса и Глѣба,

2) Житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго,

3) Лѣтопись.

Главное произведеніе — Житіе Ѳеодосія. Оно ясно говоритъ о большой начитанности и выдающейся образованности автора; въ немъ — хорошій языкъ, занимательное изложеніе и очень небольшая примѣсь добрословія, которыми наполнены позднѣйшія житія.

О лѣтописи и отношеніи къ ней Нестора было высказано много научныхъ сужденій. Повидимому, нужно остановиться на томъ, что въ лѣтописный сводъ, т. е. въ такъ называемую повѣсть временныхъ лѣтъ, вошелъ

цѣлый рядъ замѣтокъ и статей по исторіи Кіево-Печерской обители, или Печерская лѣтопись. Вотъ въ составленіи этой именно Печерской лѣтописи принялъ непосредственное участіе Несторъ.

Память о преподобномъ Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, для насъ, ревнителей исторіи, весьма дорога. Сквозь даль вѣковъ видится намъ трудящійся инокъ-историкъ, согбенный надъ хартіями. Сквозь грани прошлаго зоветъ онъ насъ къ письменному труду, къ бытописанію, давая примѣръ вдумчиваго, сознательнаго отношенія къ проходящимъ событіямъ. Не всѣмъ дано дѣлать исторію, но всѣ являются ея очевидцами-свидѣтелями. И не существовало бы исторіи, какъ науки, если бы кромѣ лицъ, активно участвующихъ въ событіяхъ, не было бы и такихъ лицъ, которыя событія современной жизни, безпрерывно текущей въ океанъ забвенія, не оставляли въ памяти потомства занесеніемъ ея въ письменные акты.

Въ нашемъ обществѣ установился хорошій обычай откликаться на юбилейныя, общественныя событія. Да не оставимъ мы этого обычая и сегодня. Въ Кіевѣ существуетъ особое общество, называемое обществомъ въ память Нестора-Лѣтописца. Дабы внѣшнимъ образомъ выразить наше особое уваженіе къ памяти преподобнаго Нестора, позвольте предложить собранію — отправить въ кіевское историческое общество, носящее наименованіе нашего лѣтописца, телеграмму отъ нашего общества.

Памяти Императора Александра III.

Наше засѣданіе сегодня посвящено памяти Императора Александра III.

Входитъ ли дѣятельность этого Монарха въ поле зрѣнія нашего общества, историческаго по своему характеру? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Правда, мы являемся почти современниками Императора Александра III. Еще нѣтъ полныхъ семи десятилѣтій со дня его рожденія; еще не истекло двухъ десятилѣтій съ того дня, какъ его царственный прахъ сокрыла гробница. И тѣмъ не менѣе его дѣятельность вполнѣ вошла въ полосу исторіи и можетъ быть разсмотрѣна въ перспективѣ минувшихъ событій.

Объясняется это, конечно, прежде всего тою высочайшею ступенью, которую на лѣстницѣ человѣческой жизни занималъ Императоръ Александръ III, какъ Самодержецъ. А затѣмъ въ рядъ историческихъ личностей вдвигаютъ этого Государя его крупныя заслуги передъ отечествомъ. Достаточно вспомнить хотя бы созданіе имъ франко-русскаго согласія, перешедшаго вскорѣ въ союзъ, который, перекинувъ арку надъ германскими племенами и связавъ насъ съ прекрасной Францей, отодвинулъ на десятилѣтія ужасы огромной войны. Мощный и твердый, спокойный и правдивый, Императоръ Александръ III былъ поистинѣ Державнымъ Хозяиномъ своей земли, понимавшимъ необходимость для нея бережливости, спокой-

ствія, накапливанія силъ отъ мирнаго труда. Ничего фееричнаго, ничего апоѳеознаго, а между тѣмъ какое мудрое, какое *историческое* царствованіе!..

Дальнѣйшіе ораторы освѣтятъ передъ вами дѣятельность Императора Александра III по различнымъ отраслямъ. Я же въ настоящемъ своемъ словѣ позволю себѣ указать на одну черту, близкую намъ, ревнителямъ исторіи. Императоръ Александръ III прекрасно зналъ русскую исторію, любилъ ее и понималъ, былъ проникнутъ ею. Самобытный по своей природѣ, вполнѣ русскій по духу, онъ былъ ученикомъ историка Соловьева и Буслаева, и область русской исторіи какъ нельзя болѣе подходила къ величавому облику этого Монарха. Любимымъ его чтеніемъ были историческіе романы. Еще Цесаревичемъ онъ является учредителемъ и первымъ предсѣдателемъ русскаго историческаго общества, нынѣ Императорскаго. Точно также, будучи Цесаревичемъ, онъ стоялъ во главѣ комитета, собравшаго и издававшаго записки участниковъ Севастопольской страды. Возвѣщая объ этомъ изданіи, Цесаревичъ излагалъ: «Распространеніе въ народѣ вѣрнаго пониманія славныхъ страницъ по исторіи есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его нравственнаго воспитанія». И къ этому Цесаревичъ присовокуплялъ: «Одно лишь условіе должно быть свято соблюдено— истина!» Какая полнота въ понятіи исторіи, искательницы правды, равно далекой и отъ мрачнаго памфлета, и отъ слащаваго панегирика!..

Наконецъ, нужно упомянуть, что въ 1879 г. послѣдовалъ приказъ Цесаревича по гвардейскому корпусу, въ которомъ изложено: «значеніе исторіи войнъ понятно всякому военному. Она доставляетъ лучшіе уроки для будущаго... Изъ примѣровъ прошлаго молодежь пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе къ своей части и рвеніе къ подвигамъ въ будущихъ войнахъ». Съ тѣхъ поръ эти слова сдѣлались ходячими въ полковой исторіографіи и часто берутся въ эпиграфы къ полковымъ исторіямъ. Зная же, что каждое печатное изданіе требуетъ средствъ, Императоръ Александръ III въ 1882 г. установилъ отпускъ отъ казны денежныхъ пособій на печатаніе полковыхъ исторій.

Итакъ, памятуя незабвенныя заслуги Императора Александра III и его покровительство историческимъ знаніямъ, приступимъ къ слушанію рѣчей нашихъ ораторовъ.

М. В. Ломоносовъ.

Четыре дня тому назадъ исполнилось полтора вѣка съ тѣхъ поръ, какъ скончался Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Всѣмъ намъ съ дѣтства извѣстна его сказочная жизнь, извѣстно его непреоборимое стремленіе къ свѣту научнаго знанія. Насъ поражаетъ чудесное превращеніе сына неграмотнаго помора въ ученаго академика. Подумать только: вѣдь это случилось въ вѣкъ вельможъ, когда такъ трудно

было людямъ низшаго состоянія выдти на широкую дорогу. Тѣмъ болѣе славы Ломоносову, его темпераменту, его горячему уму...

Краса русской науки, онъ неоднократно разсматривался съ разныхъ сторонъ, на различныхъ юбилеяхъ. Славили его много, и даже сухія рѣчи строгихъ жрецовъ науки не могли не сбиваться на панегирики. Я въ нашемъ обществѣ считаю возможнымъ ограничиться только краткимъ словомъ.

Многогранна была научная дѣятельность Ломоносова. Физикъ, химикъ, метеорологъ, астрономъ, литераторъ, филологъ, піита, историкъ,—во всѣхъ областяхъ онъ былъ большимъ человѣкомъ. Правда, въ тотъ вѣкъ отсутствовало строгое обособленіе научныхъ отраслей и въ каждой отрасли было накоплено сравнительно небольшое количество познаній. Однако Россія знаетъ только одного Ломоносова. Онъ—единственный!..

По словамъ академика Меншуткина, геній Ломоносова опередилъ свой вѣкъ. Химики—русскіе и чужеземные—преклоняются передъ его тѣнью. Въ русскомъ литературномъ языкѣ онъ совершилъ крупныя преобразованія. Какъ литературный дѣятель, онъ первый изъ русскихъ поэтовъ представилъ въ апоѳеозѣ человѣка. Его борьба съ тьмой невѣжества, его вѣра въ мощь разума, его преклоненіе передъ мудростью земли, его стремленіе къ свѣту, къ свободѣ жизни и творчества дѣлаютъ его нашимъ первымъ гуманистомъ. Солнцу, прогоняющему тьму, слагаетъ онъ торжественный гимнъ въ своемъ «Утреннемъ размышленіи о Божьемъ величіи»; этотъ гимнъ напоминаетъ вдохновенный привѣтъ Пушкина: «да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!» По выраженію проф. Сиповскаго, Ломоносовъ—основное звено въ той великой цѣпи, которая соединяетъ XVII вѣкъ съ XIX-мъ. Онъ стоитъ на прямомъ пути отъ Петра до Пушкина. Оттого слава его незыблема.

Таковы заслуги этого свѣточа русской науки,—заслуги безспорныя и—я бы сказалъ—абстрактныя, внѣ отношенія къ какому-нибудь данному времени.

Но люди всегда вносятъ въ измѣреніе былыхъ дѣятелей настроеніе данной минуты и толкуютъ ихъ съ точки зрѣнія переживаемаго момента. Эта склонность къ разсмотрѣнію минувшихъ дѣятелей въ условіяхъ современности, быть можетъ, и ошибочна. Но тутъ нужно считаться съ нашею психологическою потребностью.

И если этотъ же самый пріемъ примѣнить къ Ломоносову, то получаются весьма любопытные выводы.

Въ настоящіе дни мы переживаемъ великую войну. Даже не арміи воюютъ другъ съ другомъ. Цѣлые народы выступаютъ въ борьбу. Мы являемся свидѣтелями и участниками не только общеевропейской войны, а великой общемірової борьбы народовъ. Насъ гнететъ германское засилье. Намъ невыносимъ сталъ наглый германецъ съ его духовными и экономическими оковами, съ его стремленіемъ властвовать и первенствовать. Мы желаемъ сбросить эти ненавистныя оковы. Это же самое желалъ провести

и Ломоносовъ въ области академической, научной. Академія Наукъ въ его время была захвачена чужеземцами. Ломоносовъ, человѣкъ русскій, желаетъ пробить брешь въ этой стѣнѣ иностранщины. Онъ проситъ Академію назначить его профессоромъ; надменные жрецы науки изъ чужеземцевъ снисходительно назначаютъ его только адъюнктомъ,—все-таки рангомъ ниже. Ломоносовъ борется съ чужеземцами. Его увлекаетъ то русское направле-

Памятникъ М. В. Ломоносову.
(По фотографіи А. Т. Лебедева).

ніе въ движеніи русскаго общества, которое возвело на россійскій престолъ дочь Петра Великаго Елисавету и закончило, выражаясь фигурально, масленицу нѣмцевъ, ибо преторіанскій актъ лейбъ-кампанцевъ былъ по существу русскимъ національнымъ протестомъ противъ иностраннаго засилія. Ломоносовъ, повторяю, борется за русское дѣло. Наука, конечно, интернаціональна, но ея служители могутъ вести русскую или нерусскую политику. За нее-то и всталъ Ломоносовъ. Къ прискорбію, это могучее заступ-

ничество Ломоносова за русскую самостоятельность не всегда понималось правильно. Нѣкоторые его біографы, даже въ торжественныхъ юбилейныхъ рѣчахъ, эту благородную борьбу Ломоносова съ иностраннымъ научнымъ засиліемъ называютъ «скандалами» и низводятъ его на роль какого-то безшабашнаго бурши. Но мы, борющіеся съ германскимъ засиліемъ, понимаемъ Ломоносова и не только не заклеймимъ его кличкою какого-то, извините, скандалиста, но съ благодарностью помянемъ его борьбу, понимая ея основу. А насколько борьба была нелегка для Ломоносова видно изъ того, что большую часть 1743 года Ломоносову пришлось просидѣть подъ арестомъ, а затѣмъ еще и униженно просить прощенія у академиковъ и полгода получать половинное жалованье. Эту борьбу съ чужеземцами упомянулъ въ кантатѣ «На 200-лѣтіе со дня рожденія М. В. Ломоносова» Августѣйшій поэтъ К. Р., почетный членъ нашего общества:

«У престола сойдясь въ тѣ года,
Чужеземцы гнушалися нами.
Весь отдался онъ жизни труда
И упорной враждѣ со врагами».

Про чужеземное засиліе того времени пѣлъ и другой поэтъ—Майковъ. Говоря про иноземцевъ, Майковъ пѣлъ, что

...«Пробираясь ловко къ цѣли,
Они надъ русскою землей
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной;
И средь смятенія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ руку къ бармамъ Мономаха
Курляндскій конюхъ простиралъ!»

Наконецъ, Полонскій называетъ Ломоносова борцомъ

«Съ толпою пришлецовъ, принесшихъ въ край нашъ темный
Корысть и спѣсь учености наемной».

Любовь ко всему русскому Ломоносовъ проявилъ и на русскомъ языкѣ. Въ посвященіи своей грамматики, онъ писалъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій не токмо обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ». Сказано это было въ то время, когда, по выраженію Ломоносова, многіе природные россіяне «больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему, трудовъ прилагали». «Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ». Поэтъ Розен-

геймъ, указывая на значеніе Ломоносова въ исторіи русскаго языка, писалъ, что его трудами русскій языкъ

«Окрѣпъ, украсился, расцвѣлъ,
И стыдно, стыдно намъ старинный
Теперь обычай сохранять,
И на чужой его въ гостинной
Иль въ академіи мѣнять...
Пора позорное юродство
Покинуть это цѣликомъ:
Въ Россіи чуждаго господства
Мы не хотимъ нигдѣ, ни въ чемъ».

Крѣпкая любовь къ родинѣ,—вотъ черта Ломоносова, знаменательная для нашихъ дней. У него одна мысль—это мысль о Россіи. Нѣтъ у него и другого героя, кромѣ Петра Великаго. Петръ, по его выраженію,

«Россію, варварству попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ».

Муза Ломоносова не играетъ на мягкихъ струнахъ лиризма. Онъ весь въ героическомъ паѳосѣ, въ паѳосѣ горячей любви къ отечеству. Онъ приглашаетъ своихъ сородичей показать,

«Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать».

Россія только что выдержала великую сѣверную войну. Сильный сѣверный сосѣдъ былъ сломленъ. Военными побѣдами Россія вышла на широкій путь первокласснаго государства. Но Европа еще съ пренебреженіемъ относилась къ Россіи: представители захудалыхъ державъ пользовались при пышномъ дворѣ Людовика XV, задававшемъ тонъ всей Европѣ, все еще большимъ почетомъ, чѣмъ представитель Россіи. Это оскорбляло русскихъ. Отсюда и радость Ломоносова русскимъ побѣдамъ Россіи его времени. Первая его ода—на взятіе Хотина. Въ одѣ на побѣду при Кунненсдорфѣ Ломоносовъ ликуетъ, что Россія, наконецъ, достигла почетнаго положенія въ Европѣ и бранное счастье сопутствуетъ ей на поляхъ средней Европы.

Но было бы неосторожно заподозрить Ломоносова въ крайней воинственности, въ шовинизмѣ. Если въ наши дни мы ведемъ ужасную, тяже-

лую войну во имя благородныхъ благъ мира, если мы теперь боремся противъ германскаго милитаризма, какъ системы, дѣлающей невозможнымъ культурное существованіе, то и Ломоносовъ понималъ войну крайнимъ средствомъ достиженія мира. Самодовлѣющей цѣли у войны онъ не признавалъ. Побѣды русскаго оружія его радуютъ, какъ приближающія къ людямъ миръ. Отъ нихъ онъ ждетъ установленія «возлюбленной тишины, царей и царствъ земныхъ отрады, блаженства селъ, градовъ ограды», ибо,— говоритъ онъ Елисаветѣ:

«*Воюетъ* воинство твое *противъ войны,*
Оружіе твое Европѣ *миръ приводитъ*».

Любовь къ Россіи сближаетъ Ломоносова съ Петромъ Великимъ. Могучими усиліями Петра Великаго Россія внезапно возстала изъ небытія. Европа изумилась и устрашилась. Съ трепетомъ вперила она свой пораженный взоръ въ невѣдомаго дотолѣ, сѣвернаго великана. На безсмертныхъ полтавскихъ поляхъ геній Россіи помѣрился съ геніемъ запада. Побѣдила Россія. Недавній ученикъ поборолъ учителя и выросъ въ собственныхъ глазахъ. Русское чувство выростало неудержимо. Росла народная гордость. Углублялась любовь къ родинѣ. Россіи нуженъ былъ могучій, широкій геній, способный воплотить въ громозвучномъ поэтическомъ словѣ и геройскій паѳосъ вѣка, и возрожденное отечество, торжествующее въ своихъ внѣшнихъ побѣдахъ и въ крупнѣйшихъ внутреннихъ преобразованіяхъ. И тутъ Провидѣніе послало Россіи—великаго Ломоносова.

Полтора вѣка назадъ смежилъ свои очи богатырь земли русской. Изъ народныхъ низинъ, гдѣ доселѣ лежитъ такъ много умственнаго и духовнаго богатства, вышелъ онъ и своимъ геніемъ озарилъ всю Россію, обезсмертилъ свое имя и сталъ предметомъ вѣчной гордости всего великаго русскаго народа! Да живетъ въ долготу вѣковъ имя этого русскаго свѣточа, этого исполина мысли, слова и русскаго достоинства!..

Князь П. М. Волконскій.

Кн. Волконскій былъ другомъ Благословеннаго Монарха: въ день коронованія Императора Александра I, имѣя всего 25 лѣтъ, онъ получилъ званіе генералъ-адъютанта.

При Аустерлицѣ, 20 ноября 1805 г., онъ выказываетъ личную храбрость, троекратно сбираетъ разсѣянные ряды Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ, бросается впередъ на врага со знаменемъ въ рукѣ и награждается орденомъ св. Георгія 3 кл.

Послѣ пышныхъ празднествъ Тильзита, въ которыхъ онъ принималъ видное участіе, онъ отправляется въ продолжительную командировку во Францію для изученія тамъ вопроса о генеральномъ штабѣ. По возвра-

щеніи въ Россію онъ является преобразователемъ русскаго генеральнаго штаба.

Въ тяжелую, но славную годину Отечественной войны Волконскій сопровождаетъ Государя въ его путешествіяхъ—въ Вильну, Москву, Петербургъ, Финляндію, а когда Царево сердце обливается горечью глубочайшей обиды за оставленіе первопрестольной Москвы, онъ—и никто другой—отправляется царскимъ посланцемъ къ арміи и передаетъ Кутузову запрещеніе писать и говорить о мирѣ. При русской арміи Волконскій остается до Березины и видитъ гибель остатковъ великой арміи Наполеона.

Съ 28 декабря 1812 г.—онъ начальникъ штаба у Кутузова, а съ 20 мая 1813 г.—у самого Государя. По этой отвѣтственной, сложной должности на плечи Волконскаго пала огромная работа. Но онъ справился съ нею блестяще. По мѣткому выраженію Михайловскаго-Данилевскаго, «Волконскій занималъ при Императорѣ Александрѣ должность, которую исправлялъ маршалъ Бертье при Наполеонѣ. Но положеніе обоихъ было различно. Бертье поступалъ съ французскими и союзными имъ генералами именемъ грознаго Наполеона, требуя слѣпого, безпрекословнаго исполненія и повиновенія, а князь Волконскій долженъ былъ дѣйствовать на иностранныхъ полководцевъ доводами, соглашать ихъ нерѣдко просьбами и потомъ безмолвствовать, когда слава провозглашала какой-нибудь частный подвигъ, вызванный Волконскимъ же въ душѣ тѣхъ самыхъ людей, которые незадолго передъ тѣмъ спорили съ нимъ и были непреклонны».

1814-й годъ, нынѣ юбилейный, особенно памятенъ въ многополезной жизни кн. Волконскаго. Въ мартѣ этого года ему удается развить планъ смѣлаго движенія на Парижъ, которое закончило борьбу съ Наполеономъ. Слава кампаніи 1814 года принадлежитъ Императору Александру I, который имѣлъ въ своихъ рукахъ верховное предводительство арміями, и князю Волконскому, начальнику его штаба. За отличіе въ 1814 г. Волконскій награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст.

Послѣ окончанія войны, вплоть до 1823 г., Волконскій былъ начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества и занималъ въ русской арміи первенствующее положеніе, такъ какъ въ то время ему былъ подчиненъ даже военный министръ.

Въ 1825 г. Волконскій былъ одинъ изъ немногихъ свидѣтелей кончины Императора Александра въ далекомъ Таганрогѣ. При Императорѣ Николаѣ I Волконскій занималъ въ теченіе свыше 25 лѣтъ постъ министра Императорскаго Двора. За это время онъ удостоился самыхъ высокихъ наградъ: былъ пожалованъ титуломъ свѣтлости, назначенъ шефомъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка и 3 гренадерской роты л.-гв. Семеновскаго полка, а въ 1750 г. былъ пожалованъ высшимъ военнымъ чиномъ—генералъ-фельдмаршала. Этою послѣднею наградою Императоръ Николай I указалъ на необходимость считать князя Волконскаго въ спискахъ самыхъ высшихъ, выдающихся чиновъ русской арміи.

Да возстанетъ же предъ нами обликъ генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Волконскаго, этого виднаго свидѣтеля и крупнаго участника грозныхъ военныхъ бурь, которыя пронеслись надъ Европой сто лѣтъ тому назадъ! Да сохранится навѣки въ доблестной русской арміи его имя! Такъ должно быть, ибо военная слава не умираетъ!

Къ 145-лѣтію ордена храбрѣйшихъ.

Мы ведемъ теперь великую войну. Умѣстно хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ напомнить исторію ордена Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца.

Орденъ учрежденъ 26 ноября 1769 г. Завтра исполняется ему 145 лѣтъ. Въ *побѣдоносный* вѣкъ Екатерины Великой появленія ордена въ честь *Побѣдоносца* является вполнѣ естественнымъ. Въ это именно время боевая лѣтопись Россіи украсилась именами Ларги и Кагула, Рымника и Очакова, Измаила и Праги. Полководцамъ давались прозвища въ память побѣдъ — Задунайскій, Рымникскій, Таврическій, Крымскій, Чесменскій.

Однако вначалѣ орденъ Георгія жаловался не только за боевыя отличія, но и за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ и выполненіе 18 морскихъ кампаній. Такой порядокъ продолжался до 1855 г., когда орденъ Георгія обратился въ награду исключительно за боевые подвиги.

Въ послѣднее время, незадолго до войны, былъ введенъ новый георгіевскій статутъ. Въ него включенъ случай посмертнаго награжденія орденомъ, что имѣетъ большое моральное значеніе; въ настоящую войну нѣсколько разъ орденомъ Георгія были награждены убитые герои.

Къ ордену Георгія сопричисляются: георгіевское оружіе, ранѣе называвшееся золотымъ, георгіевскій крестъ для нижнихъ чиновъ и георгіевская медаль. Георгіевскій крестъ раньше назывался довольно витіевато знакомъ отличія военнаго ордена. Учрежденъ 13 февраля 1807 г. Этимъ орденомъ награждались нижніе чины исключительно за боевые подвиги. До 1856 г. существовала всего одна степень, но обиліе подвиговъ въ Восточную войну, когда одинъ Севастополь выдвинулъ сотни сѣрыхъ героевъ, вызвало необходимость учредить четыре степени этого ордена.

Наивысшая степень Георгія — первая. Эта выдающаяся награда за 145 лѣтъ была пожалована всего 23 лицамъ. Въ числѣ нихъ мы находимъ съ дѣтства знакомыя имена — Румянцева, Суворова, Потемкина, Кутузова, Барклая-де-Толли... Послѣднимъ получилъ первую степень Георгія Великій Князь Николай Николаевичъ (Старшій) за взятіе Плевны въ 1877 г. Такимъ образомъ, если произойдетъ въ настоящую войну пожалованіе Георгіемъ 1-й степени кого-нибудь изъ полководцевъ, то тѣмъ самымъ наши дни будутъ связаны съ памятью Августѣйшаго Родителя нынѣшняго Верховнаго Главнокомандующаго [1]).

---

[1]) Читано въ 1914 г., когда Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ. *Ред.*

Изъ 23 кавалеровъ 1-й степени было 8 иностранцевъ, изъ нихъ 3 австрійца и 2 пруссака. Это были: австріецъ Шварценбергъ и пруссакъ Блюхеръ — за войну за освобожденіе Германіи, австріецъ Радецкій — въ 1848 г. за взятіе Милана, австрійскій эрцгерцогъ Альбертъ въ 1870 г. Наконецъ, прусскому королю Вильгельму I была пожалована 1-я степень Георгія въ день столѣтія ордена. Причиною было выставлено то, что Вильгельмъ имѣлъ уже 4-ю степень ордена за отличіе, оказанное въ 1814 г. Причина пожалованія первой степени была выставлена съ явною натяжкою.

Во второй степени Георгія мы видимъ тоже довольное число иностранцевъ. Въ 1870 г., когда мы не вели никакой войны, состоялось однако 4 случая награжденія Св. Георгія 2-й степени. Все это были германцы, награжденные за отличіе противъ французовъ.

Георгіемъ 2-й степени былъ награжденъ нашъ народный герой, полководецъ, Суворову равный, незабвенный Скобелевъ, за покореніе Ахалъ-Теке. Это былъ послѣдній кавалеръ Георгія 2-й степени почти до нашихъ дней. Въ настоящую войну этимъ орденомъ награждены ген.-ад. Рузскій и Ивановъ [1]). Такимъ образомъ, тутъ мы связываемся съ памятью о Бѣломъ генералѣ.

Крыло его боевого счастья рѣетъ надъ нами. Будемъ же крѣпко вѣрить, что оно сулитъ намъ побѣду!..

Подвигъ Архипа Осипова.

Наша мысль поглощена нынѣшней великой войной. На нашемъ языкѣ имена новыхъ героевъ — Панасюка, или летчика Нестерова, о которомъ прочтетъ свои стихи Е. П. Аврамовъ. Но мы, ревнители исторіи, должны не забывать и старыхъ героевъ. А недавно, 22 марта, исполнилось 75 лѣтъ со дня геройскаго подвига Архипа Осипова. Мы пропустили этотъ юбилей, вспомнимъ о немъ теперь.

Въ тѣ годы Кавказъ не былъ еще замиренъ. Шла упорная, горная война. Кавказская армія дарила Россіи чудные подвиги;—и это въ то время, когда во всей остальной русской арміи шла бездушная, плацпарадная муштра. На Кавказѣ бережно сохранялся свѣточъ истиннаго военнаго духа. На Кавказѣ получилъ свой боевой опытъ Милютинъ, этотъ воинъ-гражданинъ. Тамъ достигъ графскаго титула Евдокимовъ, вышедшій изъ народа. Тамъ, въ Двѣнадцатомъ году, обезсмертилъ свое имя генералъ Котляревскій, сынъ скромнаго священника. Тамъ, наконецъ, былъ знаменитый Архипъ Осиповъ.

Михайловское укрѣпленіе защищалось всего нѣсколькими ротами. Ночь на 22 марта 1840 г. выдалась особенно темная. Бушевало море; ревѣлъ сильный вѣтеръ. Съ разсвѣта одиннадцать тысячъ горцевъ повели

---

[1]) Читано въ 1914 г. Нынѣ къ этимъ лицамъ нужно присовокупить бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича и генерала Юденича. *Ред.*

жестокую атаку. Русскіе изнемогали; ружья накаливались отъ выстрѣловъ; укрѣпленіе пылало.

Но тутъ въ умѣ Осипова созрѣло рѣшеніе привести въ исполненіе давно задуманное дѣло — взорвать вмѣстѣ съ собою и тысячами враговъ пороховой погребъ. Съ пылающимъ фитилемъ, со словами «пойду сдѣлаю память», съ огненнымъ взоромъ, Осиповъ устремляется къ пороховому погребу. Онъ готовъ отдать себя для подвига. Не изъ книжекъ узналъ онъ красоту самопожертвованія. Не школьная скамья научила его быть великимъ. Онъ сумѣлъ подняться до вершинъ человѣческаго духа, какъ простой сынъ великаго русскаго народа, въ толщѣ котораго сокрыто такъ много самородной красоты.

И подвигъ совершился... Не дрогнула рука Осипова. Громовый звукъ взрыва потрясъ укрѣпленіе. Содрогнулось все. Огромный столбъ дыма и пламени поднялся кверху. Полетѣли на воздухъ камни, бревна, человѣческіе трупы. По словамъ очевидца, «все смолкло, и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣтило только кровавую картину смерти и разрушенія». Горцевъ погибло до трехъ тысячъ. Погибъ и самъ герой Осиповъ.

Онъ погибъ, но не умерло его имя. Вѣсть объ его подвигѣ разнеслась по всей Россіи. Россія поняла въ этомъ подвигѣ величіе души русскаго человѣка. Особымъ приказомъ по арміи повелѣно было сохранить на вѣчныя времена имя Архипа Осипова въ спискахъ Тенгинскаго полка и на всѣхъ перекличкахъ, при произнесеніи его имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать: «погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи».

Сегодня — ровно мѣсяцъ со дня, когда 75 лѣтъ назадъ совершилъ свой подвигъ этотъ сѣрый герой, простой русскій солдатъ. Въ настоящую войну мы тоже имѣемъ своихъ героевъ, уроженцевъ какого-нибудь Горѣлова или Неѣлова. И присутствіе въ арміи этихъ современныхъ Осиповыхъ даетъ намъ полную надежду на нашу конечную, хотя, быть можетъ, и трудную побѣду.

Герои не вывелись на Руси!..

Памяти Л. А. Кассо.

Мы должны исполнить долгъ признательной памяти передъ Львомъ Аристидовичемъ Кассо. Какъ всѣмъ извѣстно, Левъ Аристидовичъ только 21 октября былъ избранъ нашимъ почетнымъ членомъ, а 26 ноября онъ скончался. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать его министерскую дѣятельность, разбирать его политическое credo. Да едва ли мы окажемся въ этомъ достаточно компетентными. Но мы обязаны припомнить трогательное вниманіе Льва Аристидовича къ нашему Обществу. Онъ первый матеріально поддержалъ наше Общество, дважды отпустивъ намъ пособіе по 1.000 руб. Онъ же, присмотрѣвшись къ дѣятельности нашего Общества и, по его словамъ, обнаруживъ въ немъ жизненныя начала, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ хода-

тайствомъ о дарованіи нашему Обществу званія Императорскаго. И это ходатайство, къ общей радости всѣхъ насъ, увѣнчалось успѣхомъ.

Такимъ образомъ, Левъ Аристидовичъ оказалъ Обществу, можно сказать, неоцѣнимую услугу. Я имѣлъ удовольствіе вести въ послѣдній разъ личную бесѣду съ Львомъ Аристидовичемъ въ серединѣ сентября. Въ высшей степени вѣжливый, быстро схватывающій чужую мысль, до изысканности доброжелательный, Левъ Аристидовичъ, какъ человѣкъ, произвелъ на меня, скажу прямо, чарующее впечатлѣніе. Въ его разговорѣ слышалась энергія и совершенно отсутствовала всякая бюрократическая жилка.

Наше Общество могло ожидать отъ Льва Аристидовича большой поддержки въ будущемъ. И тѣмъ съ большей грустью должна отозваться его кончина въ сердцѣ каждаго изъ насъ, членовъ Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи.

Внѣшнимъ знакомъ нашего почитанія Льва Аристидовича было возложеніе на его прахъ большого вѣнка отъ всего Общества, — съ надлежащею надписью на лентахъ.

Предлагаю почтить память нашего почетнаго члена Льва Аристидовича Кассо вставаніемъ.

Къ юбилею судебной реформы.

Въ нашемъ Обществѣ установился обычай отмѣчать юбилеи. Этотъ внѣшній поводъ даетъ намъ толчокъ къ тому, чтобы предъ нашимъ умственнымъ окомъ возстало то или иное юбилейное событіе. Не разъ мы отмѣчали даже особыми торжественными засѣданіями юбилеи великихъ войнъ и громкихъ битвъ. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы должны отмѣчать юбилеи культурныхъ событій. Къ таковымъ, по всей справедливости, относится судебная реформа, произведенная Императоромъ Александромъ II. Завтра, 20 ноября, этой реформѣ минетъ полвѣка.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ Царь-Освободитель далъ Россіи новый судъ, судъ скорый, правый и милостивый, судъ гласный. Въ область мрачныхъ преданій отходили отжившіе типы Ляпкинъ-Тяпкиныхъ. Россія вступала на путь гражданскаго обновленія. И нынѣ, наканунѣ полувѣкового юбилея Судебныхъ Уставовъ 1864 г., мы съ особою признательностью благодарныхъ потомковъ вспоминаемъ творцовъ этихъ уставовъ, которые до сего дня хранятъ въ себѣ всѣ элементы жизненности и законодательной мудрости.

На одномъ изъ нашихъ ближайшихъ засѣданій одинъ изъ самыхъ большихъ мастеровъ слова любезно обѣщалъ прочитать докладъ о главныхъ дѣятеляхъ этой реформы, и тогда мы будемъ имѣть возможность близко познакомиться съ этимъ предметомъ [1]).

---

[1]) Докладъ о судебной реформѣ и былъ затѣмъ прочитанъ въ Обществѣ блестящимъ ораторомъ А. Ѳ. Кони. *Ред.*

Передъ докладомъ А. Ѳ. Кони.

Сегодня у насъ — праздникъ. Передъ нами любезно согласился выступить нашъ глубокоуважаемый сочленъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони. А это, повторяю, праздникъ, ибо Анатолій Ѳедоровичъ—большое имя въ ораторскомъ искусствѣ, въ литературѣ, въ наукѣ. Онъ—большой художникъ слова и всякое его сообщеніе, это—глубокая мысль въ оправѣ чеканнаго слова.

Извините меня, Анатолій Ѳедоровичъ, за то, что я позволю себѣ сейчасъ привести одинъ эпизодъ. Какъ-то разъ, гдѣ присутствовалъ и Анатолій Ѳедоровичъ, общій вопросъ былъ обращенъ къ нему: въ чемъ тайна его ораторскаго искусства? Анатолій Ѳедоровичъ на секунду пріостановился, какъ бы призадумался и затѣмъ съ живостью и обычною художественностью отвѣтилъ:

— «А, видите, образы сами тѣснятся кругомъ, и ихъ нужно только хватать, хватать!»

Сообщеніе Анатолія Ѳедоровича, блестящаго представителя нашей юстиціи, коснется Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., которымъ недавно исполнилось полвѣка. Но ранѣе, чѣмъ Анатолій Ѳедоровичъ произнесетъ свое первое слово, позвольте привѣтствовать его аплодисментами.

Передъ началомъ осеннихъ засѣданій 1914 г.

Въ настоящее время мы переживаемъ великіе историческіе дни. Идетъ грозная борьба народовъ. Наши мысли, конечно, всецѣло въ арміи. И для меня представлялся весьма существеннымъ вопросъ: своевременно ли начать наши обычныя засѣданія, прерванныя на лѣтніе мѣсяцы? Этотъ вопросъ былъ внесенъ мною на обсужденіе совѣта, который и постановилъ: *начать наши засѣданія, пріурочивая по возможности доклады къ текущему моменту.*

Война, которую ведетъ теперь Россія — тяжелая война. Много жертвъ она проситъ. Смертью храбрыхъ палъ — однимъ изъ первыхъ — полковникъ Константинъ Павловичъ Линда, нашъ сочленъ. Онъ посѣщалъ наши собранія и принималъ въ нихъ участіе. Прошу почтить память нашего сочлена-героя Линду — вставаніемъ.

Передъ чтеніемъ стихотвореній.

На программу нашего собранія сегодня я поставилъ два стихотворенія. Это объясняется тѣмъ, что поэты образно и кратко передаютъ настроеніе, а настроеніе интересуетъ насъ, въ особенности въ тѣ великіе дни войны, которые мы переживаемъ.

Первое стихотвореніе написано иноземнымъ поэтомъ и навѣяно тѣми германскими жестокостями, о которыхъ говоритъ теперь весь міръ. Оно переведено Ю. М. Загуляевой.

Второе стихотвореніе напечатано болѣе ста лѣтъ назадъ, въ журналѣ «Другъ Юношества», въ октябрѣ 1809 г. Журналъ издавалъ патріотъ Макс. Ив. Невзоровъ. Его журналъ, современникъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ, отзывался на всѣ выдающіяся событія, печаталъ патріотическія статьи. То стихотвореніе, которое мы услышимъ сегодня, воспѣваетъ мощь Россіи и ея сыновъ-богатырей [1]).

На первомъ засѣданіи комиссіи Петербургской старины.

Сегодня у насъ первое засѣданіе комиссіи Петербургской старины. И это требуетъ отъ меня, какъ Предсѣдателя комиссіи, нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Наше общество крѣпнетъ и развивается. Наши доклады неизмѣнно привлекаютъ членовъ. При этомъ разнообразіе докладовъ и значительное число нашихъ членовъ, которое нынѣ приближается къ восьми сотнямъ, даютъ намъ указаніе на то, что около однородныхъ докладовъ группируются и одинаковые члены. Иначе говоря, происходитъ раздѣленіе общества, по спеціальностямъ, на кружки, изъ которыхъ каждый склоняется къ опредѣленной области историческаго знанія. Это и понятно. При всей любви у каждаго ревнителя исторіи къ старинѣ вообще, всякій изъ насъ тяготѣетъ по преимуществу—одинъ къ археологіи, другой—къ всеобщей исторіи, третій—къ исторіи славянскаго вопроса, четвертый—къ исторіи Александровскаго времени, пятый—къ исторіи общественныхъ движеній и т. д.

Такимъ образомъ, наше общество уже достигло той точки своего развитія, когда возможно вести занятія по спеціальностямъ, какъ и предусматриваетъ нашъ уставъ. Въ видѣ опыта, мы начинаемъ сегодня общія собранія по Петербургской старинѣ.

Невольно является вопросъ: почему именно выдѣлена въ особую секцію—и при томъ въ первую голову—Петербургская старина? Отвѣтъ простъ: такъ предуказываетъ жизнь нашего общества, а успѣхъ общественной дѣятельности заключается непремѣнно въ томъ, чтобы слѣдовать не измышленіямъ теоріи или заранѣе принятымъ, сухимъ формамъ схоластики, а голосу самой жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ нынѣшняго года, Петроградскій Губернаторъ обратился въ наше общество съ предложеніемъ высказаться по поводу переименованія Шлиссельбурга, Ораніенбаума и Ямбурга въ русскія

---

[1]) Послѣ прочтенія стихотвореній С. Ф. Либровичъ внесъ предложеніе собирать при Обществѣ вырѣзки со стихотвореніями о войнѣ, напечатанными въ журналахъ и газетахъ. Изъ нихъ предполагалось составленіе альбомовъ. Притокъ стихотвореній начался, но вскорѣ Б. Б. Глинскій выпустилъ книгу «Современная война въ русской поэзіи», а потому дальнѣйшее собираніе стихотвореній при обществѣ оказалось излишнимъ. *Ред.*

названія. Вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ особой небольшой комиссіи нашего общества. Затѣмъ Городская Управа дважды запрашивала научное заключеніе у нашего общества по поводу переименованія Динабургской улицы и Дерптскаго переулка въ Двинскую улицу и Юрьевскій переулокъ, а также Университетской набережной въ Ломоносовскую. Наконецъ, по матеріаламъ, доставленнымъ мнѣ А. Т. Лебедевымъ, я прочелъ небольшой докладъ о печальномъ положеніи нашихъ историческихъ могилъ на кладбищахъ. Два послѣдніе вопроса потребовали опять разсмотрѣнія ихъ въ небольшой комиссіи. Все шло къ тому, чтобы мы подошли къ послѣднему этапу и вынесли вопросы Петербургской старины изъ узкихъ рамокъ небольшихъ совѣщаній на широкое поле общихъ собраній.

Намъ кажется, что наша комиссія Петербургской старины имѣетъ всѣ данныя для своего успѣха. Во-первыхъ, къ ней проявляютъ сочувствіе многіе наши сочлены, и, напримѣръ, профессоръ И. А. Шляпкинъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, выражая сочувствіе нашимъ начинаніямъ, высказываетъ пожеланіе, чтобы наша комиссія не ограничилась однимъ только Петроградомъ, а обняла собой всю Петроградскую губернію.

Во-вторыхъ, вниманіе къ комиссіи проявили даже постороннія лица, какъ только они освѣдомились о зарожденіи комиссіи изъ газетныхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, графиня Шувалова спрашивала меня о подробностяхъ того состоянія, въ которомъ находится разрушающаяся могила гр. Воронцовой; эти свѣдѣнія она увезла къ своимъ родителямъ въ Крымъ, чтобы затѣмъ приступить къ ремонту памятника.

Въ-третьихъ, образованіе нашей комиссіи, которое было предпринято нами самостоятельно, безъ какого-нибудь подражанія другимъ обществамъ, имѣетъ уже прецедентъ въ Императорскомъ Московскомъ археологическомъ обществѣ, которое не такъ давно занялось «Старой Москвой».

Въ-четвертыхъ, должна заинтересовать широкіе круги та ученая попечительность, которую предполагаетъ комиссія проявить къ памятникамъ на могилахъ историческихъ дѣятелей.

Наши занятія никоимъ образомъ не покушаются на переходъ черезъ межу другихъ ученыхъ обществъ. Музей Стараго Петербурга—замкнутое сообщество, а Петроградская губернская ученая архивная комиссія имѣетъ своимъ прямымъ дѣломъ—наблюденіе за архивами.

Согласно нашему уставу, на общія засѣданія комиссіи приглашаются всѣ члены общества; ни особыхъ записей, ни дополнительныхъ членскихъ взносовъ не требуется.

Для разсмотрѣнія же текущихъ вопросовъ ученаго характера при комиссіи учреждено особое ученое совѣщаніе.

Долженъ еще оговориться. Комиссія наша не вноситъ въ общество никакого сепаратизма. Это—только полезное раздѣленіе труда. Комиссія свои постановленія проводитъ въ жизнь черезъ совѣтъ общества.

Въ заключеніе позвольте привѣтствовать наше первое общее собраніе и выразить пожеланіе, чтобы мы, обратившись на сегодня изъ ревнителей исторіи вообще въ друзей Стараго Петербурга, не охладѣли пламенемъ исторической любознательности.

Въ день четырехлѣтія общества.

Сегодня исполняется ровно четыре года, какъ по моему приглашенію, на моей квартирѣ, собрались впервые въ очень небольшомъ числѣ, учредители нашего общества. День этотъ, конечно, интересенъ каждому изъ насъ, но онъ крайне дорогъ въ особенности для меня, ибо четыре года назадъ воплотилась въ жизнь давно лелѣянная мною мысль—создать общество, въ которомъ могли бы встрѣчаться на почвѣ любви къ старинѣ всѣ друзья исторіи, ея ревнители, всѣ тѣ, кто любовнымъ окомъ привыкъ или только склоненъ заглядывать въ минувшія судьбы человѣчества.

Мы прожили только четыре года,—срокъ, малый даже для отдѣльнаго человѣка, совершенно ничтожный для общественной организаціи. Мы только что начали жить. Многія наши начинанія только-только зарождаются. Но мы много успѣли уже сдѣлать.

Вокругъ насъ объединился тѣсный кружокъ, число членовъ превышаетъ нынѣ 700. Докладовъ прочитано 210. Нами устроена была выставка трофеевъ. Нами были организованы два историческихъ концерта—въ память партизановъ Двѣнадцатаго года и поэта Лермонтова. Мы принимали участіе въ Бородинскихъ торжествахъ и въ нѣсколькихъ юбилеяхъ. Мы издали два тома «Вѣстника» (второй томъ выходитъ на-дняхъ). Въ комиссіяхъ при обществѣ были разработаны частные научные вопросы. Мы приступили къ собиранію предметовъ для Музея войны.

Все это показываетъ, что мы трудились, въ мѣрѣ умѣнья и способностей.

Наша посильная работа была замѣчена съ высоты престола. Государь Императоръ осчастливилъ общество рядомъ знаковъ Высочайшаго вниманія: нашему обществу даровано званіе Императорскаго; нашимъ членамъ предоставлено право ношенія нагруднаго знака; членамъ и сотрудникамъ комитета выставки войны объявлена Монаршая благодарность, а нѣкоторые изъ нихъ удостоены Высочайшихъ подарковъ. Своимъ успѣхомъ—а наличность его отрицать нельзя—общество обязано многимъ лицамъ.

Прежде всего нужно поставить нашего предсѣдателя Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго. Его Свѣтлость не былъ учредителемъ нашего общества. Но на первомъ собраніи учредителей, 11 ноября 1911 г., по моему предложенію, было постановлено: просить Герцога Георгія Николаевича стать во главѣ нашего общества. Это порученіе было мною исполнено въ декабрѣ того же года. Къ нашему удовольствію, Его Свѣтлость принялъ званіе предсѣдателя и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимаетъ этотъ постъ.

Затѣмъ я лично долженъ искренно поблагодарить Совѣтъ за дружескую работу. Мы всѣ шли всегда въ полномъ согласіи, и члены совѣта оказывали постоянно нравственную поддержку въ моихъ трудахъ. А это очень много значитъ, ибо стоять во главѣ любой общественной организаціи, гдѣ стекаются различныя теченія, не легко, а одинокому—и совсѣмъ невозможно.

Далѣе общество обязано своимъ успѣхомъ—всѣмъ членамъ, читавшимъ доклады, во главѣ съ мастеромъ слова, нашимъ поч. чл. А. Ф. Кони, всѣмъ членамъ, дававшимъ статьи, или выступавшимъ въ преніяхъ, или принимавшимъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ и въ особенности въ комитетѣ Музея. Лично я, какъ устроитель нашихъ общихъ собраній, долженъ поблагодарить всѣхъ членовъ, посѣщающихъ наши собранія, приходящихъ послушать ораторовъ, повидаться съ сочленами. Чѣмъ многолюднѣе собраніе, тѣмъ отраднѣе. Значитъ, труды по организаціи, требующіе большого времени, не пропали даромъ.

Наконецъ, съ чувствомъ глубочайшей благодарности я долженъ помянуть почетнаго члена Л. А. Кассо. Къ этому меня обязываетъ долгъ признательности. Онъ первымъ далъ нашему обществу казенную субсидію. Онъ же пошелъ навстрѣчу моимъ пламеннымъ мечтамъ о присвоеніи обществу званія Императорскаго, и осуществилъ мои мечты. Миръ его праху.

Сегодня—не юбилейный день, а только простая годовщина. Но я позволилъ себѣ высказать нѣсколько словъ, чтобы подвести общій итогъ нашей работѣ за четыре года. Мы работали, а впереди лежитъ еще необозримое поле для новой работы. Въ добрый часъ!

Сохраненіе памятниковъ на могилахъ историческихъ дѣятелей.

Въ нашемъ обществѣ есть любители и знатоки разныхъ отраслей старины. Нашелся и пламенный любитель и рьяный знатокъ кладбищенской старины. Это—А. Т. Лебедевъ. Скромный, чуждающійся общественныхъ выступленій, онъ извиняется, что и сегодня онъ не выступитъ на каѳедрѣ, а передать его мысли поручилъ мнѣ.

Записка, которую мнѣ передалъ А. Т., начинается такъ:

«Нигдѣ не гибнетъ столько произведеній искусства, какъ въ Россіи. Памятники художественной старины исчезаютъ безслѣдно, и мало, кто желаетъ поддержать то, что нѣкогда составляло предметъ восхищенія и почитанія современниковъ. Въ этомъ отношеніи судьба нашихъ кладбищъ особенно плачевна.

Давніе, запущенные, забытые памятники петроградскихъ кладбищъ доживаютъ свои послѣдніе дни. Если теперь о нихъ не позаботиться, то черезъ нѣсколько лѣтъ все то немногое, что осталось отъ прошлаго на нашихъ кладбищахъ, исчезнетъ безвозвратно. Осенніе дожди, злые зимніе

морозы и неумолимое время уничтожаютъ тѣ работы ваятелей, которыя еще такъ мало изучены. Къ врагамъ же кладбищенской старины относится и человѣкъ, съ его алчностью и вандализмомъ».

И А. Т. совершенно правъ.

Изъ документовъ, которые А. Т. передалъ въ мое распоряженіе, видно нижеслѣдующее.

Въ 1842 г. по Высочайшему повелѣнію была произведена опись памятниковъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Въ этотъ списокъ внесены 47 памятниковъ, отъ которыхъ нынѣ не осталось слѣда. И все это были очень крупные люди: историкъ Иванъ Никитичъ Болтинъ; сподвижникъ Петра Великаго генералъ Адамъ Адамовичъ Войде; тоже сподвижникъ Петра Великаго, сенаторъ князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ; первый петербургскій генералъ-полиціймейстеръ Антонъ Мануйловичъ Девьеръ; писатель Никита Артамоновичъ Муравьевъ; второй петербургскій генералъ-полиціймейстеръ Алексѣй Даниловичъ Татищевъ; фельдмаршалъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. Какъ видите, мы не умѣемъ сохранять могилъ даже фельдмаршаловъ.

Кромѣ того, А. Т. удостовѣряетъ, что нынѣ нѣтъ и слѣда отъ 152 могилъ тѣхъ лицъ, которыя были, однако, погребены на Лазаревскомъ кладбищѣ. Въ числѣ этихъ лицъ А. Т. указываетъ: оберъ-гофмейстеровъ князей Голицыныхъ; князя Меншикова, внука генералиссимуса; архимандрита Флавіана.

Но и тѣ памятники, которые дожили до насъ, находятся далеко не въ отличномъ состояніи. Такъ, памятникъ фельдмаршала гр. Степана Федоровича Апраксина весь почти ушелъ въ землю; памятникъ куратора Московскаго университета Ададурова покосился и находится въ запущеніи; памятникъ предводителя петербургскаго ополченія въ Отечественную войну т. сов. Бибикова покосился; у памятника директора академіи наукъ Бакунина разбита плита съ датами; памятникъ гр. Воронцовой, двоюродной сестры Императрицы Елисаветы Петровны, вросъ въ землю; отъ памятника князя Бориса Андреевича Голицына, командира Конной Гвардіи при Павлѣ I, одна мраморная доска отвалилась, и памятникъ въ запущеніи; памятникъ княгини Елис. Ив. Гагариной, работы Ив. Петр. Мартоса, грозитъ паденіемъ и сильно накренился; памятникъ жены Державина, который воспѣлъ ее подъ именемъ Зильфиры и Ласточки, «совсѣмъ развалился и мраморныя плиты съ надписями разбиты вдребезги»; памятникъ младенцамъ Демидовымъ, работы итальянскаго скульптора, приходитъ въ разрушеніе и на фигурѣ отбиты пальцы отъ ногъ; памятникъ писателю мистику Ковалькову изъ бѣлаго мрамора—«въ страшномъ запустѣніи: крестъ сломанъ вдребезги и валяется въ оградѣ»; памятникъ поэту-сатирику Марину—«въ страшномъ запустѣніи: съ одной стороны мраморная доска упала и разбилась, а на другой сторонѣ, гдѣ помѣщается его портретъ, нѣтъ ничего»; доски на памятникѣ Алексѣю Андреевичу Ржевскому съ надписями разбиты вдребезги.

Я привелъ перечень на выдержку, но и онъ довольно краснорѣчивъ.

Наше общество посѣтило въ маѣ мѣсяцѣ Лазаревское кладбище. Многіе помнятъ, конечно, какое грустное впечатлѣніе производятъ эти гибнущіе памятники. Мы, конечно, не въ силахъ помочь этому дѣлу. Нужны огромныя средства для поддержанія памятниковъ. Притомъ существуетъ особое общество охраненія и защиты памятниковъ старины. Но, думается, и мы можемъ сдѣлать кое-что.

Я—не поклонникъ большихъ, несбыточныхъ замысловъ и всегда слѣдую принципу: «лучшее—врагъ хорошаго». Такъ поступить я предлагалъ бы и здѣсь. А. Т. располагаетъ 600 негативовъ съ памятниковъ кладбищъ Петрограда. Мы изберемъ изъ своей среды небольшую комиссію для того, чтобы намѣтить, какіе именно памятники желательно воспроизвести въ печати, чтобы хоть этимъ способомъ оставить ихъ въ памяти потомства. Это изданіе могло бы служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ трудамъ нашего Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя по изданію Некрополей, въ которыхъ, какъ извѣстно, рисунковъ нѣтъ.

Если мое предложеніе пріемлемо, то я полагалъ бы просить войти въ эту комиссію А. Т. Лебедева, поднявшаго вопросъ и другихъ знатоковъ и любителей.

Союзъ историческихъ обществъ.

Если бы кто нибудь пожелалъ въ какихъ-нибудь справочныхъ изданіяхъ найти полный и точный списокъ русскихъ историческихъ обществъ, то это пожеланіе не увѣнчалось бы успѣхомъ. Такого списка нѣтъ.

Это объясняется, конечно, тѣмъ разбродомъ, въ которомъ пребываютъ наши историческія общества. Каждое идетъ своей дорогой и даже иногда отгораживается отъ другихъ своихъ собратій высокимъ частоколомъ. Нерѣдки даже тренія между обществами, мелкіе споры о мѣстничествѣ, обиды личнаго самолюбія. Моя память, напримѣръ, не сохраняетъ случая, чтобы два какихъ-нибудь петроградскихъ историческихъ общества хоть одинъ разъ совмѣстно выступили для устройства общаго, соединеннаго собранія по какому-нибудь историческому вопросу. Не припоминаю точно также совмѣстнаго выступленія двухъ обществъ въ печати съ какимъ-нибудь научнымъ заявленіемъ.

Нѣкоторымъ намекомъ,—но только намекомъ,—на взаимное общеніе можетъ служить, пожалуй, обмѣнъ печатными изданіями. Но этотъ способъ, конечно, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ взаимнаго общенія, такъ какъ присылаемые отчеты и изданія могутъ только приниматься къ свѣдѣнію и знакомятъ лишь съ тѣмъ, что сдѣлано, а не съ тѣмъ, что предполагается сдѣлать или дѣлается теперь. Если бы я желалъ выразиться точно, то я долженъ былъ бы сказать, что взаимный обмѣнъ изданіями есть общеніе не между обществами, а между ихъ библіотеками,—и только.

Подобное условіе жизни историческихъ обществъ по меньшей мѣрѣ неестественно.

Прислушайтесь, напримѣръ, къ тому, что писала почти сто лѣтъ назадъ, въ 1827 г., въ Общество исторіи и древностей россійскихъ княгиня Зинаида Александровна Волконская, единственная женщина среди членовъ этого общества: «главная причина неимовѣрныхъ успѣховъ, сопровождающихъ въ нашемъ вѣкѣ всѣ занятія по части исторіи и по всѣмъ отраслямъ науки, относящихся до бытія народовъ, заключается въ тѣсной связи, которая существуетъ между занимающимися и которая, соединяя отдаленнѣйшіе труды, въ одно время всѣ части свѣта дѣлаетъ достояніемъ ученаго». Эта выдающаяся женщина, обладавшая несомнѣннымъ темпераментомъ общественнаго дѣятеля, находила нужнымъ связь русскихъ и чужеземныхъ историковъ. А мы, черезъ 88 лѣтъ все еще бредемъ вразбродъ даже другъ съ другомъ.

Однако нарождаются все новыя и новыя общества, и эта разъединенность должна, наконецъ, исчезнуть. Если отдѣльныя лица складываются въ общества для взаимнаго общенія на почвѣ однородныхъ интересовъ къ извѣстной области человѣческой мысли, то и эти общества въ свой чередъ, подчиняясь общему историческому теченію, должны сложиться въ союзъ историческихъ обществъ.

Безспорно, хорошее средство общенія—съѣзды.

Но они имѣютъ и много для этого неудобствъ. Съѣзды могутъ происходить одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ потребность въ рѣшеніи какого-нибудь вопроса можетъ предстать внезапно и неотложно. Съѣзды вообще громоздки и не столь эластичны, какимъ могъ бы быть союзъ. Они обходятся очень дорого, требуя неизмѣнной денежной поддержки и отъ правительства, и отъ городскихъ думъ, даже отъ земствъ. Бюро съѣзда, даже если оно обратилось бы въ постоянный совѣтъ съѣздовъ, не можетъ также замѣнить союзъ, такъ какъ по существу оно является исполнительнымъ органомъ, ликвидируетъ дѣла съѣзда и состоитъ не изъ представителей всѣхъ обществъ, а обычно только изъ членовъ мѣстнаго общества, собравшаго съѣздъ.

Въ видахъ изложеннаго выдвигается неотложный вопросъ о необходимости постояннаго союза историческихъ обществъ.

Въ самомъ дѣлѣ нерѣдки случаи, когда желателенъ и даже необходимъ голосъ большой научно-исторической организаціи по какому-нибудь крупному историческому вопросу и когда для этой цѣли слишкомъ слабъ голосъ отдѣльнаго, хотя бы и очень почтеннаго общества. При наличности союза не могли бы пропускаться безъ научнаго освѣщенія важные историческіе юбилеи, а чествованіе памяти великихъ событій могло бы производиться въ широкомъ объемѣ, обратившись въ праздникъ исторической науки. Точно также союзъ легче, чѣмъ любое общество, могъ бы планомѣрно распредѣлитъ возникновеніе новыхъ памятниковъ, наблюдать за со-

храненіемъ старыхъ и прочее. При существованіи союза вся Россія могла бы услышать собирательный голосъ всѣхъ историческихъ обществъ о поведеніи Болгаріи въ наши дни съ объясненіемъ этого изумительнаго акта черной неблагодарности историческими соображеніями и поясненіями.

Съ другой стороны, животрепещущія нужды скромныхъ учрежденій могли бы скорѣе сдѣлаться достояніемъ гласности и быть удовлетворены тѣми или иными способами.

При наличіи союза стала бы возможной неотложная работа по составленію исторической библіографіи. Библіографія... При одномъ этомъ словѣ, въ душѣ каждаго изъ насъ поднимается горькое, щемящее чувство, потому что каждый изъ насъ знаетъ, сколько проклятаго, безполезнаго труда тратится нами изъ-за отсутствія библіографіи. Работы В. И. Межова теперь уже устарѣли. Дѣятельность Общества любителей древней письменности ограничивается только извѣстнымъ періодомъ. Спеціальные библіографическія общества и журналы не могутъ да и не должны удѣлять исторіи первенствующее мѣсто...

Если бы существовалъ союзъ историческихъ обществъ хотя бы для одного Петрограда, то можно было бы помечтать и объ единомъ дворцѣ исторіи. При одной-двухъ аудиторіяхъ, распредѣленныхъ по днямъ для общихъ собраній различныхъ обществъ, въ этомъ дворцѣ могли бы найти пріютъ канцеляріи всѣхъ обществъ; а библіотеки и музеи разныхъ обществъ, нынѣ разъединенныя, могли бы слиться въ одну.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ: вашъ вопросъ важенъ, но несвоевременъ; пройдетъ война, и мы имъ займемся. Хотѣлось бы самымъ горячимъ образомъ возразить противъ этого замѣчанія. Именно теперь, во время войны, когда историческія общества откликаются на войну своими докладами или сборомъ документовъ и предметовъ, имъ нуженъ союзъ. При немъ работа планомѣрнѣй, сборъ матеріаловъ полнѣе. При немъ легче удалась бы эвакуація архивовъ и древнехранилищъ изъ мѣстъ, угрожаемыхъ войною.

Но я—не юноша и не гляжу на все черезъ розовыя очки. Есть въ союзѣ и тѣневая сторона. Союзъ можетъ нарушить самодѣятельность отдѣльныхъ обществъ, загасить или преуменьшить въ немъ огонь живого творчества, притушить жизненныя начала. Онъ можетъ придавить своею пятою нѣжные ростки отдѣльныхъ обществъ и внести въ нихъ сухость департамента. Отъ этихъ невыгодъ можно легко уберечься соотвѣтственною разработкою устава о съѣздѣ.

Дабы рѣшить вопросъ о пріемлемости моего предложенія я считаю долгомъ въ самыхъ краткихъ чертахъ изложить главнѣйшія положенія устава о союзѣ, какими они мнѣ представляются.

Союзъ является высшею научно-историческою общественною организаціею въ Россіи. Онъ обязанъ всемѣрно содѣйствовать полному взаимному общенію историческихъ обществъ и оказывать имъ научную помощь для

болѣе успѣшнаго достиженія ими цѣлей, указанныхъ ихъ уставами, при чемъ союзъ не можетъ вторгаться во внутреннюю научную жизнь отдѣльныхъ обществъ и угрожать въ какой бы то ни было мѣрѣ ихъ научной самодѣятельности. Союзъ имѣетъ пребываніе въ Петроградѣ и въ него добровольно, по своему желанію вступаютъ общества, имѣющія цѣлью изученіе исторіи или какой-нибудь отрасли. Петроградскія общества избираютъ для присутствія въ союзѣ нѣсколькихъ членовъ, пользующихся однимъ коллективнымъ голосомъ, а провинціальныя общества—по одному представителю. Союзъ самъ избираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ, которыя не могутъ принадлежать одному и тому же обществу. Союзъ имѣетъ право возбуждать вопросы по собственному почину, а каждое отдѣльное общество можетъ черезъ своего представителя вносить въ союзъ запросы, которые союзъ обязанъ разсмотрѣть не далѣе, какъ въ мѣсячный срокъ.

Вотъ главнѣйшія положенія. Если они въ общемъ одабриваются, то я просилъ бы наше общее собраніе уполномочить нашъ совѣтъ разработать положенія о союзѣ и обратиться ко всѣмъ историческимъ обществамъ Россіи съ предложеніемъ образовать союзъ. Если бы на наше предложеніе о союзѣ откликнулась одна треть обществъ, то и это была бы большая побѣда надъ нашею косностью и взаимною отчужденностью.

Господа, въ моей жизни мнѣ посчастливилось принять очень близкое участіе въ созданіи двухъ историческихъ обществъ.

11 февраля 1907 г. на страницахъ «Русскаго Инвалида» я помѣстилъ открытое письмо о необходимости учрежденія общества военной старины. Подъ непосредственнымъ толчкомъ этого письма и при участіи извѣстнаго историка А. З. Мышлаевскаго въ томъ же году и было учреждено Императорское русское военно-историческое общество.

Черезъ четыре года, въ лѣтнее затишье, мнѣ же съ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Н. Н. Беклемишевымъ удалось основать наше общество. 11 ноября 1911 г. состоялось учредительное собраніе.

Теперь прошло опять четыре года. Буду счастливъ, если мнѣ сегодня удалось бы въ третій разъ удачно подать голосъ за образованіе общественной научно-исторической организаціи, но на этотъ разъ не отдѣльнаго общества, а всероссійскаго союза историческихъ обществъ.

Теперь моя надежда на васъ, господа.

Насъ, славянъ, укоряютъ въ томъ, что мы лѣнивы и нелюбопытны. Но на насъ виситъ еще бо̀льшій грѣхъ: у насъ нѣтъ единенія [1])!..

[1]) Общее собраніе единогласно постановило принять предложеніе М. К. Соколовскаго. Нынѣ уставъ союза разработанъ и разосланъ историческимъ обществамъ.
Ред.

Историческое значеніе названій городскихъ улицъ [1]).

Главнымъ матеріаломъ для каждаго интересующагося исторіей и вообще всякаго рода стариной, служатъ письменные источники; но и кромѣ нихъ существуетъ множество, такъ сказать, вспомогательныхъ пособій, хотя имѣющихъ и второстепенное значеніе, но по своей наглядности едва ли не болѣе дѣйствующихъ на наше воображеніе и невольно переносящихъ насъ въ сѣдую старину. Таковы древнія зданія, крѣпости, памятники, дѣйствующіе на наше зрительное воображеніе.

Такое же значеніе для исторіи городовъ несомнѣнно имѣютъ и тѣ, иногда кажущіяся просто условными обозначеніями, названія разнаго рода частей города—его улицъ, переулковъ, площадей, цѣлыхъ кварталовъ, мостовъ и т. п., которые мы привыкли, проживая въ данномъ городѣ, ежедневно слышать и сами произносить, большею частью не отдавая себѣ отчета въ происхожденіи многихъ изъ нихъ.

А между тѣмъ, если вдуматься въ эти названія, конечно въ городахъ старыхъ, то многія страницы исторіи этихъ городовъ встанутъ передъ нами живыми картинами, и насколько необходимо заботиться о сохраненіи вещественныхъ остатковъ старины, чего иногда бываетъ и трудно достигнуть, настолько же желательно оберегать и эти историческія названія, что, конечно, гораздо легче.

Если мы сравнимъ уличныя названія нашихъ особенно старыхъ городовъ съ названіями хотя бы городовъ американскихъ, то невольно на насъ пахнетъ холодомъ отъ всѣхъ этихъ Avenus 5, 10, 15, можетъ быть очень практичныхъ, но ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу и, съ другой стороны, чѣмъ-то теплымъ стариннымъ повѣетъ отъ нашихъ Лубянки, Кузнецкаго Моста и Ордынки въ Москвѣ, Пушкарской въ Петроградѣ, Проломной въ Казани и т. д.

Большую часть названій улицъ и другихъ городскихъ мѣстъ по ихъ происхожденію можно раздѣлить на три крупныя группы.

---

[1]) Послѣ прочтенія этого доклада Общество предложило Петроградской городской думѣ давать заключеніе при каждомъ вопросѣ о переименованіи городскихъ улицъ, площадей и другихъ мѣстъ общаго пользованія. Это предложеніе было встрѣчено думою сочувственно и проводится на практикѣ. (Отношеніе Гор. Управы 6 іюня 1915 г., № 61903). *Ред.*

Первой группѣ, такъ сказать церковной, дали названіе церкви, на нихъ находящіяся.

Второй—названія тѣхъ городовъ, большею частью сосѣднихъ, на выѣздъ въ которые ведутъ эти улицы.

Третью—назовемъ пока кратко «историческою».

На первой группѣ «церковной» останавливаться долго не стоитъ. Всѣмъ намъ извѣстны въ каждомъ городѣ эти Воскресенскія, Вознесенскія, Скорбященскія, Борисоглѣбскія и пр., и нѣтъ ни одного русскаго города, гдѣ бы мы съ ними не встрѣчались.

Вторая группа тоже встрѣчается едва ли не въ каждомъ изъ русскихъ городовъ. Происхожденіе названій этой группы тоже ясно. Изъ каждаго города ведетъ дорога въ сосѣдній или если и болѣе отдаленный, но зато и болѣе крупный центръ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ, чтобы попасть въ другой городъ, нельзя было миновать именно этого направленія изъ любой части города и нельзя было, какъ теперь, чтобы попасть изъ Орла, напримѣръ, въ Курскъ, выѣхать на сѣверъ по Московской улицѣ, ведущей на вокзалъ Московско-Курской желѣзной дороги, а выѣзжали только на югъ къ Курской заставѣ по Курской улицѣ.

Такимъ образомъ, эти названія явились совершенно естественно, сами собой.

Въ Москвѣ Тверская получила свое названіе именно потому, что ведетъ къ выѣзду на Тверское шоссе, Нижегородская—въ Нижній-Новгородъ.

Такъ, въ Тулѣ—Кіевская, въ Орлѣ—Болховская, цѣлыхъ 5 параллельныхъ Курскихъ, въ Твери—Новгородская и Новоторжская и т. д.

Нашъ Петроградъ, хотя и изобилуетъ, едва ли не болѣе, чѣмъ всякій другой, подобными названіями [1]), но здѣсь громадное большинство ихъ не имѣютъ своего raison d'être и, пожалуй, только Московская и Петергофскій проспектъ носятъ свои названія правильно. Всѣ же остальныя Тамбовскія, Полтавскія, Симбирскія, Нижегородскія, чуть ли не всѣхъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи — названы чисто искусственно, повидимому, изъ подражанія старымъ русскимъ городамъ и съ точки зрѣнія естественности являются безсмысленными.

Кстати, и произношеніе петроградцами нѣкоторыхъ названій улицъ по именамъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи неправильно: такъ, прилагательное отъ названія города Се́рпуховъ, въ Московской губерніи произносятъ Серпуховско́й, здѣсь же всѣ говорятъ Серпухо́вскій. Вмѣсто Дми́тровскій, отъ города Дми́трова—Дмитро́вскій. Москвичу такія ударенія рѣжутъ ухо.

Третья группа названій, такъ сказать историческаго происхожденія, съ нашей точки зрѣнія, самая важная. Эту группу можно разбить на нѣсколько подгруппъ. Одни изъ нихъ связаны непосредственно съ историческими событіями, происшедшими именно на этихъ мѣстахъ; другія — съ

[1]) Такихъ улицъ въ Петроградѣ 69.

профессіей прежнихъ ихъ обитателей; третьи — съ бывшими здѣсь раньше сооруженіями; четвертыя—съ бытовыми явленіями прежнихъ временъ и т. д.

Наибольшій и самый интересный и оригинальный матеріалъ въ этомъ смыслѣ даетъ, конечно, Москва. Одна изъ особенностей названій московскихъ улицъ — та, что большинство изъ нихъ обозначается не прилагательными съ опусканіемъ существительнаго «улица», а прямо существительными: Арбатъ, Плющиха, Покровка, Срѣтенка, Лубянка и т. д.

Названія эти настолько интересны, что слѣдуетъ на нихъ нѣсколько остановиться.

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ цѣлую литературу. Таковъ Арбатъ. Забѣлинъ пытается произвести его отъ слова «горбатъ», указывающее на кривизну этой улицы въ прежнее время; но Арбатъ не является рѣзкимъ исключеніемъ изъ общаго правила кривизны московскихъ улицъ и потому врядъ ли указаніе это правильно. Онъ же указываетъ, но не настаиваетъ, на возможность производства его отъ латинскаго слова arbutum—вишня, занесеннаго якобы къ намъ итальянцами; но это тоже не выдерживаетъ критики.

Вѣрнѣе искать корень этого слова въ восточныхъ языкахъ. Производятъ его отъ персидскаго слова «робатъ», страннопріимный домъ, караванъ-сарай, но это не согласуется съ данными исторіи. Далѣе, отъ арабскаго слова «рубатъ» — зачатокъ города, поселокъ въ безлюдной мѣстности, но мѣсто Арбата не могло быть таковымъ.

Строевъ полагаетъ, что здѣсь была слобода мастеровъ, дѣлавшихъ арбы-повозки, тѣмъ болѣе, что «Колымажный дворъ» находится въ непосредственной близости. Это объясненіе болѣе вѣроятно, хотя въ русскомъ языкѣ слово «арба» для обозначенія повозки-телѣги привилось лишь на югѣ и врядъ ли было общепринято въ Москвѣ въ эпоху великихъ князей и царей.

Наконецъ, Трутовскій производитъ это слово отъ арабскаго «арбадъ», пригородъ, указывая на то, что въ прежнее время этимъ названіемъ обозначали всю мѣстность вплоть до Кремля, по нынѣшней Воздвиженкѣ, а затѣмъ съ расширеніемъ города и названіе уходило далѣе, за стѣны Бѣлаго города и Арбатскихъ въ нихъ воротъ; названіе это дали татары именно этому предмѣстью Москвы потому, что они и подходили къ Москвѣ именно съ этой стороны (Крымскій бродъ).

Присутствіе здѣсь Колымажнаго двора Трутовскій тоже объясняетъ тѣмъ, что «колымага» прежде обозначала не повозку, а станъ, и лишь впослѣдствіи перешло на тѣ элементы повозки, изъ которыхъ составлялся станъ кочевниковъ (В. К. Трутовскій. Происхожденіе названія «Арбатъ». Старая Москва, изд. Ком. по изученію Старой Москвы при Импер. Моск. Археол. Общ. вып. I). Наконецъ, можно сопоставить слово Арбатъ съ Арбатской стрѣлкой въ Крыму. Которое изъ всѣхъ этихъ объясненій болѣе правильно—рѣшить трудно.

Цѣлый рядъ улицъ сохранилъ свои названія, несомнѣнно, отъ слободъ, заселенныхъ разнаго рода ремесленниками. Такъ, цѣлый районъ, гдѣ мы

видимъ улицу Поварскую и переулки Столовый, Хлѣбный, Скатертный, былъ населенъ людьми, обслуживавшими царскія кухни, хлѣбопекарни и столъ. Здѣсь же, на Большой Молчановкѣ, стоитъ церковь св. Николая Чудотворца, названная, въ отличіе отъ другихъ 38 соименныхъ церквей, кажущимся страннымъ названіемъ «Никóла, что на Курьихъ Ножкахъ». Ужъ одно это чисто московское выраженіе («что»=который) указываетъ, что «Курьими Ножками» называлась извѣстная мѣстность, какъ свалъ отбросовъ отъ ремесла жившихъ здѣсь царскихъ поваровъ, свалъ «кухонныхъ остатковъ».

Таково же происхожденіе Бронной, Кожевниковъ, Садовниковъ, Дегтярнаго переулка, Швивой горки и др. Знаменитый Кузнецкій мостъ, гдѣ теперь нѣтъ ни моста, ни кузнецовъ, получилъ свое названіе отъ мастеровъ, выдѣлывавшихъ оружіе—кузнецовъ пушечнаго двора, который находился въ верху улицы, на мѣстѣ нынѣшняго Лубянскаго пассажа. Мостъ же былъ черезъ перекрытую нынѣ рѣчку Неглинную. До 1754 г. онъ былъ деревянный, а въ этомъ году былъ выстроенъ каменный. Другая Кузнечная улица находится въ Замоскворѣчьи. Лубянкой назвали улицу поселившіеся здѣсь новгородцы въ память одноименной улицы, бывшей въ Новгородѣ. Это подтверждаетъ и нахожденіе здѣсь церкви «Софіи-Премудрости Божіей» — тоже въ память Новгородскаго собора. Такимъ образомъ она является, такъ сказать, внучкой Софійскаго храма въ Царьградѣ. Замоскворѣчье въ свое время было отведено для жительства татарамъ и потому мы видимъ здѣсь Ордынку, Татарскую улицу, Болвановку, гдѣ стояла статуя — болванъ, изображавшая хана, Толмачи, гдѣ жили переводчики. Въ томъ же Замоскворѣчьи, ближе къ окраинѣ, мы находимъ Зацѣпу и Щипокъ или вѣрнѣе Щупокъ. Здѣсь въѣздъ въ городъ былъ загороженъ цѣпью и корчемные сторожа ощупывали возы желѣзнымъ прутомъ, «щупомъ», разыскивая контрабандное вино. Мертвый переулокъ съ церковью «Успенья на Могильцахъ» и Божедомка указываютъ на бывшее здѣсь кладбище, причемъ послѣднее было предназначено для нищихъ и убитыхъ—«Божій домъ».

Я не задаюсь цѣлью перечислять и объяснять всѣ историческія названія Московскихъ улицъ и урочищъ—это не входитъ въ мою задачу.

Въ Петроградѣ тоже многія названія являются памятниками старины и описаны подробно Пыляевымъ въ его книгѣ «Старый Петербургъ». Укажу только на нѣкоторыя, перемѣнявшія иногда неоднократно свои названія. Такъ, первоначальное названіе нынѣшней Милліонной было Почтамтская или Почтовая, отъ Почтоваго двора, бывшаго раньше на мѣстѣ Мраморнаго дворца; затѣмъ она послѣдовательно получала названія: Троицкой, Нѣмецкой, при поселеніи здѣсь нѣмецкихъ мастеровъ, Греческой и, наконецъ, будучи выпрямлена и застроена богатыми домами, получила настоящее звучное названіе.

Существуетъ улица Ново-Исаакіевская; казалось бы, должна быть и Старо-Исаакіевская, а между тѣмъ мы теперь ея не находимъ. Оказывается, такъ называлась раньше бывшая Малая Морская, нынѣ улица Гоголя, и продолженіе ея за Исаакіевской площадью — Почтамтская.

Разъѣзжая и сосѣдняя Ямская сами за себя говорятъ.

На Петроградской сторонѣ, въ районѣ Зелениной, вѣрнѣе Зелейной, отъ слова зелье—порохъ, Пушкарской и Ружейной были пороховые и оружейные заводы.

Въ отличіе отъ московской Татарской улицы, гдѣ дѣйствительно жили ордынскіе татары, Татарскій переулокъ на Петроградской сторонѣ получилъ свое названіе отъ бывшаго здѣсь въ началѣ XVIII столѣтія толкучаго рынка, названнаго народомъ «татарскимъ таборомъ».

Надеждинская — это прежняя Шестилавочная, та самая, на которой по предположенію Кочкарева жила гоголевская Агафія Тихоновна, невѣста Подколесина [1]).

Забалканскій проспектъ переименовался изъ Обуховскаго на памяти многихъ изъ насъ въ честь перехода черезъ Балканы въ 1877 г.

И во многихъ другихъ русскихъ городахъ, особенно старинныхъ, мы встрѣчаемъ историческія уличныя названія. Такъ, въ Казани одна изъ главныхъ улицъ и притомъ самая торговая, пролегающая по нижней части города отъ Кремля къ Рыбной площади, носитъ названіе Проломной, въ воспоминаніе бывшаго при началѣ ея пролома въ городской стѣнѣ при взятіи Казани царемъ Иваномъ IV. Тамъ же мы находимъ Комиссаріатскую, гдѣ были комиссаріатскіе магазины. Собачій переулокъ близъ рѣки Казанки получилъ свое названіе не подобно московской Собачьей площадкѣ отъ царской псарни, или бывшаго здѣсь торга собаками преимущественно охотничьими, а отъ болѣе вульгарной причины: здѣсь до заселенія этой мѣстности, на берегу рѣчки, ютились бродячія собаки, наводившія страхъ на случайныхъ прохожихъ.

Въ Твери главная улица нынѣ называется Милліонной. Оффиціальное ея названіе — Екатерининскій проспектъ. Происхожденіе этихъ названій таково: Императрица Екатерина II очень любила городъ Тверь, неоднократно живала въ спеціально для того выстроенномъ дворцѣ (нынѣ домъ Губернатора). Послѣ большаго пожара, уничтожившаго лучшую часть города, Императрица пожертвовала изъ личныхъ средствъ милліонъ рублей для возобновленія ея и настолько интересовалась работами, что лично разсматривала и утверждала фасады домовъ. Въ благодарность оффиціальный городъ постановилъ присвоить возобновленной улицѣ имя Великой Императрицы, но само населеніе стало называть ее въ память того же событія болѣе характернымъ именемъ той суммы, которую Императрицѣ угодно было пожертвовать, и это послѣднее названіе привилось болѣе. Воспоминаніемъ же оффиціальнаго названія осталось наименованіе Екатерининской Центральной площади, которую эта улица пересѣкаетъ и гдѣ расположены присутственныя мѣста.

---

[1]) «К. — Въ Шестилавочной что ли живетъ?—Сваха.—Ужъ, вотъ, нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ». (Д. I, явл. 10).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ тоже есть Милліонная улица на Нижнемъ Базарѣ; здѣсь, по преданію, производился въ 1613 г. Мининымъ доброхотный сборъ казны для спасенія Руси отъ Поляковъ. Одинъ изъ спусковъ отъ Кремля къ рѣкѣ носитъ знакомое уже намъ по Петрограду названіе «Зеленскаго» — тоже отъ слова зелье-порохъ; здѣсь въ откосахъ этого спуска были когда-то пороховые погреба.

Во многихъ городахъ центральныхъ губерній, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ мы видимъ пригороды, слободы, носящіе названія Стрѣлецкихъ, Пушкарскихъ, Драгунскихъ, Солдатскихъ. Нерѣдко эти слободы передаютъ свои названія цѣлымъ прилегающимъ волостямъ уѣзда. Эти названія особенно часты въ тѣхъ городахъ, которые составляли въ свое время сторожевые посты на тогдашнихъ южныхъ окраинахъ государства. Происхожденіе и значеніе этихъ названій само собою понятно.

Въ послѣднія десятилѣтія появилась новая группа уличныхъ названій — въ честь и память историческихъ лицъ, писателей, композиторовъ и т. п., и время присвоенія подобныхъ названій, путемъ переименованія уже существующихъ улицъ, пріурочивается обыкновенно къ юбилеямъ дня рожденія и смерти этихъ лицъ. Иногда эти улицы, подлежащія переименованію, избираются удачно, такъ какъ, съ одной стороны, жизнь этого лица такъ или иначе связана съ этой мѣстностью, а съ другой—существующее названіе сохранено въ другой улицѣ. Но нерѣдко оно искусственно и не имѣетъ особаго значенія. Такъ, нельзя не признать удачнымъ переименованіе въ Петроградѣ въ Лермонтовскую Могилевской улицы, по которой ни до какого Могилева не доѣдешь, и ея продолженія Петергофскаго проспекта, на которомъ стоитъ Николаевское Кавалерійское училище, гдѣ Лермонтовъ получилъ образованіе, тѣмъ болѣе, что другой Петергофскій проспектъ сохранился.

Переименованіе въ Екатерининскую бывшей Малой Садовой, въ улицу Жуковскаго — Малой Итальянской, въ улицу Гоголя—Малой Морской, при наличности оставшихся Садовой, Морской и Итальянской—тоже допустимо. Тоже—въ улицу Глинки бывшей Никольской, въ концѣ которой находится соборъ Николы Морского—такъ какъ она проходитъ мимо опернаго театра. Нельзя, конечно, въ принципѣ имѣть что-либо противъ подобнаго увѣковѣченія памяти великихъ людей, особенно въ ихъ родныхъ городахъ (Тургенева въ Орлѣ, Ломоносова въ Архангельскѣ, Лобачевскаго въ Казани и т. п.), тѣмъ болѣе, что это способствуетъ и популяризаціи этихъ именъ, но, съ другой стороны, надо оберегать и исторію, и прежнюю жизнь городовъ, поскольку она выражается въ названіяхъ ихъ частей. И если городскія думы въ столицахъ и большихъ городахъ относятся болѣе осторожно къ сохраненію старинныхъ уличныхъ названій, то нельзя того же, къ сожалѣнію, сказать про думы другихъ городовъ.

Подъ вліяніемъ вполнѣ понятнаго чувства, при началѣ настоящей великой войны, многіе города, имѣвшіе улицы съ названіемъ «Нѣмецкая»,

пожелали отдѣлаться отъ этого ставшаго ненавистнымъ имени и возбудили соотвѣтствующія ходатайства.

Такъ, въ Москвѣ пожелали измѣнить подобное названіе улицы, въ предѣлахъ Басманной части. Но Московская городская дума взглянула правильно на это дѣло и ходатайство отклонила, въ виду того, что въ данномъ случаѣ это названіе не имѣетъ ничего общаго съ германцами. «Нѣмцами», отъ слова «нѣмой», какъ извѣстно, называли въ древней Руси всѣхъ иностранцевъ, неговорившихъ по-русски—нѣмыхъ въ смыслѣ русскаго языка. Большинство этихъ иностранцевъ были выходцы не изъ Германіи, а голландцы, венеціанцы, генуэзцы, шведы, французы и лишь меньшая часть была изъ Австріи и германскихъ государствъ. Поэтому дума признала, что сохраненіе названія Нѣмецкой улицы, гдѣ жили эти иностранцы, не можетъ оскорбить русскаго уха, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ своего рода историческій памятникъ.

Не такъ взглянула дума города Златоуста. Въ началѣ XIX столѣтія въ Златоустъ были переселены изъ Вестфаліи нѣмецкіе мастера холоднаго оружія, положившіе начало производству златоустовскихъ клинковъ. Поселены они были на спеціально для нихъ выстроенной улицѣ, получившей, понятно, названіе Нѣмецкой, но гдѣ теперь ихъ почти нѣтъ и остались лишь единичные обрусѣлые потомки ихъ. Между тѣмъ, Златоустовская дума, подъ вліяніемъ, правда, патріотическихъ чувствъ, съ легкимъ сердцемъ, однимъ почеркомъ пера, создала новое названіе «Славянская улица», съ исторической точки зрѣнія неимѣющее никакого основанія.

Послѣ благополучнаго окончанія настоящей великой войны, по всей вѣроятности, возникнутъ желанія увѣковѣчить и въ уличныхъ названіяхъ какъ имена героевъ ея, такъ и мѣста сраженій и побѣдъ, подобно упомянутаго уже Забалканскаго проспекта и Бородинской улицы на Фонтанкѣ. При исполненіи въ будущемъ этихъ вполнѣ понятныхъ пожеланій, желательно, тѣмъ не менѣе, не забывать о сохраненіи историческихъ памятниковъ, въ видѣ названій городскихъ улицъ.

Поэтому было бы желательно, чтобы каждый случай переименованія улицы или мѣста какого-либо города, прежде своего осуществленія, прошелъ бы соотвѣтствующую компетентную инстанцію—историческія и археологическія общества или губернскія архивныя комиссіи.

Я полагаю, что нашему обществу, всегда чутко относящемуся къ родной старинѣ, слѣдуетъ взять это дѣло подъ свое покровительство и войти, куда оно найдетъ нужнымъ, съ соотвѣтствующимъ представленіемъ.

С. Хитрово.

Самозванецъ ли „2-й Лжедимитрій“?

Опытъ обзора и сводки печатныхъ матеріаловъ по этому вопросу.

Едва ли можно отрицать, что исторія такъ называемаго «Второго» или «Тушинскаго Лжедимитрія» являетъ собою одну изъ самыхъ неясныхъ страницъ московской смуты начала XVII вѣка. Она даетъ столь неправдоподобное отраженіе, что оно способно вызывать скорѣе недоумѣніе, чѣмъ вѣру, у всякаго непредубѣжденнаго читателя. Не говоря уже объ отдѣльныхъ эпизодахъ полусказочнаго, полуанекдотическаго характера, даже въ главномъ крайне затруднительно составить сколько-нибудь конкретное понятіе о томъ, о чемъ отвлеченно повѣствуетъ историческій разсказъ.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, не то «поповъ сынъ и школьный учитель», не то «бѣглый московскій дьякъ», можетъ быть даже «литвинъ» и «едва ли не жидъ» по чьей-то черезчуръ усердной догадкѣ, «ничтожный, необразованный, грубый» по словамъ его современниковъ—хулителей, «жалкое, безвольное орудіе въ рукахъ поляковъ и казаковъ по мнѣнію большинства позднѣйшихъ изслѣдователей,—этотъ человѣкъ какимъ-то совершенно непостижимымъ образомъ объединяетъ около себя широкія массы самыхъ разнообразныхъ людей и привлекаетъ на свою сторону большую часть тогдашней русской земли, не смотря на явное, казалось бы, безуміе своего выступленія въ опороченной роли разоблаченнаго растриги, которому въ ту пору были, повидимому, навсегда закрыты всѣ пути къ власти на Москвѣ послѣ всенароднаго прославленія мощей «убіеннаго царевича Димитрія». Сами собою возникаютъ вопросы. Какъ могло это случиться? Какимъ образомъ въ такой неблагопріятный моментъ и съ совершенно безнадежной цѣлью рѣшились выдвинуть его недруги Шуйскаго или какъ могъ онъ самъ дерзнуть на появленіе—и гдѣ-же?—въ тѣхъ именно украинскихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ недавно дѣйствовалъ 1-й Димитрій и гдѣ того всѣ хорошо знали и могли сразу же уличить всякаго самозванца? Какъ объяснить себѣ, затѣмъ, что въ лагерѣ невѣдомаго пройдохи, въ качествѣ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, оказались тѣ же вельможные друзья 1-го Димитрія, какъ Вишневецкіе—князь Адамъ, нѣкогда пріютившій у себя «царевича Димитрія», и князь Константинъ, женатый на Урсулѣ Мнишекъ, родной сестрѣ Марины, знатнѣйшіе люди

Польши и едва ли столь легкомысленные, чтобы снизойти до предосудительных связей? Или—князь Романъ Рожинскій, гордый своимъ царственнымъ происхожденіемъ,—могъ ли онъ, потомокъ Гедимина, бунтарь, не скрывавшій горделивыхъ мечтаній о своихъ правахъ на королевскій тронъ, унизиться до публичнаго цѣлованія руки «бродяги», когда являлся къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ? Неужели и подъ Москвою именитое московское боярство въ лицѣ Ивана Никитича Романова съ длиннымъ рядомъ нетитулованныхъ и титулованныхъ потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей во главѣ, поклонилось «неизвѣстному проходимцу», какъ своему спасенному отъ смерти государю, тронъ котораго еще недавно оно окружало въ Москвѣ? Что же: вѣрили они или притворялись? Вѣрили ли явному обманщику, а самъ обманщикъ притворялся, что вѣрилъ имъ? Наконецъ, мыслимо ли, чтобы Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, только что открывавшій мощи царевича Димитрія, при торжественной встрѣчѣ въ Тушинѣ, могъ почтить «Вора» публичнымъ подаркомъ ему драгоцѣннаго яхонта» изъ пастырскаго жезла своего, а отъ него принять почетъ и власть, именоваться пожалованнымъ ему здѣсь титуломъ «нареченнаго патріарха», занять вліятельное положеніе при «царѣ Димитріи Іоанновичѣ», котораго и самъ онъ и съ его благословенія все подвластное ему духовенство поминали передъ престоломъ Божіимъ и всенародно величали «благочестивымъ государемъ»? Могло ли все это быть? Возможно ли представить себѣ столь неправдоподобныя явленія въ условіяхъ дѣйствительной жизни?

Вѣдь для этого надо предположить одну сплошную ложь, цѣлый океанъ лжи, даже кощунства, нигдѣ въ мірѣ невиданное и совершенно непріемлемаго разумомъ! Значитъ, лгали и кощунствовали тогда рѣшительно всѣ: лгали поляки, лгали, кощунствуя присягою, казаки и виднѣйшіе московскіе люди съ митрополитомъ Филаретомъ во главѣ, лгало населеніе цѣлыхъ городовъ, какъ, напримѣръ, Путивля, гдѣ отлично знали, что присягаютъ обманщику, какъ законному царю, и больше всѣхъ лгалъ самъ «Лжедимитрій», лгалъ въ глаза не только нагло—даже глупо, называя себя именемъ лица, всѣмъ хорошо извѣстнаго, и не только лгалъ самъ, но и притворялся, что вѣрилъ очевидной лжи всѣхъ другихъ, какъ и эти другіе притворялись, что вѣрили его притворной вѣрѣ—и такъ далѣе до умопомраченія.

Очевидно, лжи слишкомъ много, такъ много, что она представляется совершенно невѣроятною!

Говорятъ: личность самозванца не имѣла значенія, ею даже не интересовались, «нужна была смута», а кто служитъ ея орудіемъ—совершенно безразлично. Но вѣдь въ то время было цѣлое повѣтріе на самозванцевъ; они являлись, какъ грибы послѣ дождя, но ни одинъ не имѣлъ замѣтнаго успѣха и не вышелъ за предѣлы своей среды, хотя и могъ служить не менѣе послушнымъ «орудіемъ смуты». Между тѣмъ именуемый «Тушинскимъ Воромъ» сталъ грознымъ станомъ подъ самой Москвою, колебавшеюся между вѣрою въ него и присягою Шуйскому, держался при всѣхъ неблаго-

пріятныхъ обстоятельствахъ слишкомъ четыре года, и неизвѣстно, сколько бы продержался еще и чѣмъ кончилъ, если бы не погибъ случайно. Но и съ его гибелью за Марину и ея сына долго стояли русскіе люди, даже на соборѣ 1613 года имя «Воренка» не было забыто, и онъ выдвигался, какъ видный и правомочный кандидатъ на московскій престолъ.

И все-таки взглядъ, что «2-й Лжедимитрій» былъ не царь, а «неизвѣстный бродяга», держится и какъ будто даже не возбуждаетъ сомнѣній, занимая въ нашей исторіи твердую позицію безспорной достовѣрности. Обосновывается онъ на трехъ устояхъ: на оффиціальномъ удостовѣреніи самозванства 2-го Лжедимитрія правительствомъ царя Василія Шуйскаго, не безъ колебаній и значительнаго запозданія скрывшаго личность своего противника подъ неблагозвучнымъ псевдонимомъ «Тушинскаго Вора», на вѣрѣ, что 1-й Лжедимитрій въ ночь на 17 мая 1606 былъ убитъ въ Москвѣ и даже прахъ его развѣянъ по вѣтру, и на свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ современниковъ. Но, къ сожалѣнію, современники не просто свидѣтельствуютъ, а пытаются доказывать свои свидѣтельства установленіемъ внѣшняго и внутренняго несходства между обоими Димитріями, т. е. стараются убѣдить своихъ читателей—и этимъ не только ослабляютъ силу и значеніе свидѣтельствъ, но дѣлаютъ больше: подрываютъ довѣріе къ нимъ, ибо сами напередъ допускаютъ у читателя сомнѣніе. Доказываютъ же различіе они тѣмъ, что «2-й Лжедимитрій» былъ будто бы слишкомъ грубъ и необразованъ сравнительно съ 1-мъ, хотя фактовъ, соотвѣтственныхъ этому различенію, не приводятъ. Даже наоборотъ: наиболѣе освѣдомленный изъ біографовъ Тушинскаго Димитрія, полякъ Мархоцкій, обильно цитируемый Костомаровымъ, проговаривается, что «Мѣховецкій, воспитатель и близкій человѣкъ 1-го Димитрія, сумѣлъ такъ быстро и ловко натаскать 2-го, что самые близкіе къ первому самозванцу люди впадали въ обманъ и принимали 2-го Димитрія за 1-го». Не угодно ли разобраться: съ одной стороны—«грубъ, необразованъ и совсѣмъ не похожъ», а съ другой—«такъ ловко натасканъ, что самые близкіе впадали въ обманъ и принимали его за 1-го Димитрія». И вотъ, на такихъ вопіющихъ противорѣчіяхъ и грубыхъ натяжкахъ строятся самыя вѣскія доказательства различія 1-го и 2-го самозванцевъ!

А въ то же время у тѣхъ же современниковъ пропускается безъ должнаго вниманія немало фактовъ, свидѣтельствующихъ совершенно обратное и обнаруживающихъ въ характерѣ и дѣйствіяхъ «2-го Лжедимитрія» много сходныхъ съ 1-мъ чертъ. Стоитъ напомнить нѣкоторые изъ нихъ. Когда Рожинскій явился съ отрядомъ поляковъ предложить свои услуги Димитрію, послѣдній долго не хотѣлъ видѣть его и день за днемъ откладывалъ пріемъ депутаціи, пока своенравный «рокошанинъ» не вломился насильно къ царю, вынужденному, такимъ образомъ, дать аудіенцію полякамъ и «пожаловать ихъ къ рукѣ». Но, и садясь на тронъ, онъ упорно отворачивался отъ Рожинскаго, а за обѣдомъ все время донималъ поляковъ упреками за участіе

въ «рокошѣ», виновникомъ котораго и былъ именно Рожинскій.—«Не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ вашего короля»,—говорилъ онъ имъ, проводя типичный для Москвы и 1-го Димитрія взглядъ на личность царя:—«Московскій государь не на то родился, чтобы имъ помыкалъ какой-нибудь арцибѣсъ или, какъ онъ тамъ зовется?—арцибискупъ, что ли!» Затѣмъ, нѣсколько дней спустя, чтобы дать отвѣтъ польскому колу, онъ пожелалъ лично явиться передъ кругомъ и пріѣхалъ въ лагерь Рожинскаго на богато убранномъ конѣ и съ пышною свитою, причемъ на послышавшійся около него непочтительный шумъ поляковъ крикнулъ имъ по-польски, но совсѣмъ въ московскомъ стилѣ: «Цытьте, скурви сынове! Къ вамъ пріѣхалъ не кто-нибудь, а московскій царь!» Потомъ, выслушавъ привѣтствіе Рожинскаго, онъ поручилъ своему московскому человѣку сказать рѣчь войску, но не удовлетворился его дипломатическою осторожностью и, прервавъ его, сталъ самъ говорить съ поляками. Когда же въ отвѣтъ на его, должно быть, слишкомъ энергичныя слова послышался ропотъ и наиболѣе пылкіе схватились даже за оружіе, онъ повернулъ своего коня и спокойно поѣхалъ прочь. Но черезъ нѣсколько дней снова пріѣхалъ въ польскій лагерь для оправданія своей несдержанности и помирился съ поляками. Развѣ это упрямство при большой гибкости, горячность и полемическій задоръ не напоминаютъ 1-го Димитрія? Развѣ нельзя въ исторіи послѣдняго найти совершенно аналогичныхъ сценъ? Наконецъ, развѣ не тотъ же хорошо знакомый тонъ звучитъ въ его отвѣтѣ полякамъ, когда они, подстрекаемые Рожинскимъ, потребовали выдачи гетмана Мѣховецкаго: «Какъ вы хотите, чтобы московскій государь выдавалъ слугъ своихъ, которые ему вѣрно служатъ? Никогда этого не будетъ!»

И многое другое можно было бы извлечь изъ показаній тѣхъ же современниковъ, даже сверхъ того, что будетъ указано еще впереди и что совсѣмъ не оправдываетъ установившейся репутаціи этого главнѣйшаго изъ устоевъ, но и сказаннаго, думается, вполнѣ довольно для иллюстраціи тѣхъ потугъ, которыя предпринимались съ цѣлью установить различіе сходныхъ историческихъ фигуръ.

Второй устой, смерть 1-го Димитрія съ самого начала была спорною и удостовѣрялась лишь правительствомъ Шуйскаго, отъ котораго исходили также и всѣ подробности кровавой майской ночи. Современники же, пишущіе объ этомъ, не будучи очевидцами главнаго момента, могли получить свои свѣдѣнія только отъ участниковъ бунта, такъ какъ другихъ источниковъ не существовало по той причинѣ, что ближайшіе свидѣтели нападенія на царскій дворецъ изъ лицъ, окружавшихъ царя, были перебиты, и самый главный изъ нихъ, будто бы крикнувшій царю: «Спасайся, а я умру!»—Басмановъ, начальникъ охраны царской, палъ въ первую же голову, защищая входы въ дворцовыя помѣщенія. И вотъ, вчитываясь въ этотъ несомнѣнно инспирированный разсказъ о послѣднихъ минутахъ жизни царя, нельзя, думается, не замѣтить его весьма прозрачной сочиненности и даже

не весьма искусной—можно, кажется, добавить. Какъ это такъ? Люди хотятъ врасплохъ напасть на царскій дворецъ, когда все спитъ въ немъ, и подъ покровомъ ночи свершить задуманное темное дѣло, и вдругъ—сами же поднимаютъ переполохъ на весь городъ набатнымъ звономъ. Странный способъ осуществленія тайнаго заговора!

На звонъ сбѣгается тысячная толпа; ей заявляютъ, что поляки убиваютъ царя, но ведутъ ее не на поляковъ, не въ защиту царя, а противъ него же.

Когда толпа ворвалась въ кремль, во главѣ ея на конѣ и съ крестомъ въ рукахъ становится князь Василій Шуйскій и ведетъ противъ «обманщика и еритика Растриги», въ котораго вдругъ какимъ-то чудомъ превратился московскій царь. Не ясно ли, что это скорѣе театральное представленіе съ превращеніями, чѣмъ дѣйствительность? И какъ мало похожъ крестоносный вождь его на историческаго Шуйскаго, никогда не заявлявшаго о себѣ открытыми дѣйствіями и выступленіями «съ поднятымъ забраломъ»!

Разсказываютъ далѣе: понявъ опасность, Димитрій въ испугѣ мечется по дворцу, то выбѣгая на крыльцо и грозя толпѣ, то снова скрываясь, чего никто, однако, изъ бывшихъ во дворцѣ, по крайней мѣрѣ на женской его половинѣ, не подтверждаетъ и, наконецъ, выпрыгиваетъ въ окно съ огромной высоты, почему-то не воспользовавшись потайнымъ подземнымъ ходомъ, о которомъ говорятъ современники. И вотъ, гдѣ-то на заднемъ дворѣ царя находятъ стрѣльцы и, «тронутые мольбами и обѣщаніями», хотятъ его защищать. Происходитъ невѣроятнѣйшая сцена. Тысячная толпа робѣетъ передъ тремя десятками людей и начинаетъ уговаривать ихъ, а когда уговоры не оказываютъ дѣйствія—набирается смѣлости и грозитъ нападеніемъ на стрѣлецкую слободу, т. е. на тысячи другихъ стрѣльцовъ, не несшихъ въ эту ночь службы въ городѣ, а слѣдовательно остававшихся дома и способныхъ постоять за себя съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ эта кучка. Однако, 30 стрѣльцовъ пугаются столь смѣшной угрозы и убѣгаютъ, бросивъ Димитрія на дворѣ, а храбрая толпа, пождавъ гдѣ-то ихъ у хода, возвращается, убиваетъ его и послѣ надруганія выбрасываетъ нагой обезображенный трупъ убитаго на Красную площадь.

Право, при чтеніи подобнаго разсказа только гнусность воспроизводимыхъ сценъ не допускаетъ улыбки на лицѣ даже и несмѣшливаго читателя; представить же себѣ его содержаніе въ условіяхъ трезвой дѣйствительности можно развѣ съ помощью, мало сказать, чрезвычайнаго усилія своего воображенія, но, вѣрнѣе, прямого насилія надъ нимъ!

Тѣмъ не менѣе на такихъ устояхъ держится все хрупкое историческое сооруженіе, старательно, но едва ли надежно подпираемое оффиціальнымъ утвержденіемъ самозванства Тушинскаго царя со стороны московскаго правительства, которое и само-то не безъ колебаній, ощупью, перешло отъ пресловутаго «Растриги», именемъ котораго оно окрестило воскресшаго Димитрія вначалѣ, къ позднѣйшему «Вору», положившему

предѣлъ московской изобрѣтательности по части изъясненій событій. Дальше этого оно не пошло и другихъ не пустило, ибо въ Россіи не сохранилось ничего, несогласнаго съ оффиціальной версіей. Но что въ широкихъ кругахъ были иныя воззрѣнія на событія, объ этомъ свидѣтельствуютъ документы, отъ времени до времени выплывающіе изъ-заграницы, изъ архивовъ Польши, Швеціи, Ватикана, Флоренціи, да опубликованныя также внѣ Россіи записки иноземцевъ, напримѣръ Маржерета.

Маржеретъ былъ близкимъ человѣкомъ къ 1-му Димитрію и часто подолгу бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Въ кровавую ночь его не было во дворцѣ, и онъ разсказываетъ о дворцовыхъ событіяхъ со словъ участниковъ переворота, но заканчиваетъ свой расказъ сообщеніемъ о спасеніи Димитрія. «Россіяне увѣряютъ»—пишетъ онъ—«что едва миновала полночь, по царскому повелѣнію взяты были съ Малой царской конюшни три коня турецкіе. Шуйскій допрашивалъ, куда они дѣвались, заморилъ виноватаго; говорили, что хозяинъ того дома, гдѣ скрылся Димитрій по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ царемъ и даже принесъ его собственноручное письмо, въ которомъ тотъ укорялъ за неблагодарность русскихъ и грозилъ виновнымъ». Тотъ же Маржеретъ записываетъ свидѣтельство своего знакомаго, французскаго купца Бертрана де Кассонъ, который видѣлъ на площади трупъ убитаго въ ночь на 17 мая, но не призналъ его за царскій, потому что «на лицѣ были явные слѣды густой сбритой бороды и длинные волосы на головѣ», тогда какъ царь стригся коротко, а бороды не имѣлъ совсѣмъ.

Своею службою и содержаніемъ записокъ Маржеретъ пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго и правдиваго человѣка и потому показанія его не могутъ не быть принятыми во вниманіе. Причемъ ихъ значительность увеличивается еще и тѣмъ, что послѣ московскаго переворота Маржеретъ не согласился остаться у Шуйскаго и вернулся во Францію, гдѣ и написалъ свои записки, а въ Россію пріѣхалъ только тогда, когда снова появился Димитрій, котораго онъ и не покидалъ потомъ до самаго конца.

Кромѣ Маржерета подобныя же свѣдѣнія съ иными подробностями сообщаютъ и другіе современники. Особенно любопытно добытое изъ шведскаго архива и опубликованное еще во «Временникѣ» общества исторіи и древностей за 1855 годъ «Показаніе о ложной смерти» царя Димитрія его слуги Хвалибога. «Самъ раненый ножомъ въ бокъ, былъ приведенъ приставомъ Андреемъ Артищевымъ, дабы распознать господина своего» — говоритъ этотъ близкій къ царю человѣкъ — «и ясно видѣлъ, что то не было тѣло Димитрія, но какого-то хлопа туловитаго съ лбомъ оголеннымъ, съ персями косматыми, а Димитрій былъ тѣла умѣреннаго, стригся съ малыми по сторонамъ кудрями на манеръ студентовъ, перси имѣлъ не поросшія для молодыхъ лѣтъ своихъ. А на оный трупъ должно было маску одѣть, бородавки вырѣзать и спалить. Того же числа въ стойлахъ царскихъ недоставало 25 лошадей и пропалъ бояринъ знатный, Ми-

хаилъ Молчановъ; вѣсть была въ столицѣ, что Димитрій съ Молчановымъ и нѣсколькими иными потаенно ушелъ, какъ и прежде привыченъ былъ инкогнито выѣзжать. Около недѣли спустя, были прибиты на воротахъ боярскихъ листы отъ Димитрія, гдѣ давалъ знать, что ушелъ и Богъ его отъ измѣнниковъ спасъ... Эти листы патріарху приписали, за что его сложили и Гермогена взяли, и былъ бы Шуйскій убитъ, если бы его поляки нѣкоторые не предупредили, которые другой революціи боялись». При этомъ сообщается такая подробность, что въ числѣ пропавшихъ 25 лошадей находилась и «турецкая лошадь царская, прежде Дьяволъ называемая, которую ему (царю) Стадницкій подарилъ и которую особенно царь любилъ. Она потомъ оказалась въ Польшѣ и ее Стадницкій взялъ». Заканчиваетъ Хвалибогъ свое показаніе слухомъ, будто въ Польшѣ Димитрій былъ убитъ и подмѣненъ другимъ, но подтверждаетъ еще разъ, что Димитрій не былъ убитъ въ столицѣ, чему называетъ свидѣтелей и «клянется вѣрой, честью и совѣстью».

Выслушавъ эти чрезвычайно важныя свидѣтельскія показанія и опираясь въ дальнѣйшемъ на всѣ остальные проникшіе въ печать историческіе матеріалы, попытаемся теперь при свѣтѣ ихъ прослѣдить за ходомъ событій да присмотрѣться къ характеру и образу дѣйствія участвующихъ въ событіяхъ лицъ.

Итакъ, слухъ о спасеніи Димитрія появился тотчасъ же послѣ 17 мая и быстро получилъ самое широкое распространеніе, внушивъ увѣренность массамъ: «Россіяне увѣряютъ...», говоритъ Маржеретъ.

Изъ Москвы и московскаго государства вѣсть немедленно перекинулась за границу.

По свидѣтельству ватиканскихъ источниковъ, указанныхъ еще С. М. Соловьевымъ, кардиналъ Боргезе вскорѣ послѣ московскихъ событій писалъ изъ Рима папскому нунцію въ Польшѣ: «Начинаемъ вѣрить что Димитрій живъ, но такъ какъ онъ окружилъ себя еретиками, то нѣтъ надежды, чтобы онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣреніи; король польскій благоразумно замѣчаетъ, что нельзя полагаться на него во второй разъ».

Съ теченіемъ времени увѣренность въ спасеніи Димитрія росла, и въ ноябрѣ 1607 года тотъ же Боргезе высказывается уже вполнѣ опредѣленно: «Сыновья Сандомірскаго палатина, находящіеся въ Римѣ, сообщили Его Святѣйшеству достовѣрное извѣстіе, что Димитрій живъ». Онъ же въ 1608 году положительно утверждаетъ: «Димитрій живъ; даже самые невѣрующіе теперь не противорѣчатъ, какъ прежде». Возникаетъ цѣлая переписка о немъ между папою Павломъ V и польскимъ королемъ, между королемъ и Москвою.

13 января 1608 года пишетъ свое донесеніе, хранящееся во Флоренціи и опубликованное въ VIII т. русской исторической библіотеки, Викентій Львовскій, докторъ богословія, съ подробнымъ разсказомъ о спасеніи

Димитрія 17 мая, объ его бѣгствѣ въ «Польшу, волнуемую партіей Рожинскаго» (выраженіе, поясняющее нежеланіе Димитрія пользоваться услугами этого лица), о тайномъ его проживаніи въ Зомбарскомъ монастырѣ ордена братьевъ Предикаторовъ, откуда онъ писалъ успокоительныя письма матери: «Не сокрушайся, матушка, о судьбѣ сына и дочери. Сынъ твой Димитрій и жена его, и отецъ, и друзья живы, хотя и очень тяготятся». Викентій увѣряетъ, что самъ видѣлъ Димитрія въ Стародубѣ въ 1607 году и даже говорилъ съ нимъ въ присутствіи гетмана Рожинскаго. А Мархоцкій, не признающій подлинности 2-го Димитрія, разсказываетъ, что какой-то монахъ, жившій долго въ одной кельѣ съ 1-мъ Димитріемъ и считавшій новаго претендента обманщикомъ, побесѣдовавъ съ нимъ, призналъ его за настоящаго Димитрія—«такъ былъ обойденъ тѣмъ», поясняетъ разсказчикъ. У Мархоцкаго же приводится цѣлая сцена, разыгранная съ цѣлью уличить Димитрія въ самозванствѣ. Нѣкто Тромбчевскій долго не довѣрялъ 2-му Димитрію и, чтобы испытать его, однажды сталъ разсказывать при немъ о парадѣ 1-го Димитрія въ Москву, намѣренно извращая факты, но Димитрій спокойно поправлялъ его. Тогда Тромбчевскій долженъ былъ сознаться въ своей хитрости. «Милосердый царь!» воскликнулъ онъ, «признаюсь тебѣ, здѣсь въ войскѣ былъ одинъ человѣкъ, котораго никакъ нельзя было увѣрить, что ты доподлинно царь, но теперь Духъ Божій осіялъ его, и онъ вѣритъ, что ты тотъ самый!»

По мнѣнію скептиковъ сцена была нарочно подстроена и ловко разыграна, чтобы внушить вѣру во 2-го Димитрія; но не слишкомъ ли она замысловата для того времени и для людей, окружавшихъ Димитрія? Да и зачѣмъ увѣрять тѣхъ, кто по тѣмъ же мнѣніямъ и безъ всякой увѣренности готовъ былъ служить кому угодно ради однѣхъ выгодъ?

Внутри Россіи вѣсти передавались, конечно, не безъ опасливой оглядки, однако, о. Пирлингъ говоритъ, что уже 1-го іюля 1606 года Марина знала, что Димитрій избѣжалъ смерти и скоро вернется снова.

24-го ноября того же года изъ Ярославля, куда высланы были Мнишки изъ Москвы, бѣжитъ Янъ Бильчинскій и въ Польшѣ выдаетъ себя за посланца Марины, чтобы убѣдить Димитрія спѣшить ей на помощь. Въ то же время начинается переписка между Мнишками и Димитріемъ. Письма Мнишковъ Димитрій пересылаетъ въ Самборъ для утѣшенія воеводши. Изъ Ярославля же Юрій Мнишекъ отправляетъ пространную записку королю Сигизмунду, увѣряя его въ томъ, что Димитрій спасся, и прося оказать ему помощь «согласно договору 1604 года и особому частному договору».

Тогда даже само московское правительство, кажется, вѣрило въ спасеніе и отожествляло обоихъ Димитріевъ, ибо такъ писало шведамъ о разгромѣ Болотникова: «Растригиныхъ совѣтниковъ уже побили». Значитъ, «Растрига» и человѣкъ, именемъ котораго дѣйствовалъ Болотниковъ, признавались за одно и то же лицо.

Когда Димитрій открылся на Украйнѣ, онъ прежде всего послалъ письмо Шуйскому, требуя отъ измѣнника возвращенія престола. Фактъ, совершенно аналогичный требованію предъявленному въ 1605 году царю Борису. Первый, кто оффиціально явился со стороны войска къ Димитрію въ Стародубѣ, былъ Заруцкій, посланный къ царю съ письмомъ отъ «тульскихъ сидѣльцевъ», осажденныхъ войсками царя Василія и просившихъ помощи у Димитрія. Въ то время сходились къ нему сюда польскіе отряды, но онъ видимо неохотно принималъ ихъ къ себѣ на службу, а, выступивъ съ ними въ походъ, покинулъ ихъ и бѣжалъ изъ-подъ Карачева. По дорогѣ оттуда онъ встрѣтился съ Вальевскимъ и Тышкевичемъ, шедшими къ нему со своими отрядами, но не хотѣлъ открывать имъ себя. И тѣ «уличили его»—по словамъ современника—«и заставили сознаться, что онъ Димитрій». Тогда «уличенный» сталъ объяснять имъ, что, не довѣряя полякамъ, рѣшилъ бѣжать въ Путивль, гдѣ «люди издавна ему преданы» и «откуда онъ въ первый разъ приглашенъ былъ на царство».

Болѣе рѣшительно выступилъ Димитрій лишь послѣ присоединенія къ нему преданныхъ лицъ и наиболѣе близкаго изъ нихъ князя Адама Вишневецкаго, съ которымъ уже и не разставался потомъ до самаго конца, несмотря на всѣ неудачи и смѣну лицъ, несшихъ гетманскія обязанности при его войскахъ—Мѣховецкаго, князя Романа Рожинскаго, Яна Петра Сапѣги.

Разсылая грамоты народу русскому, Димитрій вспоминаетъ прежнее свое царствованіе: «Сами вѣдаете, какъ я милосердъ, щедръ и праведенъ, и прежде не казнилъ я никого даже торговою казнію, не только смертію»... и жалуется на появленіе разныхъ самозванныхъ царевичей, повидимому не боясь упрека, что говоритъ «о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго». «За наши грѣхи въ Московскомъ государствѣ объявилось еретичество важное; вражьимъ совѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ, многіе называются царевичами Московскими, природными царскими сѣменами», пишетъ онъ и указываетъ ловить ихъ, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму до его царскаго приказу.

По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ его войска увеличиваются присоединеніемъ новыхъ силъ, и ему присягаютъ города, примыкавшіе еще къ Болотникову: Орелъ, Тула, Веневъ, Кашира, Алексинъ, Калуга, Руза, Можайскъ, Дорогобужъ, Вязьма, даже далекая Астрахань, въ которой сидѣлъ князь Хворостининъ; склоняются передъ нимъ Ляпуновы, Захарій и Прокопій; возстаютъ противъ Шуйскаго—Зубцовъ, Ржевъ, Старица; бунтуетъ Владиміръ, и движеніе въ пользу Димитрія перекидывается за Волгу. Московское правительство испугалось, и Шуйскій, отправляя навстрѣчу ему свои войска, скрылъ отъ нихъ цѣль похода, увѣривъ, что посланы они противъ крымцевъ.

Послѣ Ходынской битвы подъ Москвою въ лагерь Димитрія потянулась московская служивая и родовитая знать: Романовъ, Иванъ Никитичъ,

за нимъ въ разное время его близкіе: князья—Сицкій, Черкасскій, Засѣкины, Трубецкіе—Д. М. и Ю. Н., Катыревъ, Вяземскій, Θед. Мещерскій, Гагаринъ, Шаховскіе, Долгорукіе, Барятинскій, Звенигородскій, не титулованные: Бутурлины, Плещеевъ, воевода Вельяминовъ, Ив. Троекуровъ, Морозовъ, Салтыковъ, даже Годуновъ Иванъ впослѣдствіи «прибрелъ пѣшъ ему, государю, крестъ цѣловать», а слѣдомъ за знатью шли дьяки, боярскія дѣти и разные «мелкіе людишки» съ подъячимъ посольскаго приказа Петромъ Третьяковымъ во главѣ. Въ Тушинѣ появился и свой патріархъ (нареченный) Филаретъ Никитичъ Романовъ, который—по словамъ знаменитаго Авраамія Палицына—«былъ разуменъ и не приклонися ни десно, ни шуе, но пребывъ твердъ въ своей вѣрѣ». Между Москвою и Тушиномъ начались «перелеты». Правительство Шуйскаго совсѣмъ растерялось и, не имѣя средства разоблачить своего противника, прибѣгло къ знакомому уже пріему, къ маскараду, пытаясь скрыть его подъ маской «Тушинскаго Вора», ибо иначе и нельзя назвать эту кличку, какъ маскою, подобною той, подъ которой хотѣли скрыть убитаго на Москвѣ въ ночь на 17 мая. Только тогда маскировалось несходство, а теперь что?

Но, обозвавъ Тушинскаго царя бранною кличкою, правительство московское относилось къ нему совсѣмъ не по-воровски: оно не только карало перебѣжчиковъ въ его лагерь, но даже признавало за возвратившимися пожалованные въ Тушинѣ чины и званія, а вскорѣ начало даже открытые переговоры съ Димитріемъ, хотя при Шуйскомъ велось ихъ уклончиво, не разъ прерывало и опять возобновляло при удобномъ случаѣ—такъ вплоть до самаго занятія Москвы поляками. Тогда вступилъ въ переговоры съ Димитріемъ уже Жолкевскій отъ имени короля Сигизмунда, обѣщая ему любой городъ Польши на выборъ, если тотъ не будетъ мѣшать королю подъ Москвою. Въ самой Москвѣ назрѣвалъ заговоръ Воротынскаго, Андрея Голицына и друг. съ цѣлью передать городъ Димитрію, а часть правящей Московскимъ государствомъ знати съ Ф. И. Мстиславскимъ и И. С. Куракинымъ во главѣ, «примѣряя» кандидатовъ на московскій престолъ послѣ сверженія Шуйскаго, находила, по словамъ Вишневскаго, «выборъ ограниченнымъ либо Владиславомъ Полѣсскимъ, либо Димитріемъ». Партія же недовольныхъ Сигизмундомъ поляковъ намѣчала Тушинскаго царя даже кандидатомъ на польскій престолъ.

Таково въ разные моменты Тушинскаго періода положеніе того человѣка, которому, по ходячему мнѣнію, «никто не вѣрилъ», кого «всѣ считали воромъ» и «презирали свои же люди».

Правда, всѣ предпріятія Димитрія оканчивались неудачами; безденежье его казны раздражало поляковъ и толкало ихъ на грубыя выходки, въ особенности Рожинскаго, злоупотреблявшаго виномъ. Во время одной изъ такихъ, вызванныхъ опьяненіемъ и раздраженіемъ, грубыхъ сценъ Димитрій попытался защититься своимъ титуломъ, напомнивъ Рожинскому съ гордостью: «но вѣдь я царь!», на что получилъ болѣе чѣмъ рѣзкій отвѣтъ:

«а чортъ тебя знаетъ кто ты? Я знаю только, что давно вѣрно служу тебѣ и ничего не получаю за свою службу!» Если въ первый походъ тогда еще только царевичъ Димитрій отвѣчалъ пощечиной на замѣчаніе одного поляка по его адресу «не миновать тебѣ кола», то на этотъ разъ равносильный отвѣтъ пришлось выслушать и перенести самому царю отъ своего пьянаго гетмана. Все же подобные случаи не доказываютъ еще, что вѣра въ Димитрія пала, такъ какъ именно въ эту пору присоединяется къ нему со своимъ отрядомъ Янъ Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, племянникъ польскаго канцлера Льва Сапѣги, человѣкъ, слѣдовательно, хорошо освѣдомленный о личности претендента, его удѣльномъ вѣсѣ и положеніи среди окружающихъ. Впослѣдствіи Сапѣга замѣняетъ Рожинскаго, становится гетманомъ всѣхъ войскъ Димитрія и его правой рукой, снискавъ уваженіе къ себѣ даже въ противномъ лагерѣ. И тѣмъ не менѣе даже этому вліятельному и властному временщику не удалось заслонить собою именуемаго «царикомъ» и «жалкимъ орудіемъ въ рукахъ поляковъ и казаковъ», даже ему Димитрій не боялся дѣлать прямые выговоры, когда тотъ обращался къ царю съ просьбами за опальныхъ лицъ. «Впредь бы ты за такихъ воровъ не упрашивалъ, а съискивалъ»... рѣшительно заявляетъ онъ въ одной изъ грамотъ Сапѣгѣ въ отвѣтъ на его ходатайство о Наливайкѣ.

Чтобы порвать связь прошлаго съ настоящимъ и сбить съ толку народныя массы, московское правительство спѣшитъ выпроводить въ Польшу Марину Мнишекъ съ отцомъ, но они безъ «заранѣе обдуманнаго намѣренія», кажется, попадаютъ въ руки посланныхъ за ними изъ Тушина людей и препровождаются въ Тушинскій лагерь, съ которымъ давно вели постоянную переписку: Димитрій слалъ нѣжныя посланія своей супругѣ и аккуратно получалъ отъ нея и отъ тестя отвѣты. Надо замѣтить, что усиленная переписка этого времени не ограничивалась тѣснымъ кругомъ лицъ, находившихся въ Тушинѣ и Ярославлѣ, но въ интересахъ общаго дѣла простиралась гораздо далѣе: не говоря уже о сношеніяхъ Юрія Мнишка съ королемъ, и Марина, и ея мать, и Рожинскій пишутъ папѣ, прося его покровительства царю. Очевидно, несмотря на пьяныя выходки гетмана, никакихъ сомнѣній въ подлинности Димитрія ни у него, ни у другихъ корреспондентовъ не существовало; иначе вѣдь трудно думать, чтобы они, вѣрные католики, обманывали своего папу.

По пути въ Тушино Мнишки оказались въ ставкѣ Сапѣги. Они встрѣчены были здѣсь съ почетомъ и лично съ подобающей честію препровождены имъ въ царскій лагерь, откуда летѣли уже гонцы съ письмами отъ царя къ царицѣ и съ дѣловыми порученіями «пресвѣтлѣйшей и любезнѣйшей супругѣ» посѣтить по дорогѣ Звенигородскій монастырь для присутствія при прославленіи мощей чтимаго святого, чтобы народъ видѣлъ ея усердіе къ вѣрѣ и «чтобы возбудить въ Москвѣ уваженіе къ намъ, ибо прежнее наше поведеніе возбуждало въ народѣ ненависть и

было причиною того, что мы лишились престола»—благоразумно наставляетъ Димитрій Марину, обнаруживая политическій тактъ искушеннаго въ правленіи человѣка.

За 10 верстъ до Тушина царицу встрѣтили съ поздравленіями новые посланные царя, а за двѣ версты—гетманъ Рожинскій съ извиненіемъ, что царь по болѣзни не можетъ встрѣтить лично царицу. Происходитъ остановка на берегу рѣки Москвы, почти противъ самаго лагеря. Юрій Мнишекъ вмѣстѣ съ Рожинскимъ отправляется къ царю, возвращается и на слѣдующій день снова ѣдетъ въ Тушино одинъ. Сапѣга въ своемъ дневникѣ ядовито замѣчаетъ по этому поводу: «15 сентября панъ воевода былъ у царя вторично, чтобы рѣшить—истинный тотъ царь или нѣтъ». Вотъ, значитъ, въ чемъ было дѣло. Это послѣ продолжительной-то переписки! Другой современникъ свидѣтельствуетъ, что тогда же и Марина получила «достовѣрное извѣстіе» о смерти царя въ Москвѣ 17 мая 1606 года. Такимъ образомъ, оказывается, что всѣ прежнія извѣстія были недостовѣрны и теперь назрѣваютъ какія-то новыя, достовѣрнѣйшія. Иначе сказать: обрисовывается нѣчто похожее на интригу. Если къ этому прибавить еще и догадку, высказанную Гиршбергомъ въ его книгѣ о «Маринѣ Мнишекъ и 2-мъ Самозванцѣ», что при этой встрѣчѣ Юрій Мнишекъ выторговалъ у Димитрія 300 тысячъ рублей и 14 крѣпостей на Украйнѣ, то, кажется, обнажится и самая та почва, на которой проросли первые ростки знаменитой легенды о непризнаніи Димитрія Мариной, проросли, какъ видно, даже ранѣе, чѣмъ состоялось личное свиданіе царя съ царицей.

16 сентября въ ставку Сапѣги пріѣхалъ самъ Димитрій, но «царица не особенно любезно поздоровалась съ царемъ и была недовольна его пріѣздомъ»—говоритъ дневникъ Сапѣги. Замѣчаніе слишкомъ мягкое для того, чтобы служить подтвержденіемъ извѣстію, будто бы при этомъ свиданіи Марина окончательно убѣдилась, что передъ нею не мужъ ея, а чужой человѣкъ. Скорѣе можно допустить простую размолвку, подобную той, какая произошла въ первый пріѣздъ Марины въ Москву, когда она также остановилась, не доѣзжая до столицы, и не хотѣла ѣхать далѣе, услыхавъ, что у Димитрія во дворцѣ живетъ Ксенія Годунова.

Но какъ бы ни было, безъ дальнѣйшихъ замедленій и безъ новыхъ треній, пріѣздъ Марины въ Тушинскій лагерь все-таки состоялся, произошелъ весьма торжественно и супруги навиду у всѣхъ «бросились въ объятія другъ другу». На Москвѣ же пущенъ былъ слухъ, что Марина не признала въ «Ворѣ» 1-го Димитрія, хотя это нисколько не помѣшало московскому правительству сейчасъ же возобновить переговоры съ Тушиномъ. Со стороны Димитрія были: Юрій Мнишекъ, ранѣе заключившій въ Москвѣ договоръ съ Шуйскимъ о непризнаніи «Вора» своимъ зятемъ и съ обязательствомъ Маринѣ впредь не именоваться царицей, Рожинскій, Вишневецкіе—Адамъ и Константинъ, а со стороны Москвы—Вас. Бутурлинъ, Прозоровскій и одинъ изъ Голицыныхъ. Переговоры, впрочемъ, не привели ни къ чему, если не

считать новой «тяги» изъ Москвы въ Тушино Касаткина-Ростовскаго, Черкасскаго и др., тѣмъ не менѣе участіе въ нихъ Юрія Мнишка не можетъ не означать полнаго крушенія прежняго договора между нимъ и Василіемъ Шуйскимъ, а вмѣстѣ и сокрушительнаго удара по знаменитой легендѣ о непризнаніи.

17 января 1609 года, не спѣша собравшись въ путь, сандомірскій воевода покидаетъ Тушино. Ему устраиваются торжественные проводы, и послѣ его отъѣзда между нимъ и Тушиномъ долго еще поддерживается самая дружеская переписка. Марина и Димитрій не разъ обращаются къ нему съ просьбами ходатайствовать за нихъ передъ королемъ и передъ папою; но, повидимому, при отъѣздѣ все-таки произошло какое-то недоразумѣніе, о которомъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ къ отцу Марина. Замѣчая, что она «разсталась съ нимъ не такъ какъ бы хотѣлось», «покорная дочь» недоумѣваетъ, «чѣмъ могла она прогнѣвать своего родителя», и проситъ прощенія, «если приключился съ ея стороны какой ненамѣренный проступокъ». И только. Никакихъ намековъ на какую-то трагедію нѣтъ ни въ ходѣ событій, ни въ перепискѣ.

Въ то же время Марина обнаруживала весьма энергическую дѣятельность вообще и вела большую переписку съ разными лицами. Кромѣ отца, у котораго просила содѣйствія посланнымъ Димитрія, чтобы въ Варшавѣ имъ оказанъ былъ должный почетъ, она писала и папѣ Павлу V, увѣряя его въ исполненіи прежде данныхъ обѣщаній, и Стадницкому, родственнику, высказывая твердую увѣренность, что всѣ «невзгоды пройдутъ и за правое дѣло вступится Богъ». Ея энергія не ослабѣла даже и тогда, когда Димитрій оказался вынужденнымъ покинуть Тушинскій лагерь и бѣжать въ Калугу. Въ письмѣ къ королю Сигизмунду она оправдываетъ это бѣгство тѣмъ, что «государь не имѣетъ права подвергать опасности свою священную особу». Тогда же она лично является передъ тушинскимъ войскомъ и призываетъ поляковъ и казаковъ оставаться вѣрными царю. Отвѣтомъ на ея призывъ былъ отъѣздъ многихъ людей изъ Тушина въ Калугу. Отцу она пишетъ о себѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Господь Богъ послалъ мнѣ страшное испытаніе. Послѣ отъѣзда царскаго въ войскѣ нѣтъ болѣе согласія: одни хотятъ быть съ царемъ, другіе съ королемъ. Мнѣ угрожаетъ великая опасность и ниоткуда нѣтъ ни совѣта, ни помощи. Поручаю себя Всевышнему и ожидаю его приговора». Покидая лагерь и отправляясь сама за своимъ супругомъ, она оставляетъ войску письмо, полное укоризнъ по адресу власть имущихъ: «Горько моему сердцу»—пишетъ она—«меня держатъ безъ друзей и защитниковъ, какъ плѣнницу; негодные ругаются надъ моею честью, строятъ противъ меня измѣны и заговоры, за меня торгуются (намекъ на переговоры съ Сигизмундомъ). Но я свидѣтельствую Богомъ, что вѣчно буду стоять за свою честь и достоинство. Разъ бывши государыней, я не могу стать снова польской шляхтянкой и не хочу. Вамъ, храбрые рыцари польскіе, я поручаю свою честь; вѣрю, что благородные рыцари помнятъ свою присягу и не измѣнятъ ей».

Письмо произвело впечатлѣніе. Составился кругъ, отъ Рожинскаго потребовали объясненій, укоряя его въ грубомъ обращеніи съ царемъ и царицей. Королю Сигизмунду, въ отвѣтъ на его предложеніе ей вернуться въ Польшу она писала тогда такъ: «Возлагаю свои надежды на Господа Бога, защитника угнетенныхъ и покровителя правыхъ. Онъ покараетъ измѣнниковъ и враговъ нашихъ и не допуститъ, чтобы они до конца тѣшились нами. Счастье бываетъ измѣнчиво; оно не всегда сопутствуетъ тому, кому благоволитъ вначалѣ, все зависитъ оттого, куда его направитъ Богъ».

Какъ все это далеко отъ привычнаго представленія о «сознательныхъ обманахъ» и «вынужденныхъ признаніяхъ»! Хотѣлось бы сказать по поводу приведенныхъ цитатъ изъ подлинныхъ документовъ,—цитатъ подкупающихъ неподдѣльностью своего содержанія и искренностью тона.

Въ Тушинѣ начался развалъ. Польскій кругъ послалъ въ Калугу Тышкевича съ цѣлью уговорить царя вернуться въ лагерь и кстати выторговать у него кое-что для себя на будущее время. Тотъ возвратился съ письмомъ Димитрія, хотя и подтверждающимъ прежнія обѣщанія наградъ за службу, но твердо отстаивающимъ права царя «въ дѣлахъ своего государства совѣщаться только со своими московскими людьми». При этомъ Димитрій жалуется на Рожинскаго и требуетъ его удаленія, а также выдачи «измѣнниковъ бояръ и дворянъ московскихъ», имѣя, очевидно, въ виду тѣхъ, кто завелъ въ это время переговоры съ польскимъ королемъ. Такова дѣйствительность, мало согласная съ мнѣніемъ, что какіе-то люди вертѣли, какъ пѣшкой, ничтожнымъ Тушинскимъ обманщикомъ, жалкимъ безвольнымъ орудіемъ ихъ корыстныхъ цѣлей!

Наконецъ, Марина въ Калугѣ. Туда же прибываетъ изъ-подъ Смоленска братъ ея, Станиславъ Мнишекъ, въ качествѣ посла отъ Сигизмунда къ Димитрію съ предложеніемъ союза, а остатки тушинскихъ поляковъ частію уходятъ подъ Смоленскъ и присоединяются къ королю, частію остаются вѣрными Димитрію и даже послѣ избранія Владислава на московскій престолъ отвѣчаютъ такой выразительной репликой на предложеніе Жолкевскаго вернуться на службу Польшѣ: «Радуемся, что королевичу, его милости, отдалась столица, но мы, вошедшіе въ эту землю, чтобы защищать справедливыя права царя и царицы, не посрамимъ своего народа, не отступимъ отъ царя». Самъ Димитрій на предложеніе ему Гродно или Самбора взамѣнъ Москвы заявляетъ съ гордостью, что «предпочтетъ рабство у крестьянина позору ѣсть королевскій хлѣбъ», а Марина къ этому прибавляетъ не безъ ехидства: «Пусть король уступитъ царю Краковъ, тогда взамѣнъ царь подаритъ ему Варшаву».

Гетманомъ всѣхъ войскъ Димитрія становится въ это время Сапѣга.

27 іюня 1610 года Димитрій посылаетъ письмо въ Москву и проситъ «бояръ и весь честной народъ» прекратить кровопролитія и передаться ему. Царь и гетманъ Сапѣга вечеромъ подъѣхали къ Москвѣ. Къ нимъ

вышли Мосальскій и Салтыковъ съ извѣстіемъ, что Шуйскій низложенъ, и звали на завтра начать переговоры. Переговоры, однако, начаты не были. Къ Москвѣ подходилъ Жолкевскій. Димитрій вернулся въ Калугу. Его дѣло казалось проиграннымъ, не взирая на то, что около него было много еще преданныхъ ему людей.

11 ноября совершилось убійство Димитрія на охотѣ. Марина казалась въ отчаяніи. Она просила убить и ее, даже пыталась сама покончить съ собою. Царя похоронили съ подобающими почестями; его недруги, дѣйствительные или мнимые, подвергались народному самосуду. Въ январѣ 1611 года Марина разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго отдавала калужанамъ, чтобы тѣ окрестили его въ свою вѣру и воспитали посвоему. Присягнули новому государю, Ивану Дмитріевичу, и вдовствующей царицѣ; даже Ляпуновъ обязался признать новаго царя, если поляки будутъ изгнаны изъ Москвы.

Когда, послѣ Ляпунова, исключительное положеніе занялъ Заруцкій, можно было ожидать торжества Марины и ея сына, но тотъ не удержалъ власти въ своихъ рукахъ и скоро оттолкнулъ отъ себя всѣхъ. Однако, новаго претендента продолжали поддерживать вплоть до Земскаго собора 1613 года, когда по выраженію В. О. Ключевскаго «два кандидата на московскій престолъ выдвинуты были казаками: Воренокъ—сынъ Тушинскаго царя и Михаилъ Романовъ—сынъ Тушинскаго патріарха». Вотъ вкратцѣ и въ предѣлахъ уловимости ходъ тогдашнихъ событій. Возстановляю его въ своей памяти и пропускаю передъ умственнымъ взоромъ своимъ всѣ эти довольно безсвязные обрывки нѣкогда цѣльной исторической картины, тяжко пострадавшей и отъ времени, и отъ людей. Теперь трудно, конечно, представить себѣ во всей полнотѣ то подлинно историческое, не фальсифицированное, что составляло тогдашнюю дѣйствительность, однако необходимо признать, что столь значительныя событія не могли покоиться на одной безсовѣстной лжи отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ. По указаннымъ выше основаніямъ слѣдуетъ думать, что въ основѣ ихъ лежала правда и центральная фигура этой яркой исторической эпохи не могла быть простымъ обманщикомъ.

Не считая, что настоящимъ бѣглымъ обзоромъ одного только печатнаго матеріала удалось доказать тожество 1-го и 2-го Димитріевъ, авторъ однако, надѣется на признаніе за нимъ достаточныхъ основаній убѣжденно сказать, что наличіемъ приведенныхъ имъ здѣсь фактовъ достигается значительно болѣе полное и близкое къ натурѣ освѣщеніе историческихъ лицъ и событій, чѣмъ при одностороннемъ изображеніи ихъ традиціонными чертами, и что при этомъ многимъ прежнимъ недоумѣніямъ не остается больше мѣста. А это, думается, служитъ добрымъ знакомъ не удаленія отъ истины, но приближенія къ ней.

Въ интересахъ точнаго выясненія личности «2-го Самозванца» многіе историки ждали опубликованія полностью дневника Сапѣги. Въ настоящее время дневникъ этотъ извѣстенъ, но «Усвятскій староста» совершенно не

затрагиваетъ въ немъ вопроса о происхожденіи царя и ни словомъ не обмолвливается объ его подлинности, если не считать приведенной ранѣе насмѣшки по адресу Юрія Мнишка. Однако, о чемъ молчитъ дневникъ, о томъ, думается, ясно и громко говорятъ дѣла Сапѣги и его служба Димитрію до самаго послѣдняго момента,—говорятъ гораздо краснорѣчивѣе, а главное—несравненно убѣдительнѣе всякихъ словъ. Но кромѣ того косвенно имѣется и словесное свидѣтельство этого безспорно весьма освѣдомленнаго человѣка, а именно письмо къ нему Ивана Годунова съ повтореніемъ собственныхъ и чрезвычайно показательныхъ словъ самого гетмана: «Писалъ ты, господине великій панъ, что мы, помня Бога и *прежнее крестное цѣлованіе прироженному своему государю,* царю и великому князю *Димитрію Ивановичу* всея Русіи, *вину свою принесли*», говоритъ Годуновъ и заканчиваетъ обычнымъ: «и радъ язъ, холопъ, его царскія милости искать и ему, государю, служить и головы своей не щадить». Кажется, можно признать, что подчеркнутыя слова въ устахъ Сапѣги имѣютъ огромное и почти рѣшающее значеніе, а наименованіе Тушинскаго царя «прироженнымъ государемъ» даже и вдвойнѣ знаменательно.

А. Шустовъ.

„Грюнвальдъ“ съ русской точки зрѣнія.

Стало быть силенъ нѣмецкій міръ и велика рознь славянъ, если, нанеся 500 слишкомъ лѣтъ назадъ дружный и громовой ударъ нѣмцамъ, славяне сотни лѣтъ мечтали только о новомъ такомъ же ударѣ, терпя нѣмецкое засилье и, даже, по великому благодушію своему, помогая росту могущества своего врага. А что это дѣйствительно врагъ — убѣждаютъ насъ тѣ звѣрства, съ какими сейчасъ нѣмцы воюютъ съ нами. Но еще большіе враги наши, это—наши славянскія слабости: рознь, политическая недальновидность, неразсчетливость и чрезмѣрная доброта. Сейчасъ, когда слышно о первыхъ пробныхъ шарахъ о мирѣ, насъ ужасаетъ не война, не ея ужасы, а инстинктивное опасеніе, что мы опять остановимся на полъ-дорогѣ, не сломимъ окончательно нѣмцевъ, забывъ, что «недорубленный лѣсъ выростаетъ», и тогда зашагаетъ смерть славянства на нѣмецкомъ конѣ по нашимъ раздольямъ, какъ шагала она до Грюнвальда и послѣ него до настоящихъ дней взрыва взаимной рассовой ненависти.

Колыбель нѣмцевъ—Средній Рейнъ, и при Карлѣ Великомъ на сѣверѣ Европы они только только дотянулись до Нижней Лабы (Эльбы). Ихъ сплоченность была изумительна и видна была даже въ массивности и компактности боевыхъ строевъ. Къ востоку отъ нихъ на необозримыхъ пространствахъ жили мы, славяне. Славяне дробились на массу народцевъ, погрязшихъ въ исконныхъ междоусобіяхъ, не шедшихъ, однако, сперва, дальше родовыхъ удѣльныхъ счетовъ родственныхъ правителей... Но названная мягкотѣлость славянъ дала возможность двумъ хищнымъ сосѣдямъ — съ запада — нѣмцамъ, а съ востока — азіатамъ-степнякамъ — начать завоевывать и ассимилировать ихъ. И вотъ, мы видимъ, что за 200 лѣтъ до Грюнвальда сплошная масса германцевъ перешагнула Эльбу и по владѣніямъ славянъ Венедовъ и Полабскихъ продвинулась къ началу XIII вѣка до Одера, а азіаты-венгры, половцы и орда оттѣснили сѣверныхъ славянъ отъ Дуная, низовьевъ Днѣпра и Средней Волги (къ срединѣ того же вѣка).

Тогда-то и явилось среди славянъ стремленіе *сплотиться* изъ мелкихъ и разрозненныхъ отдѣльныхъ владѣній въ крупныя и сильныя государства и этимъ дать отпоръ надвигающимся завоевателямъ-поработителямъ, нѣмцамъ и азіатамъ. При славянской неуживчивости, лучшимъ средствомъ

собиранія славянъ явилось покореніе ихъ силой, механическое соединеніе во-едино. И такими соединителями явились Русь, Литва, Польша и Чехія.

Нѣтъ ничего удивительнаго также, что среди «соединителей» возникло соперничество, вражда, борьба... Остатки ея пытается уничтожить, напримѣръ, извѣстное воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ: болѣе всего выросла ненависть между Русью и Польшей изъ соперничества по собиранію силъ славянъ въ могучія государства.

Ко времени Грюнвальда Русь, ослабленная татарами, была широко обобрана Польшей и особенно Литвой, соединившимися въ одну огромную славянскую державу (1386 г.). Владѣнія Литвы подходили подъ самую Москву. Собственныя земли и Польши, и Литвы были ничтожны въ сравненіи съ тѣми пространствами русскихъ земель, которыя онѣ къ себѣ присоединили: Бѣлую и Малую Русь, Волынь, Подолію и Червонную Русь съ Подляшьемъ, да Галицію съ Буковиной и Русскими Карпатами. Прибавимъ къ этому, что огромная Литва даже обрусѣла тогда въ сильной степени: еще спустя 200 лѣтъ послѣ присоединенія Литвы къ Польшѣ литовскіе законы (статутъ) издавались по-русски, династія была русская и православная, отъ скрещенія съ домами Москвы и Галиціи (Шварнъ, сынъ Данилы галицкаго ум. 1268, садился на литовскій престолъ). Ольгердъ православный, имѣлъ въ числѣ сыновей русскихъ дѣтей: Якова (Ягайло) отъ тверской княжны Ульяны, крещеннаго по православію... Вспомнимъ, что родные братья Якова-Ягайлы, Дмитрій и Андрей, стали во время Куликовской операціи на сторону Москвы (1380 г.). А Витовтъ Кейстутовичъ, способнѣйшій изъ князей литовскихъ, былъ двоюродный братъ Ягайло-Якова Ольгердовича и выдалъ свою дочь Софію за сына Дмитрія Донского, Василія.

Впереди сплошной нѣмецкой массы, какъ и впереди сплошной азіатской, выбрасывались впередъ захватчики, образовавшіе острова въ сплошномъ славянскомъ населеніи. Въ Литвѣ оказались татары, а на Балтійскомъ побережьи, куда естественно тянулись славяне, въ сферѣ славянскаго вліянія явились нѣмецкіе рыцарскіе ордена — Тевтонскій на Нижней Вислѣ (съ резиденціей въ Маріенбургѣ, въ городѣ Дѣвы Маріи) и орденъ Меченосцевъ (въ Ригѣ), старавшіеся овладѣть побережьемъ, оттиравшіе отъ него славянъ и сдавливавшіе горла славянскихъ рѣкъ, этихъ исконныхъ славянскихъ дорогъ.

Не разъ эти захваты нѣмцевъ отражались славянами: въ 1240 и въ 1242 годахъ меченосцы биты русскими на Невѣ и на льду Чудскаго озера; поляки въ 1331 году при Пловцахъ, близъ Раздѣева, разбили тевтоновъ.

Но это были частныя побѣды, а въ общемъ нѣмцы все росли и росли на счетъ славянъ, особенно тевтоны, наложившіе руку на Померанію и Восточную Пруссію (все пространство между низовьями Одера, Вислы и Нѣмана), стараясь вырвать у Литвы Жмудь, а у Польши Мазовію... Обѣ онѣ лежали къ югу отъ той границы, которая съ той самой поры опоясываетъ Восточную Пруссію и за которую вотъ уже 500 лѣтъ съ лишнимъ, не смѣли

простирать своихъ вожделѣній нѣмцы, оглушенные Грюнвальдскимъ ударомъ славянъ.

Конрадъ Мазовецкій виноватъ, что далъ тевтонамъ участокъ на Нижней Вислѣ (Хельминскую землю), за помощь въ междоусобіяхъ со своими, а Витовтъ виноватъ, что далъ права нѣмцамъ на Жмудь за нейтралитетъ во время войнъ съ Москвою. Съ началомъ XV вѣка нѣмцы требуютъ и Жмудь, и сѣверо-западъ остальной Мазовіи (Добжинскую землю, города Дрезенкъ и Сантокъ). Эти требованія, какъ и въ наши дни, отличались заносчивостью, дерзостью и нахрапомъ и во многомъ стоятъ параллельно современнымъ. Характерно, что война возгорѣлась, когда во главѣ тевтоновъ явился человѣкъ, въ которомъ всѣ ихъ качества нашли яркое и выпуклое выраженіе. Это былъ гохмейстеръ Ульрихъ-фонъ-Юннингенъ, соединившій въ себѣ въ нетерпимой степени всѣ ненавистныя славянамъ нѣмецкія черты: высокомѣріе, заносчивость, жадность (нѣмецкую колонизацію, постройку замковъ, предложеніе воевать на паяхъ Псковъ и Новгородъ). Это лицо очень схоже съ Вильгельмомъ II и его кронпринцемъ.

Литва и Польша стали вооружаться... Тогда послѣдовалъ надменный вопросъ тевтоновъ о причинахъ вооруженій, подобно сдѣланному намъ Вильгельмомъ. Гохмейстеръ потребовалъ у короля Ягайла, чтобы вассальная королю Литва прекратила вооруженія и перестала мутить Жмудь въ сферѣ тевтонскаго вліянія. Въ обезпеченіе исполненія этого ультиматума онъ захватилъ польскіе караваны съ хлѣбомъ на Вислѣ. А когда Ягайло не согласился исполнить ультиматумъ, то гохмейстеръ объявилъ войну 6 августа 1409 года и занялъ спорныя земли въ Мазовіи, между р.р. Вислой и Древницей, а къ западу отъ Вислы – Бромбергъ.

Ягайло тогда сталъ стягивать силы къ сѣверо-западу отъ Варшавы, къ Червинской переправѣ на Вислу *съ огромныхъ пространствъ* своего Польско-Литовско-Русскаго королевства, занимая вниманіе нѣмцевъ переговорами, движеніемъ Витовта въ Жмудь лѣтомъ, набѣгами на Мазовіи (сожжено Сольдау и 14 деревень). Заручаясь нейтралитетами, онъ купилъ за 40.000 флориновъ у императора тогдашней Австро-Германіи только «демонстративное объявленіе себѣ войны».

Къ 3 іюля 1410 года Ягайло собралъ свое войско къ сѣверу отъ Червинской переправы на Вислѣ противъ орденцевъ и пошелъ на нихъ, разбилъ ихъ 15 числа на «Зеленомъ полѣ», у деревень Таненбергъ и Грюнвальдъ, близъ городка и озера Дубровны, потомъ преслѣдовалъ до Маріенбурга, осадилъ его съ 25 іюля и принудилъ тевтоновъ къ миру съ контрибуціей, отказомъ отъ спорныхъ земель, поступленіемъ въ зависимость отъ славянъ .. Но это-то и привело славянъ къ настоящей кровавой войнѣ въ Восточной Пруссіи: съ нѣмцами надо поступать, какъ со змѣей въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя», иначе рано или поздно вы дождетесь смертельнаго укуса. Это надо помнить и въ эту войну и бить нѣмцевъ *до полнаго распаденія имперіи*, иначе змѣя снова и снова подниметъ голову.

Операція и бой при Грюнвальдѣ произошли, безъ малаго, тамъ, гдѣ потерпѣла неудачу армія Самсонова, и гдѣ, дастъ Богъ, будутъ разбиты совершенно и нѣмцы, собравшіеся въ Восточной Пруссіи.

У ордена было до 85 тыс. конницы и пѣхоты, считавшихся отличной выучки и боевой закалки. У славянъ за сто тысячъ, а съ нестроевыми до 146 тыс. Ягайлѣ принадлежало верховное командованіе, а дѣйствительное — Витовту. Славянская армія дѣлилась на двѣ половины: правая — «литовская», лѣвая — «польская». Русскіе контингенты самые многочисленные были въ обоихъ крыльяхъ арміи. Изъ 91 хоругви было: русскихъ 47, чешскихъ 3, литовскихъ 5, а польскихъ 36 или даже меньше, такъ какъ поляки-историки, ревнуя къ русскимъ, называли польскими контингентами и многія русскія хоругви изъ земель, давно покоренныхъ поляками, но не утратившихъ своей русской самобытности. Разборъ ихъ именъ съ подробной картой въ рукахъ не оставляетъ сомнѣній. Въ центрѣ арміи стояли смоленцы съ княземъ Юріемъ, внукомъ Донского, стойкости котораго и распорядительности Витовта приписывали современники побѣду славянъ.

Укажемъ главные моменты.

Оба войска развернулись другъ противъ друга по возвышеннымъ краямъ долины къ часу дня и нѣмцы послали славянамъ вызовъ, на который послѣдніе отвѣчали наступленіемъ: когда, говоритъ лѣтопись Длугоша, протрубили боевой сигналъ, славяне съ пѣніемъ Богородицы устремились на нѣмцевъ... Правое крыло съ пылкимъ Витовтомъ выдалось впередъ, а его опередили сбоку еще болѣе литовскіе татары... Но нѣмцы опрокинули это крыло, которое однако отошло не въ паническомъ, а въ маневренномъ, на половину притворномъ бѣгствѣ, потому что, выигравъ время, быстро оправилось и вернулось въ бой, рѣшивъ его участь. Но въ центрѣ нѣмцы нарвались на стойкость смолянъ Юрія Мстиславскаго (Мстиславскіе князья искони были удалые) и на контръ-атаки Витовта, схватившаго для этого 2 и 3 линіи лѣваго славянскаго крыла. Бой былъ упоренъ, на атаки Лихтенштейна и Вальроде славяне отвѣчали контръ-атаками не менѣе лихихъ именъ. Оба предводителя строя были на волосокъ отъ гибели, и гохмейстеръ палъ въ битвѣ, наконецъ. Возвратъ праваго крыла славянъ съ радостнымъ крикомъ обратилъ нѣмцевъ въ дикое бѣгство. Преслѣдованіе длилось 15 верстъ. Нѣмцы на половину перебиты и плѣнены, ушли жалкіе остатки... Славяне имѣли до 11.000 убитыми и до 8.000 ранеными.

Польскій лѣтописецъ говоритъ: «Отъ взаимнаго удара копій, звона напиравшаго оружія и ударяющихъ мечей стукъ и шумъ слышенъ былъ на нѣсколько миль. Воинъ напиралъ на воина, съ трескомъ вдребезги разлеталось оружіе, падали взаимно наносимые удары. Топоры и мечи, ударяя другъ о друга, издавали невыносимый стукъ, подобно кузнечнымъ молотамъ. Конные, стиснутые общей сутолокой, наносили удары только саблями и тутъ играла роль только личная отвага и сила».

Русскій лѣтописецъ пишетъ: «и бысть тоѣ осени побоища, а на нихъ нѣмецъ избиваху, много же и *христіанъ* избито бѣ отъ нѣмецъ».

Какъ видно, несмотря на имя «крестоносцевъ», славяне не могли признать въ жестокихъ нѣмцахъ *христіанъ*, какъ и теперь весь свѣтъ твердитъ объ этомъ, взирая на ихъ сверхъ-языческія звѣрства. Какъ и тогда, слова русской лѣтописи вѣроятно будутъ итогомъ настоящей столь же лютой, какъ и Грюнвальдская, борьбы: хоть и много поляжетъ христіанъ, но нѣмцы, дастъ Богъ, по Грюнвальдски, будутъ избиты.

Въ Грюнвальдской битвѣ русскіе, отличаясь первенствомъ, числомъ и отвагой, легко мирились потомъ, что ихъ имя было покрыто польско-литовскимъ покровомъ. Сейчасъ, въ новомъ Грюнвальдѣ, верховодитъ всѣмъ Русь, которая дѣлаетъ самоотверженную попытку разбить нѣмцевъ и дать славянамъ попранную ими свободу, возвратъ самобытности, да и себѣ освобожденіе отъ ихъ разнообразнаго засилья. И нѣтъ причинъ думать, чтобы русскіе не были бы столь же побѣдоносны, какъ при Грюнвальдѣ.

А. Шеманскій.

Къ вопросу объ архивномъ законодательствѣ.

Взявъ на себя смѣлость выступить съ вопросомъ объ архивномъ законодательствѣ — вопросомъ, можно сказать, большой государственной важности, я считаю своимъ долгомъ заявить, что вопросъ этотъ, довольно сложный самъ по себѣ, не можетъ, въ рамкахъ одного, сравнительно очень небольшого доклада, и притомъ скромными силами одного лица, быть разсмотрѣнъ въ полномъ своемъ объемѣ, и если я рѣшился, хотя бы даже и въ самыхъ общихъ чертахъ, коснуться такого важнаго и сложнаго вопроса, то я исходилъ изъ мысли, что можетъ быть и мой скромный трудъ, при всей своей незначительности въ общемъ, можетъ въ отдѣльныхъ частяхъ оказаться достаточнымъ къ тому, чтобы хотя сколько-нибудь разобраться въ данномъ вопросѣ архивнаго законодательства. При этомъ я считаю также своимъ долгомъ заявить, что въ основаніи моей мысли лежала увѣренность, что для болѣе или менѣе правильной постановки архивнаго дѣла необходимо прежде всего установить какія либо болѣе или менѣе правильныя и твердыя основы общей постановки архивнаго дѣла и хотя бы до нѣкоторой степени намѣтить тѣ необходимыя начала особаго, цѣлостнаго, болѣе или менѣе одинаковаго для всѣхъ архивовъ Россійской Имперіи общаго архивнаго законодательства, безъ котораго, за исключеніемъ, конечно, отдѣльныхъ случаевъ, невозможно, по моему мнѣнію, никакое благоустройство нашихъ отечественныхъ архивовъ. Представляя свой скромный трудъ на строгій судъ вашей критики, позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ нѣкоторой доли снисходительности, если я своимъ трудомъ не въ равной степени сумѣю всѣхъ удовлетворить.

Всѣмъ, болѣе или менѣе, извѣстно, что ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ изъ внутренней жизни каждаго государства, касающійся той или другой стороны государственнаго и народнаго хозяйства, не проходилъ такъ, чтобы не оставилъ какого либо слѣда въ дѣлахъ и документахъ въ архивѣ. Если мы нѣсколько углубимся въ глубь вѣковъ исторіи и обратимся къ Московскому періоду нашей русской исторіи, то не трудно будетъ замѣтить, что даже въ этотъ слишкомъ отдаленный отъ насъ періодъ времени, когда въ Московскомъ Государствѣ органы управленія по

различію дѣлъ и по пространству еще только зарождались, и то въ самомъ смутномъ первоначальномъ своемъ видѣ, нѣкоторые зачатки и архивнаго устройства или, можно сказать, даже какъ бы организаціи, хотя бы и въ слабой степени, уже намѣчались въ древней Руси. Такъ, напримѣръ, въ періодъ Московскихъ Царей: «всякія Государевы и челобитчиковы дѣла» хранились въ казнѣ; названіе же «архивъ», какъ болѣе позднее, еще, конечно, не было извѣстно нашей древней Руси. Эти казны были разныя: были казны Царскія (постельныя, книгохранительныя), и были казны при каждомъ Приказѣ (особыхъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ концѣ XV вѣка), а именно казны: патріаршія, епископскія, церковныя и монастырскія.

«Не помышляя о научной разработкѣ древнихъ документовъ, не думая объ архивныхъ системахъ и не издавая постановленій о способахъ сохраненія документовъ», Правительство Московской Руси, однако, придавало огромное юридическо-практическое значеніе архивному матеріалу и особыми Царскими указами требовало, чтобы хранители письменныхъ сокровищъ, такъ называемые «книгохранители», хранили всякія «Государевы и челобитчиковы дѣла со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ», и эти лица, дьяки и подъячіе прилагали все свое стараніе къ храненію находившихся у нихъ дѣлъ и документовъ и «по силѣ своего разумѣнія» заводили недурныя по тому времени описи симъ документамъ, раздѣляя ихъ на грамоты, книги, столпы, тетради и рознь; кромѣ такого дѣленія документовъ по внѣшнему виду въ древней Руси встрѣчается еще и другое дѣленіе документовъ, очень распространенное въ XVII в.,—хронологическое дѣленіе.

Эти дѣленія документовъ уже указываютъ намъ, что въ древней Руси было не безпорядочное храненіе архивнаго матеріала, а уже въ связи съ извѣстнымъ стремленіемъ ввести нѣкоторую систему храненія въ книгохранилищѣ или архивѣ и систематизацію самыхъ документовъ. Такой болѣе или менѣе правильный и опредѣленный порядокъ распредѣленія и храненія архивнаго матеріала позволяетъ намъ хотя бы до нѣкоторой степени уже судить о томъ, какъ вообще относились наши предки Московской Руси къ документамъ своего времени и какое вообще значеніе имѣлъ для нихъ архивный матеріалъ.

Въ настоящее время болѣе или менѣе для каждаго изъ насъ весьма важное историческое и историко-юридическое значеніе нашихъ архивныхъ богатствъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на то, что все новое и болѣе или менѣе выдающееся, что только появлялось въ русской исторической литературѣ, было плодомъ архивныхъ изысканій. Архивный матеріалъ, представляя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, быть можетъ, исключительную цѣнность для изслѣдователя, въ то же время не является для него мертвымъ матеріаломъ, а полнымъ жизни и глубокаго значенія матеріаломъ, позволяющимъ, быть можетъ, иной разъ разобраться во многихъ вопросахъ современной дѣйствительности.

Профессоръ Сергіевскій въ своей рѣчи на докторскомъ диспутѣ сказалъ: «Не сама по себѣ старина нужна намъ; для науки жизни она нужна, какъ источникъ мудрости, завѣщанный прошлыми вѣками грядущимъ поколѣніямъ, какъ источникъ той мудрости, которая дается много вѣковымъ опытомъ и которая необходима для упроченія каждаго шага на пути прогресса; только зная и понимая прошлое, можно понять настоящее и намѣтить пути будущаго». Слова покойнаго проф. Сергіевскаго несомнѣнно относятся и къ тѣмъ письменнымъ памятникамъ нашей сѣдой старины, которая должна составлять главный предметъ храненія нашихъ архивовъ.

Исходя изъ словъ покойнаго проф. Сергіевскаго, надо полагать, что въ практическомъ отношеніи для насъ долженъ быть высоко важенъ вопросъ непосредственнаго знакомства съ фактами дѣятельности нашихъ предковъ, которыми нельзя не руководствоваться и нынѣ при совершающихся великихъ и малыхъ преобразованіяхъ по всѣмъ частямъ государственнаго устройства и управленія. А посему я и полагалъ бы, что для насъ становится несомнѣннымъ вся важность такой организаціи управленія архивами, при которыхъ было бы: во-1-хъ, вполнѣ обезпечено разумное храненіе архивнаго матеріала и во-2-хъ, возможно большее пользованіе имъ для развитія въ нашемъ отечествѣ правильныхъ знаній по русской исторіи, которую, къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ еще не вполнѣ хорошо знаемъ. При такихъ условіяхъ въ области управленія всѣми архивами Имперіи, какъ государственными, такъ и частными (т. е. принадлежащими юридическому или физическому лицамъ), дѣятельности государства должно быть отведено самое видное мѣсто. На одномъ изъ очередныхъ засѣданій Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи Замѣститель Предсѣдателя М. К. Соколовскій по поводу сгорѣвшаго тогда хранилища старыхъ книгъ кабинета Геологическаго Музея очень вѣрно замѣтилъ, что наши хранилища не могутъ считаться исключительной собственностью одного только частнаго лица, они должны быть достояніемъ государства, для будущаго пользованія послѣдующихъ поколѣній. Съ этою именно цѣлью и должно быть, по моему мнѣнію, правильно поставлено наше архивное законодательство и изданъ особый архивный уставъ, дабы, съ одной стороны, явилась полная возможность использовать всѣ мѣры разумнаго храненія архивнаго матеріала, защитивъ его отъ уничтоженія по злой или неразумной волѣ человѣка, и, съ другой стороны, были устранены препятствія къ извлеченію изъ нашихъ архивныхъ богатствъ тѣхъ выгодъ, которыя при современномъ состояніи науки русской исторіи являются наиболѣе возможными и необходимыми. При этомъ я полагалъ бы, что наши архивы при правильно поставленной организаціи управленія и контроля могутъ и должны, подобно всѣмъ нашимъ государственнымъ учрежденіямъ, служить тѣмъ цѣлямъ государства, къ которымъ оно стремится. Если высшая задача исторіи есть познаніе законообразности и единства всего жизненнаго

порядка, то такое познаніе при изслѣдованіи вопросовъ нашей русской исторіи всего яснѣе можетъ проявиться при документальномъ изученіи нашихъ архивныхъ источниковъ. Какъ бы ни велика была въ количественномъ отношеніи масса архивнаго матеріала, сохранившагося до нашего времени, тѣмъ не менѣе и эта масса, накопленная вѣками, но тронутая изслѣдователями лишь въ слабой степени, можетъ, при правильныхъ условіяхъ пользованія, быть цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу нашей русской исторіи. Между тѣмъ дѣйствующее архивное законодательство не только не находится въ соотвѣтствіи съ этими требованіями, но даже, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не обезпечиваетъ простой сохранности нашего архивнаго матеріала.

Архивное законодательство у насъ развивалось исторически въ теченіе около двухъ съ половиной послѣднихъ столѣтій. Правительствомъ Императора Петра Великаго было обращено особое вниманіе на сохраненіе архивныхъ матеріаловъ, и съ этой цѣлью были созданы особыя учрежденія, которымъ вмѣнялось въ обязанность храненіе письменныхъ актовъ, документовъ и дѣлъ «безъ всякаго упущенія». По регламенту объ учрежденіи Сената положена особая должность архиваріуса, которому предписывалось: «архиваріусу сенатскому исправлять возложенное на него дѣло по регламенту безъ всякаго упущенія». Въ пунктѣ 22 регламента камеръ-коллегіи говорится объ учрежденіи уже особой должности инспектора камеръ-архива. Петръ Великій, при которомъ въ законодательствѣ впервые появляется терминъ «архивъ», по генеральному регламенту установилъ, чтобы изъ коллегіи и конторъ всѣ «книги», документы, дѣла, учиненныя регистратуры, кромѣ необходимыхъ для справокъ по истеченіи 3 лѣтъ, сдавались подъ росписку архиваріусу. Для храненія оконченныхъ дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ создавались два архива: одинъ—«для дѣлъ финансовыхъ подъ назиданіемъ ревизіонъ-коллегіи», второй—«для всѣхъ остальныхъ подъ назиданіемъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи». Общимъ наказомъ губернаторамъ и воеводамъ предписывалось и въ провинціальныхъ городахъ дѣла разныхъ учрежденій «всѣ собрать въ одно мѣсто» и изъ нихъ оконченныя отобрать для храненія въ «особливо безопасное мѣсто». Этимъ же наказомъ Сенату передавалось высшее управленіе и высшій контроль надъ всѣми архивами Имперіи. Сенатъ предписывалъ строить для архивовъ по городамъ безопасныя каменныя палаты и производить ежегодныя ревизіи. Такимъ образомъ, впервые устанавливая въ Россіи архивную централизацію, Великій Преобразователь нашего государства Петръ I на цѣлое столѣтіе опередилъ западную европу. Въ неустанныхъ заботахъ о сохраненіи архивныхъ матеріаловъ Петромъ I и его правительствомъ мало-по малу стали намѣчаться и другія задачи не только храненія архивныхъ матеріаловъ, но и собраніе историческихъ источниковъ. Издавая подробное правило храненія и сбереженія архивныхъ дѣлъ, Петръ Великій дѣлаетъ первое распоряженіе о собраніи древнихъ рукописей, документовъ

и рѣдкихъ книгъ изъ монастырей и церквей, на основаніи котораго губернаторамъ и вице-губернаторамъ предписывалось историческія рукописныя книги всѣ пересмотрѣть и переписать и переписанныя изъ нихъ прислать въ Сенатъ. Въ дѣлѣ собиранія и обработки матеріала по русской исторіи принимаетъ уже участіе новое учрежденіе—Академія Наукъ, обязанная своимъ возникновеніемъ тому же Петру Великому. Созданная по мысли Петра Перваго Академія Наукъ должна была «науки въ Россіи производить и совершать». Научныя стремленія, заявленныя эпохою Петра Великаго, и мысль самого Петра о собираніи источниковъ русской исторіи нашли полное сочувствіе не только въ сотрудникахъ его реформы, но плодотворно отразились и на его современникахъ. Въ это время уже появляются цѣнныя историческія библіотеки, древнехранилища, принадлежащія частнымъ лицамъ: графу Брюсу, Матвѣеву, князю Голицыну, изъ которыхъ первая, какъ извѣстно, послужила пособіемъ для ученыхъ трудовъ Татищева, а послѣдней пользовались Татищевъ и Карамзинъ.

Подобно Петру Первому понимала значеніе архивовъ Императрица Екатерина Вторая. Великая Императрица-историкъ нерѣдко съ добросовѣстностью кропотливаго ученаго историка любила сама заниматься русской исторіей. Она сама составила «планъ къ сочиненію по русской исторіи для народныхъ училищъ Россійской Имперіи». Въ массѣ замѣтокъ и указаній, разсѣянныхъ въ перепискѣ ея статсъ-секретарей и въ запискахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть что она интересовалась даже самыми мелочными спеціальными вопросами. Такое личное увлеченіе Императрицы вопросами русской исторіи и ея источниками дѣлаетъ понятнымъ, что въ ея время появляются неутомимые изыскатели прошлаго, старательно собиравшіе историческіе матеріалы по отечественной исторіи, благодаря чему и самое дѣло архивнаго упорядоченія хотя бы и медленно, но постепенно двигалось впередъ. При содѣйствіи извѣстнаго тогда русскаго ученаго, неутомимаго собирателя историческихъ матеріаловъ, перваго архивиста-академика Федора Ивановича Миллера, которому обязаны въ Россіи множество важнѣйшихъ историческихъ предпріятій,—кн. М. М. Щербатовъ издалъ съ 1770 по 1791 годъ 15 книгъ Россійской исторіи, которая, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Въ этотъ огромный трудъ была внесена масса историческихъ документовъ съ присоединеніемъ къ тексту обширныхъ выписокъ изъ архивныхъ матеріаловъ. Не менѣе значительную услугу оказалъ также дѣлу собиранія историческихъ источниковъ при Екатеринѣ Второй Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ. Его трудами было открыто и издано: «Слово о Полку Игоревѣ», древнѣйшій историческій памятникъ, «Духовная Владиміра Мономаха», «Русская Правда», съ примѣчаніями и др. При Екатеринѣ Второй для храненія дѣлъ учрежденій, упраздненныхъ реформой мѣстныхъ управленій, были созданы Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ въ Петроградѣ и Москвѣ. Архивъ вотчиной коллегіи, гдѣ хранились

и дѣла помѣстнаго приказа, сдѣланъ самостоятельнымъ учрежденіемъ въ вѣдѣніи Сената [1]).

Послѣ смерти Екатерины Второй, ея сынъ Императоръ Павелъ Первый, стремившійся разрушить многое созданное трудами Его Матушки, велѣлъ возвратить всѣ собранныя историческія рукописи прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Это распоряженіе по свидѣтельству современниковъ, какъ извѣстно, было приведено къ исполненію самымъ печальнымъ образомъ. Благодаря этому, многіе историческіе матеріалы по отечественной исторіи уже стали недоступными для всеобщаго пользованія и научнаго изслѣдованія.

Съ теченіемъ времени съ созданіемъ Министерствъ и съ окончательнымъ ихъ устройствомъ создается новый порядокъ въ архивномъ дѣлѣ и начинается уже новая эпоха для архивовъ. Высшее управленіе и контроль надъ всѣми архивами Имперіи значительно ослабѣваетъ и переходитъ къ тѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся архивы. Устанавливается децентрализація архивовъ. Устанавливаются общія и частныя правила храненія, а потомъ и уничтоженія архивныхъ матеріаловъ; при этомъ много предоставляется на «*личное усмотрѣніе*» лицъ тѣхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находятся архивы. Открывается широкій просторъ для уничтоженія «*ненужныхъ дѣлъ*» на вполнѣ «законномъ основаніи». Но насколько трудно разграничить нужное отъ ненужнаго съ официальной точки зрѣнія, можно видѣть изъ примѣра городскаго Ярославскаго Архива, гдѣ были предназначены къ уничтоженію документы, имѣющіе значеніе къ исторіи города Ярославля. Точно также не лучше обстоитъ дѣло уничтоженія источниковъ русской исторіи, происходящее уже отъ плохого состоянія самаго архива; такъ, напримѣръ, изъ доклада Рериха «Новгородскія Стѣны»—четвертому Съѣзду русскихъ зодчихъ мы узнаемъ о довольно странномъ состояніи архива, помѣщеннаго въ Дворцовой башнѣ. «Онъ разбросанъ по полу и покрытъ грязью». Между тѣмъ по свидѣтельству докладчика тамъ могутъ быть интересныя данныя для исторіи г. Новгорода. Помѣщается этотъ архивъ въ двухъ этажахъ башни; третій замурованъ и входовъ не имѣетъ.

«Общія учрежденія министерствъ отъ 25 іюля 1811 г.», создавая архивы при министерствахъ, лишь въ трехъ статьяхъ устанавливаютъ правила храненія дѣлъ въ архивѣ, предписывая, чтобы къ дѣламъ прилагались отпуски всѣхъ бумагъ и чтобы они сдавались въ архивъ при описяхъ; чтобы архивы имѣли описи дѣлъ общую и по отдѣленіямъ и чтобы дѣла и выписки выдавались изъ архива внѣ департамента по точному приказанію директора, а въ департаментѣ по точному приказанію началь-

---

[1]) Авторъ пропускаетъ на нашъ взглядъ извѣстнѣйшаго издателя матеріаловъ по исторіи Н. И. Новикова, хотя нынѣ установлено, что его матеріалами слѣдуетъ пользоваться, въ виду обилія ошибокъ переписчиковъ при чтеніи рукописей, съ большою осмотрительностью. *Ред.*

никовъ отдѣленія. Въ дополненіе къ этому отдѣльныя министерства издавали особыя инструкціи для своихъ архивовъ; такія инструкціи не всегда были согласованы съ другими подобными инструкціями другихъ вѣдомствъ. Эти инструкціи-правила уже создавались по разнымъ частнымъ случаямъ, и обстоятельствамъ, причемъ въ нихъ проводились необходимыя правила лишь для даннаго учрежденія безъ всякой заботы о согласованіи послѣднихъ правилъ съ предыдущими и о томъ, чтобы они пріобрѣтали общій руководственный характеръ.

Въ образованной при нашемъ Императорскомъ Обществѣ Ревнителей Исторіи Архивной комиссіи имѣется большое количество такихъ инструкцій-правилъ—причемъ весь этотъ собранный матеріалъ до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о томъ просторѣ дѣйствій, при которомъ почти всегда возможна по личному усмотрѣнію свободно уничтожать дѣла и документы въ нашихъ архивахъ. Въ сводѣ законовъ I ч., I т., въ отдѣлѣ «общій наказъ министерства» гл. 9, ч. I, изд. 92 г., ст. 275 и 279 есть нѣсколько общихъ правилъ объ обязанностяхъ начальниковъ архивовъ, но ни слова не говорится о самой организаціи архивовъ и объ ихъ задачахъ. Во 2 т. св. зак. въ ст. объ общихъ губернскихъ учрежденіяхъ встрѣчаются правила о губернскихъ архивахъ, уже не имѣющихъ ничего общаго съ первыми. Кромѣ того, съ 60 гг. каждое вѣдомство, какъ извѣстно руководствуется своими особыми сепаратными правилами для архивовъ своего вѣдомства.

Насколько неопредѣленны правила для состава дѣлъ архивовъ губернскихъ учрежденій, можно видѣть изъ слѣдующихъ правилъ: «въ архивъ поступаютъ: 1) всѣ дѣла, окончательно рѣшенныя и исполненныя; 2) дѣла, по которымъ участвующіе не явились въ положенный срокъ, и 3) книги и документы, ненужные для текущаго дѣла дѣлопроизводства и справокъ». Всѣ эти три категоріи правилъ, какъ видно, находятся въ полномъ противорѣчіи между собой и взаимно исключаютъ одна другую. Налагая самыя сложныя и отвѣтственныя обязанности на завѣдующихъ архивами, законъ нигдѣ не высказываетъ требованіе относительно образовательнаго ценза служебнаго персонала въ архивѣ. Въ этомъ направленіи, главнымъ образомъ, до сихъ поръ остается дѣйствующимъ законъ, какъ мнѣ извѣстно, 28 мая 1786 г., по которому предоставляется въ «архиваріусы выбирать людей трезвенныхъ и неподозрительныхъ». По отношенію къ архивамъ центральныхъ учрежденій, дѣйствующее архивное законодательство вездѣ говоритъ лишь о томъ, что «всякія описи и алфавиты составляются для могущихъ потребоваться справокъ канцелярскихъ». Эти архивы центральныхъ учрежденій состоятъ обыкновенно въ полномъ подчиненіи директоровъ департаментовъ, которые исключительно заняты текущими дѣлами своего департамента и, конечно, не обращаютъ никакого вниманія на устройство и упорядоченіе архивовъ своего учрежденія; эти послѣднія являются въ полномъ смыслѣ какъ бы пасынками, обездолен-

ными во всѣхъ отношеніяхъ. Требованіе закона, что «всякія описи и алфавиты составлялись для могущихъ потребоваться справокъ канцелярскихъ», до нѣкоторой степени, указываетъ, что это требованіе возникло и развилось изъ взгляда на архивъ, не какъ на хранилище источниковъ исторіи, предположенныхъ для государственныхъ, общественныхъ и учено-историческихъ цѣлей, а какъ на справочное бюро, потребное лишь исключительно только для справокъ канцелярскихъ по требованію или по точному приказанію директора, а также начальниковъ отдѣленій.

Все это естественно приводитъ къ мысли, что архивныя постановленія, возникшія исторически и имѣвшія нерѣдко временный и даже случайный характеръ, не могли, конечно, во всей своей совокупности, составить какого-либо цѣлостнаго, общаго архивнаго законодательства, построеннаго на едино руководящей идеѣ, а представляли лишь только рядъ болѣе или менѣе значительныхъ распоряженій и узаконеній. Причемъ въ быстро смѣняющихся руководящихъ воззрѣніяхъ на архивное дѣло или архивное хозяйство соотвѣтственно, можно сказать, также болѣе или менѣе, быстро измѣнялись и постановленія по архивной части, вслѣдствіе чего не считались даже и съ измѣненіями самой системы завѣдыванія архивами (централизація и децентрализація), что естественно не могло не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на устройствѣ нашихъ архивовъ.

Переходя теперь къ вопросу объ архивномъ законодательствѣ западно-европейскихъ государствъ, я считаю необходимымъ заявить, что коснусь только тѣхъ государствъ, въ которыхъ я самъ былъ и болѣе или менѣе подробно ознакомился съ исторіей и современнымъ состояніемъ ихъ Архивнаго дѣла. Въ виду этого, я позволю себѣ сообщить объ архивномъ законодательствѣ въ Англіи, Франціи и Бельгіи (очень сожалѣю, что мнѣ не пришлось ознакомиться съ образцовымъ устройствомъ Баварскихъ архивовъ). Какъ извѣстно, правительство западно-европейскихъ государствъ обратило свое вниманіе на приведеніе въ извѣстность историческихъ матеріаловъ только въ началѣ XIX столѣтія. Въ этомъ отношеніи первымъ государственнымъ учрежденіемъ, которое было образовано съ этой цѣлью, считается «Англійская комиссія архивовъ». Но эта комиссія, просуществовавъ по 1837 годъ, стоила англійскому правительству большихъ расходовъ и, какъ извѣстно, не принесла существенной пользы дѣлу упорядоченія архивовъ въ Англіи; тѣмъ не менѣе, однако, и эта первая комиссія оказала пользу тѣмъ, что послужила началомъ для образованія другихъ комиссій, уже построенныхъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, которыя и издали цѣлый рядъ, болѣе или менѣе, цѣнныхъ узаконеній для современнаго устройства архивовъ въ Англіи. Богатѣйшіе историческіе документы, которыми и сейчасъ владѣетъ Англія и которые прежде хранились во многихъ отдѣльныхъ архивахъ Лондона, соединены въ одно цѣлое и помѣщены въ величественномъ и изящномъ архивномъ зданіи въ стилѣ Тюдоръ. Всѣ государственные архивы Англіи съ 1849 г. ввѣрены особому

директору. Ежегодно издаются отчеты, заключающіе описи документовъ и инвентарей. Благодаря учрежденію особой Королевской Комиссіи въ Англіи, общественные и частные архивы упорядочены и приведены въ извѣстность несравненно болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. За время съ 1869 г. члены этой Королевской Комиссіи описали и издали инвентари болѣе 500 архивовъ муниципальныхъ, церковныхъ, фамильныхъ училищныхъ и другихъ. Англійскимъ правительствомъ также принимается систематическое составленіе инвентарныхъ описей и копировальныхъ архивныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Англіи во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Въ виду этого надо полагать, что въ англійскихъ архивахъ со временемъ будутъ сосредоточены всѣ матеріалы, относящіеся къ исторіи Англіи и сохранившіеся во всѣхъ архивахъ Европы. Подобнаго рода централизація архивнаго управленія и архивныхъ матеріаловъ въ Англійскомъ Королевствѣ представляетъ наилучшій образецъ организаціи архивнаго дѣла въ западно-европейскихъ государствахъ. Первая англійская комиссія послужила образцомъ для французской исторической комиссіи, во главѣ которой стоялъ извѣстный историкъ Гизо. Эта французская комиссія вела свое дѣло болѣе успѣшно, чѣмъ первая англійская. Не входя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ архивныхъ узаконеній Франціи, я позволю себѣ только замѣтить, что законы Франціи по отношенію къ рѣшенію вопроса уничтоженія архивныхъ матеріаловъ несравненно строже, чѣмъ у насъ. Предоставленное нашимъ губернскимъ комиссіямъ право уничтожать старыя и новыя дѣла по описямъ, составляемымъ обыкновенно канцеляристами, превышаетъ даже такую власть, какая во Франціи и другихъ государствахъ Западной Европы предоставлена Министрамъ, стоящимъ во главѣ архивнаго управленія. Переходя теперь къ небольшому государству—Бельгіи, я позволю себѣ замѣтить, что бельгійскій принципъ централизаціи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ является до такой степени простъ и практиченъ, что въ Бельгіи осуществленіе централизаціи архивовъ не только не встрѣтило никакихъ затрудненій, но и сейчасъ не встрѣчаетъ затрудненій для поддержанія такого принципа въ будущемъ. По дѣйствующему архивному бельгійскому законодательству архивные матеріалы сосредоточены въ центрѣ—столицѣ Бельгіи—Брюсселѣ, а дѣлопроизводства провинцій и историческихъ единицъ--въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, въ городскихъ архивахъ. По составу архивнаго матеріала бельгійскій государственный архивъ представляетъ опредѣленное, вполнѣ законченное цѣлое. Каждое дѣло и каждый актъ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто храненія, указанное закономъ. Если теперь мы сопоставимъ всѣ эти три системы централизаціи вмѣстѣ и обратимся къ исторіи образованія различій, характеризующихъ въ настоящее время англійскую, французскую и бельгійскую системы, то не трудно будетъ замѣтить нѣкоторыя отличительныя черты, присущія каждой изъ этихъ трехъ системъ архивной централизаціи Западной Европы.

Англійская система централизаціи, представляя въ настоящее время, какъ мы видѣли еще не вполнѣ законченное цѣлое, продолжаетъ медленно, но постепенно централизировать архивные матеріалы и въ настоящее время, при чемъ не допуская рѣзкихъ измѣненій самой системы централизаціи. Англія осуществляетъ ее вполнѣ мирнымъ путемъ посредствомъ покупки подлинниковъ и копій. Относительно французской и бельгійской системъ централизаціи необходимо замѣтить, что безпорядокъ Франціи и порядокъ Бельгіи, при которыхъ эти два государства вступили въ XIX столѣтіи къ устройству своихъ архивовъ, имѣли первостепенное значеніе и въ исторіи образованія ихъ системъ. Въ то время, когда система централизаціи во Франціи подвергалась болѣе или менѣе рѣзкимъ измѣненіямъ, бельгійская система уже съ самаго начала представляла въ общемъ какъ бы законченное цѣлое, не подвергаясь существеннымъ измѣненіямъ. Централизація государственныхъ архивныхъ матеріаловъ въ Бельгіи построена на принципѣ исторически-научномъ, а потому и удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ и соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ жизни архивнаго хозяйства въ Бельгіи.

Изъ приведеннаго, очень краткаго, историческаго очерка архивнаго законодательства въ западно-европейскихъ государствахъ мы видимъ, что какъ прошлое, такъ и настоящее архивнаго дѣла западно-европейскихъ государствъ имѣетъ и для насъ нѣкоторую свою долю поучительности. Какъ мы видѣли, дѣло приведенія въ извѣстность своихъ историческихъ матеріаловъ на западѣ началось сравнительно гораздо позднѣе, чѣмъ у насъ. Правительство западно-европейскихъ государствъ обратило свое вниманіе на это дѣло лишь только въ началѣ XIX столѣтія, а уже къ періоду нашего времени каждое изъ этихъ трехъ государствъ—Англія, Франція и Бельгія—постепенно развили тотъ порядокъ архивнаго управленія, которымъ руководствуются и въ настоящемъ до сего времени и безъ котораго невозможна никакая болѣе или менѣе правильная постановка архивнаго дѣла. При этомъ Англія, Франція и Бельгія, создавая свои системы централизаціи, въ общемъ болѣе или менѣе сходныя, допускали лишь сравнительно незначительныя измѣненія, не нарушая самой системы, исходя изъ мысли, что въ архивномъ дѣлѣ всякая система можетъ быть хороша и полезна лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ проведена твердо и неуклонно до конца, что особенно замѣтно по отношенію къ образованію системъ англійской и бельгійской.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ несомнѣнно надо признать, что и безъ особаго законодательства, при правильномъ взглядѣ на дѣло и любви къ нему, можно сдѣлать много въ отношеніи устройства архива. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить нашъ великолѣпный архивъ Государственнаго Совѣта, архивъ, которымъ мы можемъ гордиться, такъ какъ онъ можетъ служить лучшимъ образцомъ для архивныхъ помѣщеній не только у насъ, но и на Западѣ. Архивъ Государственнаго Совѣта нѣко-

торое время, составляя отдѣленіе Государственной Канцеляріи, помѣщался въ Зимнемъ Дворцѣ. Императоръ Александръ III, всегда живо интересовавшійся успѣхами русской исторической науки, отнесся съ полнѣйшимъ одобреніемъ къ мысли государственнаго секретаря А. А. Половцева—сосредоточить всѣ акты и документы, хранящіеся въ различныхъ мѣстахъ и имѣющіе обще-государственное значеніе, въ архивѣ Государственнаго Совѣта. И вотъ, въ царствованіе Императора Александра III было немедленно приступлено къ постройкѣ такого собственнаго зданія для архива Государственнаго Совѣта, которое нынѣ представляетъ роскошное, одно изъ лучшихъ архивныхъ зданій, удовлетворяющее всѣмъ послѣднимъ требованіямъ науки и техники.

Въ виду всего вышеизложеннаго я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Для общаго упорядоченія архивнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, для болѣе или менѣе правильной постановки архивнаго дѣла въ нашемъ государствѣ необходимо, чтобы въ основу нашего архивнаго законодательства былъ положенъ особый архивный уставъ, выработанный и разработанный на основаніи болѣе или менѣе значительныхъ прежнихъ узаконеній и дополненъ тѣми узаконеніями, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ и требованіямъ жизни архивнаго хозяйства, дабы такимъ образомъ возможно было бы использовать всѣ мѣры разумнаго храненія и пользованія архивными источниками. При этомъ я полагалъ бы, что необходимо:

2. Появившіяся въ каждомъ вѣдомствѣ общія сепаратныя правила «храненія и уничтоженія ненужныхъ дѣлъ», благодаря которымъ въ однихъ вѣдомствахъ дѣла подлежатъ вѣчному храненію, а въ другихъ подобнаго же рода дѣла уничтожаются, какъ устарѣвшія для даннаго времени, замѣнить опредѣленными и ясно выраженными правилами храненія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ устранить тотъ просторъ дѣйствій и тотъ характеръ личныхъ усмотрѣній, при которыхъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенно рѣшается въ нашихъ учрежденіяхъ такой важный вопросъ, какъ уничтоженіе архивныхъ матеріаловъ.

3. Чтобы архивы, которыя, будучи безцѣльно разрознены и находятся въ безпорядкѣ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, гдѣ не только не приносятъ никакой пользы въ данной мѣстности, но даже составляютъ какъ бы бремя для мѣстныхъ учрежденій, объединить съ дѣлами однородными архивовъ другихъ мѣстныхъ учрежденій, гдѣ дѣло поставлено значительно лучше и правильно.

4. Чтобы наши архивы, какъ учрежденія государственныя и ученыя, т. е. предназначенныя для разработки архивныхъ матеріаловъ съ научной цѣлью, имѣли бы всегда въ виду тѣ основныя цѣли государства, къ достиженію которыхъ оно стремится, а потому имѣли бы соотвѣтствующую организацію.

Въ настоящее время проведеніе въ жизнь мѣръ архивнаго упорядоченія на основаніи выработаннаго особаго общаго архивнаго законодательства, безъ котораго невозможно никакое обще-архивное упорядоченіе, мнѣ представляется не только возможнымъ, но и необходимо должнымъ, такъ какъ самъ Государь Императоръ, самъ Державный Хозяинъ земли русской обратилъ свое милостивое вниманіе на наши архивы.

«Въ годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 18 марта 1911 года Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на состояніе архивовъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ Имперіи. Его Величество изволилъ приказать Обществу обсудить тѣ мѣры, которыми можно было бы упорядочить дѣло сохраненія архивныхъ матеріаловъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ».

Высочайшее милостивое вниманіе къ состоянію нашихъ провинціальныхъ архивовъ есть для насъ драгоцѣннѣйшій актъ Высочайшей воли и драгоцѣннѣйшій памятникъ для исторіи развитія архивнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Починъ нашего Государя Императора является первымъ шагомъ на пути къ славному будущему нашихъ отечественныхъ архивовъ, которые послѣ великихъ царствованій Петра I и Екатерины II были обойдены и въ полномъ смыслѣ слова обездолены законами послѣдующей эпохи.

Заканчивая свой докладъ, я горячо привѣтствую Императорское Русское Историческое Общество съ той высокой честью, которая выпала на его долю—по призыву нашего Государя Императора послужить дѣлу упорядоченія нашихъ отечественныхъ архивовъ; я позволю себѣ выразить увѣренность, что быть можетъ и наше молодое Императорское Общество Ревнителей Исторіи въ лицѣ не только всѣхъ представителей образованной изъ среды ея членовъ архивной комиссіи, работающей надъ вопросами архивнаго упорядоченія въ нашемъ отечествѣ, но и другихъ лицъ, могущихъ быть полезными этому обще-государственному дѣлу, дѣлу разрѣшенія такого важнаго и сложнаго вопроса, какимъ въ данномъ случаѣ является вопросъ объ архивномъ законодательствѣ въ нашемъ отечествѣ,—не будутъ лишены высокой чести по призыву обожаемаго нами Монарха совмѣстно обсудить всѣ мѣры архивнаго упорядоченія, такъ какъ только при широкомъ участіи общественныхъ силъ и возможно болѣе или менѣе правильное разрѣшеніе столь наболѣвшаго у насъ архивнаго вопроса [1]).

С. Языковъ.

---

[1]) Редакторъ при этомъ считаетъ нужнымъ высказать свой личный взглядъ на то, что архивное неустройство можно устранить лишь спеціальнымъ архивнымъ съѣздомъ, съ свободнымъ допускомъ на него не только представителей всѣхъ историческихъ обществъ, но и всѣхъ желающихъ, отдѣльныхъ лицъ,—архивистовъ, ученыхъ, писателей и пр. Подобный съѣздъ и былъ задуманъ состоящею при обществѣ архивною комиссіею. Къ сожалѣнію, этому вопросу не суждено было получить реальныя формы въ виду внезапно разразившейся великой войны. *Ред.*

Записка о домикѣ Императора Александра I въ Таганрогѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ моему короткому сообщенію, позвольте мнѣ довести до свѣдѣнія глубокоуважаемаго собранія тѣ причины, которыя побудили меня сдѣлать Обществу настоящее заявленіе. Какъ уроженецъ Таганрога, прожившій тамъ 51 годъ, и какъ ближайшій сосѣдъ дворца, гдѣ жилъ и безвременно скончался Императоръ Александръ I, я слишкомъ живо храню воспоминаніе о дняхъ моего дѣтства и юношества, когда приходилось бывать постояннымъ посѣтителемъ маленькой дворцовой походной церкви, играть въ саду дворца или бродить по его скромнымъ покоямъ. Я живо помню съ какой необыкновенной заботливостью и тщательностью содержался этотъ маленькій домъ въ лучшіе дни Таганрогской жизни, въ періодъ управленія имъ градоначальниками. По упраздненіи градоначальства во дворецъ перестали пускать посѣтителей, и я могъ опять быть въ немъ много лѣтъ спустя. То, что я увидалъ тамъ, вызвало во мнѣ чувство глубокой печали, и вотъ съ тѣхъ поръ, а въ особенности со времени переѣзда сюда, т. е. съ 1909 года я тщетно ищу случая пробудить интересъ къ этому историческому памятнику. Вотъ причина моего сообщенія...

Но начну по порядку.

Въ г. Таганрогѣ, на углу Греческой ул. и Дворцоваго переулка есть домъ, носящій громкое, далеко не соотвѣтствующее его скромному внѣшнему виду названіе дворца. Это—одноэтажное, съ подваломъ, длинное и узкое строеніе, имѣющее, для людей вѣрящихъ въ несчастныя числа, роковое число оконъ 13 по переднему фасаду и 4 окна по боковому. По переулку къ нему примыкаетъ такой же незатѣйливый флигель. Нѣкогда этотъ домъ входилъ въ составъ обширнаго, выходящаго на три улицы имѣнія, принадлежавшаго бывшему Таганрогскому градоначальнику Папкову и нанимался городомъ для квартиры градоначальника. А когда Папковъ выстроилъ для себя въ этомъ имѣніи по другой улицѣ большой двухъ-этажный домъ съ залой въ два свѣта и другими затѣями (какъ странно: этотъ домъ пожертвованъ нынѣ его владѣльцемъ Реми для инвалидовъ

второй великой отечественной войны), онъ продалъ вышеуказанный старый домъ городу.

Въ первый пріѣздъ свой въ г. Таганрогъ въ маѣ 1818 года Императоръ Александръ I остановился въ этой скромной квартирѣ градоначальника. А когда въ 1825 году Государь избралъ своимъ мѣстомъ жительства г. Таганрогъ на болѣе продолжительное время, онъ пожелалъ вновь поселиться въ томъ же скромномъ жилищѣ, несмотря на то, что къ этому времени г. Таганрогъ значительно обстроился и рядомъ съ квартирой градоначальника стоялъ большой и, сравнительно, роскошный домъ Папкова. Очевидно, тому настроенію, которое тогда овладѣло Государемъ, болѣе соотвѣтствовало скромное обывательское жилище, и къ нему у Государя оказались столь теплыя симпатіи, что онъ самъ лично принималъ участіе въ разстановкѣ мебели, вбивалъ гвозди для картинъ, какъ будто отвѣчая затаенной мысли не разставаться съ этимъ жилищемъ до смерти.

Такъ возникъ въ Таганрогѣ дворецъ Императора Александра I.

Послѣ смерти Императора дворецъ его тщательно охранялся высшей администраціей Таганрога — его градоначальниками. Снаружи у дворца стояли двое часовыхъ изъ мѣстной команды, при дворцѣ состоялъ смотритель, а внутри дворца все сохраняло тотъ видъ, въ какомъ его покинула по смерти своего супруга Императрица Елизавета Алексѣевна 22 апрѣля 1826 года. Но въ 1887 году градоначальство въ Таганрогѣ было упразднено, городъ былъ присоединенъ къ Области Войска Донского и переименованъ въ окружный. Наблюденіе за дворцомъ перешло къ войсковой администраціи въ Новочеркасскѣ, и съ этого времени интересъ къ охранѣ этой священной для Таганрога реликвіи сталъ падать. Присмотръ за 140 верстъ отъ предмета наблюденія былъ только формальнымъ и, по существу, не достигающимъ цѣли. Тѣмъ не менѣе, даже, такое наблюденіе вскорѣ оказалось настолько обременительнымъ для администраціи, что вызвало желаніе совершенно отдѣлаться отъ дворца, упразднивъ его. Какъ и у кого родилась эта идея Герострата—неизвѣстно, но только вопросъ объ упраздненіи былъ рѣшенъ утвердительно въ Новочеркасскѣ и былъ представленъ въ Петербургъ, а пока вопросъ этотъ обсуждался и шелъ по инстанціямъ, церковная утварь была сдана въ другія церкви, стража у дворца была снята, и дворецъ остался безъ охраны. Къ счастью, идея упразднить дворецъ была встрѣчена покойнымъ Императоромъ Александромъ III съ такимъ негодованіемъ, которое отбило навсегда охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ въ этомъ направленіи; стража была возстановлена вновь, и жизнь дворца вошла въ прежнюю колею. Къ сожалѣнію, остались неприкосновенными слабое вниманіе и ничтожные отпуски на поддержаніе строеній и ихъ ремонтъ. На это отпускалось около 200 руб. въ годъ, вслѣдствіе чего ремонтъ производился домашнимъ способомъ, клались кой-какія заплаты, а дворецъ ветшалъ, утрачивалъ понемногу свое обличье и дошелъ уже до такого состоянія, которое можно считать на-

чаломъ полнаго разрушенія. Балки, на которыхъ лежатъ полы верхняго этажа, настолько прогнили въ гнѣздахъ, что полъ держится на подпоркахъ, поставленныхъ въ нижнемъ этажѣ; въ стѣнахъ видны трещины, крыша очень плоха и т. п. А между тѣмъ, этотъ памятникъ близкой старины не можетъ не останавливать на себѣ вниманія: этотъ скромный дворецъ болѣе чѣмъ всякое другое жилище Императора Александра I подчеркиваетъ тотъ душевный переломъ, который переживалъ Благословенный въ послѣдній періодъ своего столь богатаго контрастами жизненнаго пути. Внѣшность и въ особенности внутренность дворца поражаетъ своей необычайной простотой: въ немъ нѣтъ ни дорогихъ портьеръ, ни штофныхъ обоевъ, ни дорогой художественной мебели, нѣтъ ничего, что бросается въ глаза, даже, въ самомъ обыкновенномъ частномъ домѣ: простыя бѣлыя занавѣски на окнахъ, самая скромная орѣховая мебель, какая была въ домахъ обывателей того времени, и единственная роскошь—обиліе южнаго солнца и свѣта во всѣхъ комнатахъ. Ничто здѣсь не напоминаетъ тѣхъ пышныхъ царскихъ резиденцій, въ которыхъ жилъ любимый внукъ Великой Императрицы и герой величайшей страницы русской исторіи—войны 12-го года. Императоръ, пережившій всѣ ужасы разгрома и униженія своей Имперіи и поднявшійся затѣмъ на небывалую высоту вершителя судебъ Европы, человѣкъ, со дня рожденія бывшій игрушкой судьбы, переживавшій невѣроятныя контрасты воспитанія между идеалами и настроеніемъ отца и бабки, конечно, не могъ обладать несложнымъ характеромъ, не могъ быть разгаданнымъ легко, а потому всякая деталь, проливающая тотъ или иной свѣтъ на эту загадочную натуру, является цѣннымъ историческимъ документомъ. Съ этой стороны болѣе матеріала для сужденія объ этомъ, неразгаданномъ сфинксѣ дастъ то, что относится къ его интимной жизни, чѣмъ тѣ историческія данныя, которыя описываютъ видимую всѣми сторону его необыкновеннаго царствованія, когда онъ былъ на высотѣ всемогущества власти, въ упоеніи недосягаемаго величія общепризнаннаго героя, полубога. Не то было здѣсь, въ этомъ скромномъ домикѣ, на далекой пустынной окраинѣ Россіи, залитой грустно ласковымъ осеннимъ солнцемъ. Здѣсь можно было быть только самимъ собою, съ подстрѣленной, какъ крыло птицы, совѣстью, съ надломленной душой, Гамлетомъ, но не скромнымъ принцемъ, а всесильнымъ, пресыщеннымъ всей полнотой власти Императоромъ, столь же могучимъ, сколь и несчастнымъ. Какъ жаль, что именно здѣсь у царя-гамлета не оказалось своего Шекспира или, хотя бы обыкновеннаго историка: можетъ быть, тогда не былъ бы упущенъ моментъ разгадать многое въ этой измученной душѣ!

Я очень извиняюсь предъ почтеннымъ собраніемъ за эти отступленія, не имѣющія прямого отношенія къ предмету моего доклада; но мнѣ трудно отъ нихъ воздержаться вслѣдствіе того, что дворцу грозитъ разрушеніе, даже, раньше того, чѣмъ онъ будетъ вполнѣ изученъ: вѣдь до сихъ поръ не существуетъ его описанія, нѣтъ сносныхъ фотографій его внѣшняго

вида и совсѣмъ нѣтъ фотографій внутреннихъ помѣщеній, нѣтъ фотографій церкви, мебели, утвари, скромныхъ предметовъ обстановки и т. п. Вѣдь до сихъ поръ никто не поинтересовался узнать, что находится въ той таинственной замурованной комнатѣ въ центрѣ подвальнаго этажа, три окна коей задѣланы наглухо по фасаду и глядятъ на улицу своими явственными очертаніями. Двери въ нее также ясно видны внутри подвальнаго этажа и также наглухо задѣланы. Въ Таганрогѣ живетъ легенда, что въ этой комнатѣ замурована масонская ложа. Такъ ли это, конечно, рѣшить трудно, но едва ли можно смотрѣть равнодушно на возможное разрушеніе дворца и не поспѣшить проникнуть въ тайну хотя-бы этого таинственнаго помѣщенія...

Я буду искренно счастливъ если мое короткое и отрывочное сообщеніе пробудитъ въ любителяхъ исторіи и отечественной старины интересъ къ памятнику, крупное историческое значеніе коего для меня—внѣ всякаго сомнѣнія [1]).

П. Іордановъ.

[1]) Общество поддержало пожеланіе П. Ф. Іорданова и вошло, черезъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи уполномоченнымъ общества изучить въ научно-историческомъ отношеніи дворецъ въ Таганрогѣ. По всеподданнѣйшему докладу этого ходатайства Министромъ Императорскаго Двора, Его Императорскому Величеству въ 3-й день сего февраля благоугодно было Высочайше соизволить на осуществленіе означеннаго пожеланія. *Ред.*

Письмо Севастопольца.

(1854 г.).

Печатаемое письмо сообщено въ редакцію дѣйствительнымъ членомъ общества М. Е. Акацатовымъ. Писано оно его дядею, къ его отцу, изъ осажденнаго Севастополя. Авторъ письма, Захаръ Ивановичъ Акацатовъ, былъ при началѣ осады прапорщикомъ корпуса штурмановъ, имѣлъ 41 г. За отличіе въ Севастополѣ произведенъ въ подпоручики и награжденъ орденами Св. Анны 3 ст. съ бантомъ и Св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». 25 марта 1855 г. раненъ въ правую щеку близъ глаза. Скончался въ чинѣ полковника.

Простота и безыскусственность письма, столь свойственныя вообще всѣмъ участникамъ великой обороны Севастополя, производятъ умилительное впечатлѣніе. Редакція съ особою охотою удѣляетъ этому письму мѣсто на страницахъ «Вѣстника».

М. Соколовскій.

1854 года, ноября 15 дня, Севастополь.

Любезный братъ Епифанъ Ивановичъ!

Благодарю тебя, что ты мнѣ написалъ письмо, изъ котораго я узналъ, что ты находишься на прежнемъ мѣстѣ. Я послалъ письмо, но вижу, что ты не получилъ его. Теперь спѣшу тебѣ отвѣчать на него. Мое семейство, слава Всевышнему, находится въ добромъ здоровьѣ, и Богъ далъ мнѣ сына Павла, онъ родился 5-го числа сего мѣсяца, подъ громомъ пушекъ нашихъ и непріятельскихъ, которыя не умолкаютъ отъ 5-го числа октября. Начало бомбардированія ужасно; не могу тебѣ описать этой грозы, но скажу тебѣ, что тьма скрыла все насъ окружающее и продолжалась до 7 часовъ вечера, и съ разсвѣтомъ увидѣли съ радостью, что наши укрѣпленія стояли гордо и готовыми дерзко наказать своего врага, но непріятель послѣ пятаго числа, не осмѣлился приблизиться къ батареямъ на пушечный выстрѣлъ. Я сомнѣваюсь въ великодушіи Англичанъ, чтобы они, только тронутые человѣколюбіемъ, пришли мстить за турокъ: нѣтъ, это коварство союзниковъ длилось долго; это видно по заготовкѣ варварскаго сна-

ряда, но Богъ Всемогущій не допустилъ погибнуть намъ отъ ихъ хитрыхъ затѣй. Если бы ты видѣлъ ихъ коническія или лучше сахарныя головы, которыя съ змѣинымъ шумомъ летятъ чрезъ наши головы! Но мы въ продолженіе 40 дней смотримъ хладнокровно на ихъ бомбы. Англо-французы и турки истощили огнестрѣльные снаряды, разрушили нѣсколько домовъ; но если Богу угодно будетъ прогнать врага со стыдомъ, тогда вѣрно Государь Императоръ поможетъ нашимъ гражданамъ. Я скажу, мой домъ еще сохраненъ отъ совершеннаго разрушенія; мое семейство жило на фрегатѣ, но буря небывалая въ Севастополѣ заставила перебраться въ домъ 3-го числа сего мѣсяца, а 5-го разрѣшилась, и непріятель потерялъ нѣсколько судовъ военныхъ и купеческихъ, навѣрное не могу сказать, но по словамъ до 35 судовъ. Если бы дулъ вѣтеръ WSW, то погибъ бы весь флотъ, но Богъ послалъ только на испытаніе врагамъ нашимъ. Моего свояка, полковника Королькова, домъ и все строеніе разрушено, а его семейство выѣхало въ Симферополь прежде бомбардированія. Я его принялъ жить въ свой домъ: что дѣлать, онъ старъ и жилъ все дома, покуда послѣдняя бомба разрушила послѣднюю комнату и выгнала, какъ крота; вѣрно Богъ спасъ его для семейства—лопнуть бомбѣ посреди комнаты, а онъ остался живъ; ему 75 лѣтъ отъ роду. Теперь непріятель у стѣнъ города и стуцера выбиваютъ стекла у оконъ, но наши матросики угощаютъ ихъ тоже тѣмъ же и картечью изъ пушекъ, но не знаю, когда мы будемъ покойны и когда освободимся. Прощай, цѣлуютъ тебя племянники и племянницы, также я и Марія. Твой братъ Захарій.

P. S. У насъ дорого, да что дѣлать, я отправилъ бы семейство къ сестрѣ, но мнѣ не на что; съ начала брали 200 руб. сер. до Николаева, а у меня только есть послѣдніе 13 руб. и не знаю, какъ проживу зиму, запаса никакого, даже дровъ нѣтъ, неоткуда взять ни за какія деньги; вотъ уже зима скоро настанетъ, дождь льетъ безпрестанно. Черепица на домѣ побита осколками бомбъ. Стекла у оконъ также, и Богъ знаетъ, что дальше. Смотрю хладнокровно, можетъ и жизни моей и моему семейству угрожаетъ гибель, но упованіе на Бога; я переношу съ терпѣніемъ.

Перепечатка всѣхъ статей и иллюстрацій воспрещается.
(Законъ 20 марта 1911 г.).

Краткія свѣдѣнія объ Императорскомъ Обществѣ Ревнителей Исторіи.

Общество возникло по мысли М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской и Н. Н. Беклемишева. Первое учредительное собраніе состоялось 11 ноября 1911 г. Къ 1 марта 1916 г. въ Обществѣ состояло свыше 800 членовъ. Августѣйшій Покровитель Общества — Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ; Августѣйшій Почетный Предсѣдатель — Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ; Предсѣдатель — Герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій; Замѣститель Предсѣдателя — Михаилъ Константиновичъ Соколовскій. Почетные члены: А. Ѳ. Кони, Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій, М. К. Соколовскій и Т. О. Соколовская.

Званіе Императорскаго Всемилостивѣйше пожаловано Обществу 7 октября 1914 г.; нагрудный знакъ для членовъ Общества Высочайше утвержденъ 14 іюня 1915 г.; жетонъ для членовъ Общества утвержденъ 3 іюня 1915 г. 5 января 1914 г. при Обществѣ съ Высочайшаго соизволенія открыта подписка на сооруженіе въ Петроградѣ памятника Св. Благовѣрному Великому Князю Александру Невскому, какъ древне-русскому Ратоборцу.

Съ Высочайшаго соизволенія Общество устроило выставку войны въ манежѣ Главнаго Адмиралтейства съ 24 іюня по 8 сентября 1915 г. Выставку посѣтили свыше 560.000 чел.; входная плата была замѣнена добровольными пожертвованіями на нужды раненыхъ; чистый доходъ отъ выставки превысилъ 18.000 руб.

По закрытіи выставки, Общество приступило къ образованію при Обществѣ музея великой войны, съ цѣлью сосредоточить въ немъ предметы и документы, имѣющіе отношеніе къ великой войнѣ.

При Обществѣ состоятъ комиссіи: петербургской старины (Предсѣдатель—М. К. Соколовскій) и архивная (Предсѣдатель—Т. О. Соколовская).

На общихъ засѣданіяхъ были заслушаны нижеслѣдующіе доклады и рѣчи.

Въ 1912 году:

1. *Е. П. Аврамовъ.* «Бытовые черты русскихъ мореходовъ».
2. *О. Г. Базанкуръ.* «Русская женщина-художница».
3. *П. И. Бѣлавенецъ.* «О русскомъ государственномъ гербѣ».
4. Проф. *Ф. А. Витбергъ.* «Нравственно-психологическое значеніе Отечественной войны».
5. *Онъ же.* «Ломоносовъ и сѣверный культурный центръ».
6. Проф. *В. М. Грибовскій.* «Русская общественность въ моментъ вступленія на престолъ династіи Романовыхъ».
7. *Онъ же.* «Александръ Благословенный и его время».
8. *И. А. Гриневская.* «Пугачевщина».
9. Проф. *А. Г. Елчаниновъ.* «Военное значеніе Отечественной войны».
10. Проф. *П. И. Ковалевскій.* «Значеніе исторіи отечества для пониманія современнаго состоянія Россіи».
11. *Онъ же.* «Зелимъ-Ханъ и Кавказъ».
12. *Онъ же.* «Наполеонъ и его геній».
13. *В. А. Лугаковскій.* «Старая Варшава».
14. Князь *В. П. Максутовъ.* «Цезарь Борджіа».
15. *А. А. Мирсновъ.* «С.-Петербургское ополченіе 1812 года».
16. *Н. Р. Овсяный.* «Дѣятельность русскихъ на Адріатическомъ побережьѣ въ 1806—1812 г.г.».
17. *Н. И. Приваловъ.* «Изъ исторіи русской пѣсни».
18. *А. А. Родныхъ.* «Изъ исторіи воздухоплаванія».
19. *А. А. Сакъ.* «Кавалеристъ—дѣвица Надежда Андреевна Дурова».
20. Академикъ *А. И. Соболевскій.* «Народы Балканскаго полуострова въ историческомъ освѣщеніи».
21. *Т. О. Соколовская.* «Русскіе масоны въ войнахъ съ Наполеономъ».
22. *Она же.* «Масонская символика».
23. *Она же.* «Русская женщина сто лѣтъ назадъ».
24. *А. П. Соловьевичъ.* «Молдавское посольство въ Россію въ 1684 году».
25. *В. Г. фонъ-Толь.* «Принцъ Евгеній Виртембергскій».
26. *Ф. А. Ушаковъ.* «Великая Княгиня Ольга и ея отношеніе къ Псковской землѣ».
27. *Н. А. Энгельгардтъ.* «Павелъ Энгельгардтъ въ Отечественную войну».
28. *Онъ же.* Отрывки изъ исторической повѣсти «Огненная купель».

Въ 1913 году:

29. *Н. Н. Балабуха.* «Заселеніе Слободской Украйны».
30. *Онъ же.* «Къ 1600-лѣтію Миланскаго эдикта».
31. *Онъ же.* «Вліяніе древне-еврейскаго законодательства на Русскую Правду».
32. *П. Ѳ. Булацель.* «Забытый герой Двѣнадцатаго года князь Иванъ Степановичъ Гурьяловъ».
33. *П. И. Бѣлавенецъ.* «Флаги славянскихъ государствъ».
34. *А. М. Бѣловъ.* «Ожерелье королевы Маріи-Антуанеты и его отношеніе къ русской исторіи».
35. *А. Е. Вандамъ.* «Грядущая общеевропейская война, какъ выводъ изъ исторіи».
36. *Г. С. Габаевъ.* «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ».
37. *Б. Б. Глинскій.* «Движеніе реформъ въ Россіи за послѣднія 300 лѣтъ».
38. *И. А. Гриневская.* «Бэха-улла».
39. *Она же.* «Въ Іерусалимѣ».

40. Проф. *А. Г. Елчаниновъ*. «Самобытность въ жизни Россіи за время царствованія Дома Романовыхъ».
41. *П. Н. Исаковъ*. «Россія и Европа въ началѣ 1813 года».
42. *Онъ же*. «Императоръ Николай I и восточный вопросъ».
43. *Н. Д. Каллистовъ*. «Русскій флотъ въ Наполеоновскія войны».
44. Проф. *П. И. Ковалевскій*. «Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ».
45. Почетный академикъ *А. Ѳ. Кони*. «Четверть вѣка назадъ».
46. *В. В. Лапинъ*. «Скифія въ легендѣ и исторіи».
47. *Онъ же*. «Бытъ и нравы скифовъ».
48. *А. И. Лебедевъ*. «Къ 60-лѣтію Синопскаго боя».
49. Герцогъ *Г. Н. Лейхтенбергскій*. «Принцъ Евгеній Богарне».
50. *Онъ же*. «Отчетъ о дѣятельности Общества за 1912 г.».
51. *В. К. Лукомскій*. «Происхожденіе эмблемъ герба дома Романовыхъ».
52. Князь *В. П. Максутовъ*. «Notre Dame de Thermidor».
53. *С. Л. Марковъ*. «Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій, какъ воинъ».
54. *В. Н. Нечаевъ*. «Война въ искусствѣ».
55. *П. С. Новацкій*. «Изслѣдованіе мѣстности р. Южнаго Буга по описанію Геродота».
56. Проф. *С. Ф. Платоновъ*. «Почему въ 1613 г. избранъ былъ на Московскій престолъ именно Романовъ?»
57. Князь *П. А. Путятинъ*. «Проекты для двухъ загадочныхъ памятниковъ изъ періода царствованія Императора Александра I».
58. *А. А. Родныхъ*. «Старинное курьезное объявленіе».
59. *С. Г. Рункевичъ*. «Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій и его дѣятельность на пользу родной земли».
60. *А. Ѳ. Селивановъ*. «Губернскія ученыя архивныя комиссіи».
61. Проф. *В. В. Сиповскій*. «Два момента въ исторіи русскаго самосознанія».
62. *Т. О. Соколовская*. «Мистическая литература въ Россіи въ началѣ XIX вѣка».
63. *Она же*. «Къ біографіи Цесаревича Константина Павловича».
64. *Она же*. «Русскіе Государи въ военныхъ походахъ».
65. *Она же*. «Историческіе мотивы въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ».
66. *М. К. Соколовскій*. «Св. Александръ Невскій». Вступительное слово.
67. *П. Н. Столпянскій*. «Старый Петербургъ».
68. *Д. В. Стрaнденъ*. «Изъ исторіи оккультизма».
69. *С. А. Толузаковъ*. «Подвигъ 300-лѣтняго служенія Россіи Государей изъ Дома Романовыхъ».
70. Проф. *Б. В. Фармаковскій*. «Ольвія въ архаическую эпоху».
71. *Л. Н. Целепи*. «Къ вопросу объ увѣковѣченіи памяти Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, какъ воина».
72. *Г. Е. Шумковъ*. «Герой рѣшимости».
73. *Н. А. Энгельгардтъ*. «Значеніе для Россіи Дома Романовыхъ».
74. *С. Р. Языковъ*. «Древлехранилище Кіево-Печерской лавры въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ архивовъ».

Въ 1914 году:

75. *Е. П. Аврамовъ*. «Взглядъ съ моста Императора Александра III».
76. *К. К. Агабоновъ*. «Гибель Петропавловска». Изъ воспоминаній очевидца».
77. *Онъ же*. «Послѣдній боевой конь Наполеона I».
78. *А. Н. Андреевъ*. «Незабвенный Севастополецъ генералъ Хрулевъ».

79. *А. П. Аплаксинъ.* «Памятники старины и искусства Петербургскаго края».
80. Проф. *К. И. Арабажинъ.* «Историческіе идеалы Польши и русско-польскій вопросъ».
81. *Е. И. Аренсъ.* «Къ 200-лѣтію Гангутскаго боя».
82. Проф. *Д. В. Айналовъ.* «Путешествіе Св. Великой Княгини Ольги въ Царьградъ»
83. *Н. Н. Балабуха.* «Румынскій вопросъ въ исторіи».
84. *Онъ же.* «Россія наканунѣ разрѣшенія ея историческихъ задачъ».
85. *Ф. Г. Берендтамъ.* «Художественно-историческія сокровища библіотеки Императорской Академіи Художествъ».
86. Графъ *А. А. Бобринскій.* «Грипсгольмскія пищали».
87. *П. Ф. Булацель.* «Историческій очеркъ привиллегій Прибалтійскаго дворянства».
88. *П. И. Бѣлавенецъ.* «Искаженіе россійскаго герба подъ германскимъ вліяніемъ».
89. *Онъ же.* «Битва славянъ съ германцами при Грюнвальдѣ въ 1410 г.».
90. *А. М. Бѣловъ.* «Что такое Пруссія и какъ она возникла?»
91. Проф. *Н. И. Веселовскій.* «Курганъ Солоха».
92. *Ѳ. А. Витбергъ.* «Нѣсколько словъ о значеніи Россіи въ исторіи славянскаго движенія».
93. *К. А. Военскій.* «Императоръ Александръ I и князь Меттерлихъ».
94. *Онъ же.* «Прибалтійская окрайна сто лѣтъ назадъ».
95. *Онъ же.* «Историческій платокъ—памфлетъ на Наполеона».
96. Проф. *В. М. Грибовскій.* «Историческія условія возникновенія настоящей войны».
97. Проф. *А. Г. Елчаниновъ.* «Императоръ Александръ I и кампанія 1814 г.».
98. *П. И. Изместьевъ.* «Россія и война 1814 г.».
99. *П. Н. Исаковъ.* «Императоръ Александръ I и легенда о старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ».
100. *Онъ же.* «Молдавія, Валахія и Румынія, какъ факторы восточнаго вопроса».
101. *Онъ же.* «1814—1914 г.г. Историческія параллели».
102. Почетный академикъ *А. Ѳ. Кони.* «Судебные уставы 20 ноября 1864 г.».
103. *В. Я. Курбатовъ.* «Памятники зодчества въ разоренныхъ войною мѣстностяхъ».
104. Проф. *П. А. Лавровъ.* «Стефанъ-Душанъ—золотой вѣкъ Сербіи».
105. *А. А. Левенстимъ.* «Неизданныя медали изъ моего собранія».
106. Герцогъ *Г. Н. Лейхтенбергскій.* «Фершампенуазъ и конная гвардія».
107. *Онъ же.* «Конная гвардія при Павлѣ I».
108. *Х. М. Лопаревъ.* «Рокъ Византіи».
109. *Д. Л. Лучинскій.* «Олимпійскія игры».
110. Князь *В. П. Максутовъ.* «Кто былъ Желѣзная Маска?»
111. *Онъ же.* «Варфоломеевская ночь».
112. *С. Л. Марковъ.* «Императоръ Александръ III и армія».
113. *В. П. Мегорскій.* «Олонецкія марціальныя воды при Петрѣ Великомъ».
114. *С. Р. Минцловъ.* «Записки игумени Маріи (кн. Одоевской)».
115. *І. В. Никаноровъ.* «Царь-Миротворецъ».
116. *Онъ же.* «Первые дни франко-русскаго союза».
117. *А. С. Раевскій.* «Къ вопросу о происхожденіи глаголицы».
118. *Онъ же.* «Рзграниченіе Россіи съ Норвегіей».
119. *А. А. Родныхъ.* «Три тайныя подготовки къ уничтоженію непріятельскихъ армій при помощи воздушныхъ бомбардировокъ».
120. *Онъ же.* «Воспоминанія библіофила Я. Ѳ. Березина-Ширяева о библіографѣ В. И. Межовѣ».
121. *Онъ же.* «Курьезное старинное объявленіе о желаніи жениться».
122. *К. К. Романовъ.* «Гремячая башня въ Псковѣ».
123. *Онъ же.* «Церковь села Челмужи».

124. *Н. И. Сластихинъ.* «Меньшиковская башня въ Москвѣ».
125. *Т. О. Соколовская.* «На масонскихъ собраніяхъ» (1817—1822 г.г.). По неизданному дневнику масона-полковника Л. А. Симанскаго.
126 *Она же.* «Трагедія заката».
127. *Она же.* «Историческое призваніе Россіи въ освѣщеніи русскихъ поэтовъ».
128. *М. К. Соколовскій.* «День 26 февраля, Памяти Императора Александра III».
129. *Онъ же.* «Генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь П. М. Волконскій».
130. *Онъ же.* «Преподобный Несторъ-Лѣтописецъ». Краткое слово.
131. *Онъ же.* «Къ 145-лѣтію ордена храбрѣйшихъ».
132. *П. Н. Столпянскій.* «Адмиралтейская часть при Петрѣ Великомъ».
133. *Онъ же.* «Были ли каналы на Васильевскомъ Островѣ?»
134. Проф. *Б. В. Фармаковскій.* «Кавказъ на зарѣ исторіи».
135. *С. К. Хитрово.* «Историко-путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки въ дѣйствующую армію».
136. *В. Ф. Цѣховскій.* «Историческія судьбы Галиціи».
137. *Онъ же.* «Галиція послѣ Вѣнскаго конгресса».
138. *Онъ же.* «Карьера Гогенцоллерновъ».
139. *Л. Н. Чирковъ.* «О казакахъ въ 1812 г.».
140. *Онъ же.* «Партизанъ князь Кудашевъ».
141. *А. Д. Шеманскій.* «Битва славянъ съ германцами при Грюнвальдѣ 1410 г.».
142. *Н. А. Энгельгардтъ.* «Императоръ Александръ III и русское дѣло».
143. Проф. *Н. В. Ястребовъ.* «Янъ Собѣсскій. Эпизодъ изъ исторіи Польши».

Въ 1915 году:

144. *Е. П. Аврамовъ.* «Исторія пушки».
145. *К. К. Агаѳоновъ.* «Изъ переписки Императора Александра II съ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ передъ войною 1877—78 г.г.».
146. *Н. Н. Балабуха.* «Изъ исторіи Албаніи».
147. *Онъ же.* «Воспоминанія о празднованіи въ Кіевѣ 900-лѣтія крещенія Руси».
148. *Онъ же.* «Исправленіе текста славянской Библіи въ связи съ значеніемъ церковно-славянскаго языка въ исторіи культуры Балканскаго полуострова».
149. *Онъ же.* «Церковно-историческіе вопросы Константинополя».
150. *Онъ же.* «Къ 300-лѣтію Кіевской Духовной Академіи».
151. *Онъ же.* «Тѣни прошлой Болгаріи».
152. *Ф. Г. Беренштамъ.* «Петръ Великій въ Брюсселѣ».
153. *Онъ же.* «Знатнѣйшіе проспекты столичнаго города Санктъ-Петербурга, ихъ авторъ Михеевъ и санктъ-петербургскій старожилъ, первый русскій солдатъ Бухвостовъ».
154. *И. Н. Божеряновъ.* «Жизнь въ старомъ Петербургѣ».
155. *В. Е. Боковъ.* «Мы, нѣмцы, поставили себѣ цѣлью Россію».
156. *Онъ же.* «Высочайшіе Особы на Уралѣ».
157. *А. В. Бородинъ.* «Иноземцы ратные люди на службѣ въ Московскомъ Государствѣ».
158. *Онъ же.* «Служба Московскаго государства по охранѣ границъ».
159. *П. И. Бѣлавенецъ.* «Ополченскія знамена и германское вліяніе на рисунокъ русскихъ знаменъ».
160. *Онъ же.* «По поводу доклада М. К. Соколовскаго объ учрежденіи музея великой войны».
161. *Онъ же.* «Къ исторіи Священнаго союза».
162. *Онъ же.* «Кузьма Крючковъ».

163. *В. Е. Бальденбергъ.* «Христіанская политика Владиміра Святого».
164. *А. Н. Витмеръ.* «Дарданеллы и Константинополь».
165. Графъ *С. Ю. Витте.* «Къ исторіи вопроса объ устройствѣ военнаго порта на Мурманѣ» (мемуаръ 1914 г.).
166. *К. А. Военскій.* «Усыпальница герцоговъ Курляндскихъ въ Митавѣ и останки Бирона».
167. *Онъ же.* «Эпизодъ изъ исторіи русско-датскихъ отношеній въ отечественную войну».
168. *Онъ же.* «Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь, 23 сентября 1812 г.».
169. *С. А. Гамаловъ-Чураевъ.* «А. И. Лужковъ, библіотекарь и хранитель геммъ и драгоцѣнностей Эрмитажа Императрицы Екатерины II».
170. *Л. Г. Ждановъ.* «Россія и Польша сто лѣтъ назадъ».
171. *И. И. Зеккъ.* «Итальянская политика Англіи, Франціи и Россіи послѣ Вѣнскаго конгресса».
172. *Онъ же.* «Изъ исторіи австрійскаго Владычества въ Италіи».
173. *Онъ же.* Европейскій концертъ и итальянская война 1859 г.».
174. *П. Н. Исаковъ.* «Къ исторіи армянскаго вопроса».
175. *Онъ же.* «Къ столѣтію Вѣнскаго конгресса».
176. *П. Ф. Іордановъ.* «Домикъ Императора Александра I въ Таганрогѣ».
177. *В. А. Кадыгробовъ.* «Древняя Коложанская церковь въ Гроднѣ и ея значеніе».
178. *Онъ же.* «По поводу доклада М. К. Соколовскаго объ учрежденіи музея великой войны».
179. *Онъ же.* «Памяти члена общества В. Н. Поливанова».
180. *С. Ю. Карцовъ.* «Страница изъ исторіи славянъ—измѣна Болгаріи».
181. *Онъ же.* «Славянофильство и дипломатія».
182. Проф. *П. И. Ковалевскій.* «Историческія судьбы славянства».
183. Поч. акад. *А. Ф. Кони.* «Петръ Великій и народное просвѣщеніе».
184. *Онъ же.* «Изъ исторіи зеленаго змія».
185. *М. Я. Корольковъ.* «Шпіонъ Робеспьерѣ въ Черноморскомъ флотѣ». (Дѣло графа Монтагю).
186. *А. А. Левенстимъ.* «Восточная война 1853—56 г г. въ медаляхъ».
187. Герцогъ *Г. Н. Лейхтенбергскій.* «Переписка Цесаревича Николая Александровича съ Герцогомъ Н. М. Лейхтенбергскимъ».
188. *Онъ же.* «Великая революція, первая имперія и реставрація въ медаляхъ».
189. *Н. О. Лернеръ.* «Петроградскіе сфинксы».
190. *С. Ф. Либровичъ.* «Усыпальница польскихъ королей въ Краковѣ».
191. *Онъ же.* «Полякъ-русскій фельдмаршалъ».
192. *Онъ же.* «Изъ исторіи литературнаго заработка русскихъ писателей».
193. *Онъ же.* «Императоръ Николай I и поляки».
194. Князь *В. П. Максутовъ.* «Въ огневыхъ тискахъ» (Стратегія Мольтке).
195. *Онъ же.* «Французское начальство въ день Лоосскаго боя».
196. *Н. Н. Мамантовъ.* «Полвѣка назадъ. Изъ моихъ воспоминаній».
197. *Онъ же.* «На службѣ при шести министрахъ».
198. Князь *С. П. Монсыревъ.* «Изъ минувшихъ судебъ Прибалтійскаго края».
199. *Онъ же.* «Н. Х. Бунге и его финансовая дѣятельность».
200. *А. М. Оссендовскій.* «Германская промышленность и германскіе государственные идеалы».
201. Баронъ *Н. В. Остенъ-Дризенъ.* «Три эпизода изъ исторіи русскаго театра».
202. *А. А. Папковъ.* «Петиція финляндскаго войска Императору Александру I въ 1822 г.».

203. *А. А. Поляновъ.* «Скоморохи въ древней Руси».
204. *Онъ же.* «Калики».
205. Проф. *С. Л. Шташиркій.* «Походы Литвы на Русь и Москву до Люблинской уніи».
206. *А. А. Родныхъ.* «Тайные воздушные корабли».
207. Проф. *С. В. Рождественскій.* «Послѣдняя страница въ политикѣ министерства народнаго просвѣщенія въ царствованіе Императора Николая I».
208. *С. Г. Рункевичъ.* «Св. Владиміръ Равноапостольный и сущность его историческаго значенія».
209. *Онъ же.* «На новый годъ. Страничка изъ жизни общества».
210. *А. Ф. Селивановъ.* «Семейные архивы Малиновскихъ и графовъ Капнистъ».
211. Проф. *В. В. Сиповскій.* «Былинные герои времени Владиміра Святого».
212. *Т. О. Соколовская.* «Капитулъ Феникса—высшее тайное масонское управленіе въ Россіи».
213. *Она же.* «Національныя теченія въ прежнемъ русскомъ масонствѣ».
214. *Она же.* «Св. великій князь Владиміръ и его стольный градъ Кіевъ въ русской поэзіи».
215. *М. К. Соколовскій.* «Военная дѣятельность Владиміра Святого».
216. *Онъ же.* «М. В. Ломоносовъ».
217. *Онъ же.* «Подвигъ Архипа Осипова; къ его 75-лѣтію».
218. *Онъ же.* «Историческія причины нынѣшней войны».
219. *Онъ же.* «Способы изученія и увѣковѣченія нынѣшней великой войны, какъ явленія историческаго».
220. *Онъ же.* «Взаимное общеніе историческихъ обществъ».
221. *Онъ же.* «Историческіе памятники на кладбищахъ». (По матеріаламъ А. Т. Лебедева).
222. *Онъ же.* «По поводу 4-хъ-лѣтія общества».
223. *Онъ же.* «Мысли историка по поводу современной великой войны».
224. *Онъ же.* «Задачи комиссіи Петроградской старины».
225. *П. Н. Столпянскій.* «Стрѣлка Васильевскаго Острова».
226. *Е. И. Тарасовъ.* «Восточный вопросъ и русско-турецкія отношенія въ XIX вѣкѣ».
227. Академикъ *Ѳ. И. Успенскій.* «Константинополь и его историческіе памятники».
228. *С. К. Хитрово.* «Историческое значеніе наименованій городскихъ улицъ».
229. *Онъ же.* «На поляхъ Бельгіи и Франціи въ 451, 1814, 1870 и 1914 г.г.».
230. *В. Ф. Цѣховскій.* «Силезія въ ея прошломъ».
231. *Онъ же.* «Царь польскій».
232. *Онъ же.* «Померанія—старая славянская земля».
233. *І. А. Шендзиковскій.* «Болгарія въ ея исторіи и по личнымъ воспоминаніямъ»
234. *С. Р. Языковъ.* «Къ вопросу объ архивномъ законодательствѣ».

За всѣми справками нужно обращаться къ Замѣстителю Предсѣдателя Общества Михаилу Константиновичу Соколовскому, Петроградъ, В. О., 10 л., д. 23.

Редакторъ *М. К. Соколовскій.*

Вышли въ свѣтъ и продаются

у Замѣстителя Предсѣдателя Общества *М. К. Соколовскаго*

(Петроградъ, Вас. Остр., 10 лин., д. 23)

первые два выпуска

„ВѢСТНИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ“.

Содержаніе 1-го выпуска.

I. Статьи и сообщенія:

1. Герцогъ **Г. Н. Лейхтенбергскій.** Изъ записокъ о Россіи графа фонъ Гёрца, прусскаго посланника при дворѣ Екатерины II.—2. **П. П. Дурново.** Изъ дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново (печатается впервые).—3. Проф. **П. И. Ковалевскій.** Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ.—4. **П. Н. Исаковъ.** Парижскій конгрессъ и Дунайскія княжества.—5. **П. Ф. Булацель.** Забытый герой Отечественной войны, генералъ-маіоръ князь Иванъ Семеновичъ Гурьяловъ.—6. **Е. П. Аврамовъ.** Бытовыя черты русскихъ мореходовъ.—7. **М. К. Соколовскій.** Изъ военно-судебныхъ дѣлъ за 1812—1814 г. г.—8. Почетный академикъ **А. Ѳ. Кони.** Памяти графа М. Т. Лорисъ-Меликова.—9. **Т. О. Соколовская.** Въ масонскихъ ложахъ. (По неизданному дневнику полковника Л. А. Симанскаго).

II. Конспекты нѣкоторыхъ докладовъ и рѣчей, прочитанныхъ въ Обществѣ Ревнителей Исторіи.

1. **К. К. Агаѳоновъ.** Послѣдній боевой конь Наполеона.—2. **И. А. Гриневская.** Новые идеалы Востока.—3. **И. А. Гриневская.** Въ Іерусалимѣ.—4. **В. К. Лукомскій.** Происхожденіе эмблемъ герба Дома Романовыхъ.—5. Кн. **В. П. Максутовъ.** Notre Dame de Termidor.—6. Проф. **С. Ф. Платоновъ.** Почему въ 1613 г. избранъ былъ на московскій престолъ именно Романовъ?—7. **А. А. Родныхъ.** Газетное объявленіе сто лѣтъ назадъ о желаніи жениться.—8. **Т. О. Соколовская.** Трагедія заката.—**Т. О. Соколовская.** Мотивы русской исторіи въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ.—10. **М. К. Соколовскій.** Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій.—11. **Л. Н. Целепи.** О необходимости сооруженія памятника Святому Благовѣрному Великому Князю Александру Невскому.—12. **С. Р. Языковъ.** Древлехранилище Кіево-Печерской лавры въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ архивовъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Содержаніе 2-го выпуска.

1. Герцогъ **Г. Н. Лейхтенбергскій.** Въ Италіи сто лѣтъ назадъ. (Принцъ Евгеній и Мюратъ).—2. Князь **Н. В. Репнинъ.** Шестьдесятъ лѣтъ назадъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—3. **Н. Н. Мамантовъ.** Полвѣка назадъ. (Изъ моихъ воспоминаній).—4. **П. И. Бѣлавенецъ.** Измѣненіе Россійскаго Государственнаго герба въ Императорскій періодъ. (Историческая справка).—5. **Е. И. Аренсъ.** Гангутская побѣда.—6. **В. П. Мегорскій.** Олонецкія марціальныя воды при Петрѣ Великомъ.—7. Графъ **К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ.** Мѣстечко Бѣшенковичи въ 1812 г.—8. **К. А. Военскій.** Къ исторіи Отечественной войны 1812 г. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 23 сентября 1812 г. (неизданное письмо очевидца).—Платокъ англійской работы 1813 года, отпечатанный въ краскахъ, съ изображеніемъ сатирическихъ картинъ изъ политической жизни Наполеона I.—9. **П. И. Ковалевскій.** Имамъ Шамиль.—10. **А. В. Бородинъ.** Иноземцы—ратные люди на службѣ въ Московскомъ Государствѣ.—11. **А. Ѳ. Кони.** Петръ Великій и народное просвѣщеніе.—12. **Т. О. Соколовская.** Капитулъ Феникса. Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1778—1822 г.г.).—13. **А. Д. Григорьевъ.** Мурманскій инокъ—архимандритъ Іонафанъ.—14. **Библіографія.**—15. **Смѣсь.**

Цѣна 8 руб. (для членовъ общества—3 руб.).

2014058306